

КАК УПРАВЛЯТЬ ВСЕЛЕННОЙ

не привлекая
санитаров

Григорий Хайт

18+

Григорий Хайт

Как управлять вселенной не привлекая санитаров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70290820

SelfPub; 2024

Аннотация

Рассказы. О том как мы в Америку ехали, ехали и наконец, приехали. Иронические, грустные, юмористические. Правдивые и не очень, мемуарные или по слухам. Вспомнились истории из жизни в СССР. Той жизни которую вы подзабыли или никогда не знали. Прочтите из интереса или любопытства. Не пожалеете !

Григорий Хайт
Как управлять вселенной
не привлекая санитаров

Контрабандист

Знаете что, читатель, начну ка я мое произведение с маленькой исторической справки. Ибо произведение мое является не только юмористическим но также и мемуарно-историческо-политическим и посему, товарищ, желательно вам историю нашу хоть чуть-чуть подучить или по крайней мере

ВСПОМНИТЬ.

Как вы знаете, после Великой революции 17 года частную собственность отменили. То есть в соответствии с декретами Ильича ненадолго дали землю крестьянам, фабрики рабочим, мир народам. Но на следующий день все отобрали. Собственность, как таковая должна была быть изжита как буржуазный предрассудок. По понятиям тогдашних коммунистических вождей все богатства должны были распределяться просто.

Стоят в углу сапоги – одевай, носи и не спрашивай – Чьи?

Идет женщина по улице – бери пользуйся и не спрашивай – Чья?.

Потому как слова такого мелкобуржуазного "Чье" более не существует. Потом вожди слегка опомнились и пошли на попятную. Временно конечно, до полной победы коммунизма. И сделали некий компромисс. Собственность поделили на частную и личную. Частную так и оставили под запретом с соответствующими статьями в уголовном кодексе, а личную вроде как разрешили. Что-то типа, все что ты себе в квартиру приволок, по советским понятиям честно заработав, то вроде это твое и никто на собственность твою покушаться

не должен.

Ну вроде все стало на свои места. Появилась некая логика в накоплении и распределении богатств. Кто-то накапливал побольше. Другой поменьше. Кто-то мог похвастаться чешской стенкой с хрусталем. А кто другой обходился бабушкиным сундуком с люмяневыми кружками. Но все равно все вроде логично и честно. Идиллия эта продолжалась долго – до эпохи массовой эмиграции, до тех пор пока отъезжающие не стали исчисляться тысячами. И тогда коммунистические правители вспомнили, что чегой-то в понимании собственности не доработали. Спросить было вроде уж некого. В Коммунистическом Манифесте про это ни слова. Поэтому пришлось самим додумывать, дополнять новыми идеями Карло-Марксовский манифест. И вот появилось такое понятие как народная собственность. То есть все личное за одним объявлялось народным с прилагательным к нему длинным списком того что Народ к вывозу разрешил, а чего велел оставить. Следить же за неукоснительным соблюдением новых законов было предложено таможенной службе. Товарищи же отъезжающие, плохо ознакомившиеся со сводом законов таможенной службы, обычно подвергались штрафам с конфискацией. Ну а особенно одаренные товарищи решившие серьезно нарушить таможенные правила отправлялись в места удаленные, где на свежем воздухе они могли глубо-

ко и внимательно продолжить изучение свода таможенных законов.

Список товаров запрещенных к вывозу постоянно обновлялся и дополнялся новыми наименованиями представляющих по мыслям советских вождей необычайную ценность и попадающих в категорию народное достояние. Термометры, горчичники, наручные часы, болгарские сигареты были признаны народной собственностью. В этот бесконечный список также вошли англо-русские словари на 50 тысяч и более слов. Очевидно что советская власть посчитала литературный английский язык также незыблемым достоянием советского народа. Ну а о таких вещицах как золотые колечки, цепочки, сережки и говорить не приходится. Ибо как в свое время писал Булгаков в своем бессмертном произведении Мастер и Маргарита – "... вы тут упорно отказываетесь сдать оставшееся у вас золотишко, в то время как страна нуждается в нем. Вам же оно совершенно ни к чему, а вы все-таки упорствуете ..."

Ну ладно. Введение слегка затянулось, хотя и не оказалось абсолютно бесполезным, ибо как мне кажется, создало тот незабываемый дух советской эпохи – границы на замке и неподкупных работников таможенной службы. Ну а теперь

перейдем конкретненько к одному бывше-советскому товарищу, моему хорошему знакомому, который и рассказал мне эту историю.

Жил да был на свете один маленький мальчик, обыкновенный московский школьник увлекшийся коллекционированием монет. Говоря по-научному – юный нумизмат. По воскресным дням он получал от родителей рубль и торопился во взрослый клуб нумизматов, где его взрослые дяденьки обманывали, втюхивая за рубль какие-то не имеющие ценности монетки. Потом мальчик подрос, поумнел. Но свое увлечение не бросил, а продолжал все также ходить в клуб нумизматов. Ходил, менял, покупал, обманывался, обманывал сам. Что поделаешь. С волками жить – по волчьи выть. Но в результате к своим 30 годам он скопил неплохую коллекцию монет. Ну а потом подули иные западные ветра. Он также как и многие другие засобирался за границу. Начал собирать чемоданы с бельишком, одеждой, да и прочими товарами на первое время заграничной жизни. И неожиданно для себя он выяснил, что его коллекция на самом деле вовсе не его, а народная. И посему либо-либо. Либо предстоит расстаться со своими драгоценными монетками, либо ... Страшно сказать. Совершить преступление против народа и попытаться вывезти коллекцию противозаконным путем.

“Так повез он свою коллекцию, или нет?” – вы, читатель сразу захотите задать вопрос.

Не торопитесь. Считайте, что читаете вы детектив и все интересное узнаете потом. Ну а пока собрав и упаковав чемоданы мой товарищ отправился на пограничную станцию города-героя Брест, дабы занять согласно купленным билетам свои места в поезде Москва-Вена. Вы, читатель, наверняка опять удивились. Почему это в поезд Москва-Вена необходимо садиться в Бресте, ибо вам кажется, что все нормальные люди садятся в поезд в пункте отправления, в данном случае в Москве. А вот кабы не так. Находчивая советская таможня изобрела и установила единственно верный и доселе никому неизвестный способ покидания Советского Союза. Едешь ты за границу как бы сразу двумя поездами. На первый поезд – Москва-Вена ты просто покупаешь билет. И отходит он из своего пункта отправления без тебя. Ты же сам добираешься до города-героя Брест на другом поезде, дабы прибыть туда за 24 часа до прихода первого поезда с тем чтобы за эти самые 24 часа не торопясь пройти таможеню. Вынести там всевозможные издевательства, заплатить штрафы за непонятно какие нарушения, типа чемодан недостаточно плоский, а баул недостаточно круглый. Дабы к

моменту прихода первого поезда, наконец перешагнуть желтую полосу отделяющую Советский Союз от всего прочего цивилизованного мира.

Таможенникам хорошо и удобно. Можно шмонать и не торопиться. Ну а если ты на свой поезд опаздаешь, так это и есть твое собачье дело, а не их – таможенских. Ну вот собственно такие вот простенькие правила, которым необходимо подчиняться.

Поэтому за 24 часа мой товарищ прибывает на пограничную станцию города-героя Брест. Платит грузчику за дефицитную тележку, грузит на нее свои чемоданы и направляется в хвост очереди на "растаможивание".

Ну далее как всегда. Очередь движется медленно, не торопясь. Товарищ мой с семьей уж успел отужинать, вздремнуть на чемоданах, умыться, побриться, позавтракать заранее заготовленной курицей с крутыми яйцами. То есть – все хорошо, все нормально, никаких неприятных сюрпризов. Наконец достигают они таможенную точку, где и начинается эдакий неспешный, ленивый шмон. Наметанным глазом таможенник сразу оценил что большого навару с этих нищесбро-

дов не будет. Поэтому он так, для острастки раскидал содержимое парочки чемоданов, сообщил что за недостаточную округлость баулов следует заплатить штраф и хотел было их отпустить по добру по здорову. Но напоследок, чисто из любопытства решил проверить карманы моего товарища, дабы посмотреть что-же везут убирающиеся из Союза нищebroды. Полез в карман пальто. Достал какие-то завалывшиеся старые трамвайные билеты, какую-то мелочь и тут – хлоп и видит он среди советских гривенников, пятакoв и двушек, затесалась какая-то блеклая старинная монетка. Он естественно выудил ее и так как его учили на таможенных курсах "понес" на моего товарища страшным голосом.

"Это еще что такое! Народное богатство, ценность необычайную вывезти хотите недозволенным способом. Я щас вам устрою!"

Товарищ же мой, больше удивился, чем испугался, потому как монетка эта никакой ценности не представляла и в кармане оказалась она совершенно случайно. Соответственно он говорит, что мол никакая это не ценность, а какая-то дрянь – николаевская копейка и ценности у нее никакой. На рубль можно 5 штук купить. Таможенник продолжает лениво спорить в надежде выколотить еще 5 долларов штрафа. И

тут ни с того ни с сего влезает в спор жена моего приятеля.

Вы помните древнее такое выражение – "Бойся данайцев дары приносящих." То я пререфразировал бы это выражение в иное – "Бойся жены рот открывающей."

Так вот, желая защитить своего мужа от недостойных нападок дилетанта и возможного штрафа, она обращается к таможеннику – "Вы, товарищ в этом деле не разбираетесь и потому с моим мужем не спорьте, поскольку он является всеми признанным нумизматом номер 1 всей Москвы и московской области."

Конечно же мой товарищ не был лучшим нумизматом Москвы. И коллекция монет у него была самая что ни на есть средненькая. И жена его лишь имела в виду, что он является лучшим нумизматом лишь в теоретической части. Но таможенник этот момент уточнять не стал. Он лишь удивленно посмотрел на нее и произнес – "Да-а?!" – потом добавил – "подождите здесь минуточку". После чего удалился по направлению к какому-то черному телефону.

Куда он звонит было неизвестно, но глядя на то как таможенник радостно подпрыгивает и машет руками становилось ясным что ничего хорошего не предвидится. Судя по всему он докладывал наверх, что за границу отправляется очень важная птица. По достоверным данным – лучший нумизмат Москвы и московской области и посему требуется уделить этой "птице" особое внимание. Потом он вернулся. Злорадно сообщил – "Подождите" и отошел в сторону. Еще через несколько минут мой товарищ увидел, как в их сторону направляется человек в выглаженной, новенькой форме таможенника. Видимо это был начальник таможни. За ним семенили еще трое. Видимо это был состав лучших потрошителей снятых начальником с других "объектов".

"Ну шо?" – покровительственно обратился начальник – "Нэ знайшов ничога?"

"Так вещей у них сколько" – пожаловался таможенник.

"Ничога" – отозвался главный – "Знойдем".

Дальше он дал отмашку своим подчиненным – "Присту-

пайте."

Троица потрошителей приступила. Прежде всего они стащили все чемоданы в одно место и просто высыпали содержимое в одну огромную кучу. После чего они приступили к если так можно выразиться – "к сортировке и проверке вещей". Главный таможенник сидел рядышком на стуле с удовольствием наблюдая за спорой работой своих подчиненных. Подчиненные же потрошители профессионально мяли вещи, прощупывая швы, простукивали чемоданы, пытались вычислить двойное дно. Разбирали матрешки на части, раскручивали электрические приборы, нисколько не заботясь о том чтобы собрать их обратно. То есть шел нормальный лагерный шмон. Товарищ мой уже молчал и лишь тихо уталкивал отброшенные в сторону "растаможенные" вещи в такие же "растаможенные" чемоданы.

Гора вещей подлежащих проверке тихонько таяла. Начальник же таможни уже начал нервно ерзать на стуле. Он все еще надеялся услышать радостный вопль своего лучшего сотрудника – "Нашел!". Но слышался лишь рабочий стук, шелест вещей и матюги таможенников. Наконец последний шов на одежде был прощупан, последний чемодан простукан и последняя детская игрушка проткнута спицей.

"Ничего!" – как бы сказала троица таможенников картинно разведя руки. Начальник грустно посмотрел на них и вдруг лицо его засияло.

"Знаю где прячешь" – радостно закричал начальник таможни, похлопав себя при этом по своей жирной заднице – "Проходите гражданин. Тут не далеко."

"Куда! Прав не имеете!" – попытался прокричать мой товарищ.

Начальник же таможни в ответ на это начал лишь безудержно хохотать. Видимо замечание моего товарища насчет прав показалось ему очень смешным.

"Тут рядышком. Недолго!" – сообщил начальник вволю нахохотавшись.

Действительно начальник не соврал. Вся процедура заня-

ла не больше 5 минут. Что ни говорить – профессионалы! Но известие "ничего нет" подействовало на начальника таможни не просто удручающе, а трагически. Еще минуту назад он безудержно хохотал, вальяжно расхаживал бросаясь белорусскими и украинскими словечками, то теперь он перешел на почти что литературный русский язык. Вальяжные шаги превратились в мелкие шажки, а глаза начали блестеть от навернувшихся слёз. Было ясно, что профессиональная честь таможенника была серьезно задета.

Он продолжал семенить рядышком с тележкой, которую толкал мой товарищ безнадежно выговаривая – "Знаю что везешь, знаю! Поймать только не могу!"

Он так и проводил моего товарища до дверей таможни, до той самой желтой полосочки отделяющей Советский Союз от всего остального мира. И когда тележка пересекла эту линию, начальник таможни закричал срывающимся голосом – "Ну ты уже там. Не мучай. Скажи как вывез!" Товарищ же мой лишь сложил из пальцев правой руки большую фигуру и показал своему провожатому.

Ну а теперь вам, читатель вопрос на засыпку. Ну что, вы-

вез товарищ свою коллекцию монет?

"Нет!" – по-видимому скажете вы – "Проскочить через видавших виды таможенников-потрошителей было невозможно!"

Так вот открою я вам один секрет. Провез таки товарищ мой свою бесценную коллекцию. И еще, так уж и быть, расскажу я вам как это он сделал. Воспользовался он тем самым таможенным правилом предназначенным именно для того что б никто не ускользнул и ничто не проскользнуло. А именно тем, что за границу следовало ехать двумя поездами. В тот самый поезд "Москва-Вена", на котором предстояло после таможенной проверки следовать моему товарищу с семьей садится в пункте отправления, в Москве его товарищ, который и едет до ... Все равно до куда, ибо места эти до пограничной станции Брест все равно будут пустовать. Далее на верхнюю багажную полку (знаете, есть в вагоне такая над входной дверью) закидывает он альбом с монетками, прикрыв его обыкновенным вагонным одеялом. Но это еще не все. Далее самый главный момент. Возле столика под лавкой он оставляет открытую сумку с бутылкой водки и колбасой, якобы забытую впопыхах пассажиром. После этого товарищ сходит и теряется в толпе. Дальше все происходит в соответ-

ствием с таможенной инструкцией. По вагону идут два пограничника с собакой овчаркой. Они должны проверить вагон на контрабанду. По замыслу советской таможни пограничники обладают зорким глазом, острым умом, а приданная им в подчинение собака отличным нюхом. И вот в собачьем нюхе то как раз все и дело. Заходит пограничный наряд в то самое купе и тут пёс вырывает поводок из рук и бросается под лавку к открытой сумке.

"Как такое может быть!" – вы скажете – "Немецкая овчарка – собака дисциплинированная, обученная строго исполнять команды."

Якобы можно оставить немецкую овчарку один на один с колбасой, приказать сидеть и пёс даже не шелохнется. Быть может скурпулезные немцы в состоянии так вот воспитать собаку. У наших же немецких овчарок только название немецкое. Воспитание же у них наше, русское. К тому же собака существо необыкновенно социальное. Обучается делать то, что делают ее старшие товарищи. Так вот, если старшие товарищи воруют предписанное ей мясное довольствие и кормят ее хлебом с костями, то и собака ведет себя также как учат – в соответствии с моральным кодексом строителя коммунизма. Поэтому первое что сделал пёс – рванулся к

сумке, одурел от счастья, увидев палку колбасы и впился в нее зубами, желая пока не поздно откусить кусок побольше. Солдаты пограничники тоже бросились к сумке. Тоже одурели от счастья обнаружив там бутылку водки. Потом вспомнили о закуске, которую урча от удовольствия поедал пёс. Дальше произошла короткая потасовка, сопровождающаяся командами "Рэкс! Фу! Отдай сволочь!" а также ненормативной лексикой. Слегка обслюнявленную Рэксом закуску они отстояли. И самое главное, что мысли у них были уже в другом месте. Солдатики покинули купе. Шаляй-валяй доделали досмотр всего остального, тем более, что обиженный Рэкс отказался работать. Потом они быстренько покинули поезд. Ну а дальше вы уже по-видимому поняли что произошло. После того когда мой товарищ показал кукиш начальнику таможни, он погрузил свои раскуроченные чемоданы в поезд и далее отыскав на верхней полке альбом с монетами попросту добавил это к своему несметному багажу.

Ну вот, пожалуй и все. Разве что маленькое послесловие. Хотите знать пригодилась ли ему эта коллекция монет. Сразу скажу, что нет. Собирать монеты он бросил. То ли воспоминания о досмотре с пристрастием отбили у него всякую охоту заниматься монетками, то ли нашлись дела поинтересней. Даже продать свою коллекцию он не сумел. Редкие американские нумизматы совершенно не разбирались в рус-

ских монетах. А ту мизерную сумму за которую предлагали они купить эту коллекцию, товарищ мой зарабатывал за один день. И вообще оказалось, что все эти трагедии с отъездом и вывозом "ценностей", было ни что иное как буря в стакане воды. Никому не нужны были эти советские вещицы и вещи так скупрулезно собираемые перед отъездом. Пиджак фирмы "Большевичка" и ботинки фирмы "Скорород" могли понадобиться лишь во время праздника Хэлуин (Halloween). Да и насчет прочих казалось бы нужных вещей...

Как-то раз задал задал мой товарищ мне вопрос – "Как ты думаешь, когда у меня был самый счастливый день в Америке?"

"Ну, наверное когда ты нашел свою первую работу." – попытался отгадать я.

"Нет" – ответил мой товарищ.

"Может быть когда ты купил дом?"

"Нет" – отрезал мой товарищ.

"Ну может быть когда ты получил американское гражданство?"

"Нет, нет и нет!" – ответил мой товарищ – "Самым счастливым днем моей жизни в Америке был день, когда наконец кончилась советская зубная паста "Жемчуг".

Шутка? Быть может. Но в каждой шутке есть доля истины.

Как управлять вселенной не привлекая санитаров

Все на свете предопределено!

То ли богом, то ли генетикой, то ли всемирным разумом. Выбирайте по вкусу, что нравится, о чем можно поспорить. Конечно тут же вспомнится известный диалог между Берлиозом и Воландом (дьявол) из замечательной книги Булгакова "Мастер и Маргарита". Вы определенно помните, что в пылу дискуссии Берлиоз вдруг обронил фразу " ... если, конечно мне на голову кирпич не свалится", на что дьявол резонно

заметил, что кирпич ни с того ни с сего никому и никогда на голову не свалится и что Берлиоза ожидает иная смерть. Ему попросту отрежут голову.

"А кто это сделает?" – поинтересовался Берлиоз.

Ну конечно же вы помните ответ дьявола – "Молодая симпатичная девушка, комсомолка, активистка."

Впрочем довольно мистики. Вернемся как к нашим материалистическим истокам, а именно к генетике. В генах человека по поводу случайного кирпича конечно же ничего не сказано. А вот по поводу болезней, особенно наследственных, все обозначено – как, когда и сколько. Потому живет человек да поживает, ничего себе не предполагает, а часики то тикают. И вот – хлоп, словно неожиданный звонок будильника – получите, и расписываться не надо.

Вчера вот еще ходил, бегал, радовался жизни, на девушек красивых заглядывался. А сегодня уж руки не движутся, ноги не ходят, красивые девушки – по боку и лишь один свет в окошке – Интернет с тысячью способов как хворь поганую излечить, от болезни избавиться.

А бывает еще по-другому. Хворь какая-то генетическая в организме сидит, но не проявляется, а ждет своего часа, удобного момента – так называемого катализатора. А потом случается какая-то мелочь, эдакая по жизни не существенная, а она мелочь эта какой-то процесс в организме и запустила, и вышла наружу хворь поганая. Жутко, страшно – до слез.

Так уж случилось, что моя жена родилась с тяжелой физиологической болезнью. У нее обе руки были левые. Болезнь эта конечно же неприятная, но не смертельная. Проявляется она, конечно же, в юном или зрелом возрасте. А случается такое, что человек доживает до глубокой старости, так и не подозревая, не вспомнив, не заметив этой болезни.

Теперь по порядку. Как я уже упоминал, что родилась моя жена с двумя левыми руками. Впрочем чисто внешне руки выглядели нормально. Одна рука – левая, другая – как бы правая. И все вроде бы правильное. Пять пальцев, ладошки, локти и все прочее рукам полагающееся.

Если, детский сад, школу с английским уклоном мы про-

пустим. Далее естественно у умных, интеллигентных девочек отличниц настает пора выбора профессии. Собственно вопрос выбора не стоял сильно долго, и отправилась девушка Ирина, впоследствии моя жена по стопам своих родителей дантистов-стоматологов. То есть на стоматологический факультет некоего большого медицинского института союзного значения. У Ирины, правда, были некие сомнения. Хотелось ей чего-то интересного, гуманитарного. Слушать переживания Наташи Ростовской, ощущать сомнения Пьера Безухова. Бормашины как-то не сильно привлекали душу 17-летней девушки. Но родители стоматологи кратко пояснили, что правильные девушки должны сверлить зубы правильным тетям и дядям, а не читать всяким дебилам письма Татьяны Онегину.

Это во-первых. А во-вторых у папы связи есть на стоматологическом факультете, а на кафедре русского языка и литературы – блат, увы, нет. Собственно так легко и просто разрешились сомнения, а также будущая судьба моей будущей жены,

Далее, как известно начинаются школьные (то бишь студенческие) годы чудесные с дружбою, с книгами с песнями. Как они быстро летят ... Да есть о чем спомнить, чем помя-

нуть студенческие годы. И колхоз, и учебу, и посещение анатомички с выдергиванием зубов у покойников, и вечеринки, и встречи, и свидания и и и ... много чего еще хорошего, радостного, интересного. Но годы, хочешь, не хочешь, но быстро летят и долетают они до 5-го курса, а конкретнее до зубоврачебной практики.

Случайно ли, специально, но оказывается Ирина со своей лучшей подругой Людой Крапивиной в недавно открытом стоматологическом кабинете в большом политехническом институте. Совсем рядышком, почти что напротив института медицинского. Видимо ректора институтов переговорили и на взаимовыгодных условиях открыли стоматологический кабинет в политехе. Взаимовыгодность сделки давайте опустим, а вернемся к тому, что там обитал и работал молодой, симпатичный врач стоматолог не сильно загруженный работой (явно не стоматполиклиника какого-нибудь районного центра). То есть появлению в его скромном кабинетном департаменте двух симпатичных студенточек он был очень рад. И работе поучить, и пошутить, и "лясы поточить", тем более, как я уж упоминал, что работа была "не пыльная", а загруженность кабинета профессорско-преподавательским составом была явно не 100-процентная. Так что практика проходила легко и весело, тучек на горизонте не предвиделось. Собственно когда молодой доктор сообщил, что завтра его

не будет ... Он ли, теща ли, жена ли заболела, но это не вызвало ни страха, ни упрека. Тем не менее доктор просил отнестись к завтрашней самостоятельной работе серьёзно.

Умные, красивые, ответственные девушки естественно отнеслись к ответственному заданию серьёзно. В кабинет пришли пораньше. Помыли подчистили, разложили все в надлежащем порядке, ну и сами оделись в соответствии с требованиями советской стоматологической науки. Белые халаты, на голове белые шапочки, на лице трехслойные марлевые маски – от подбородка до глаз. Сели, стали ждать посетителей.

Извините пожалуйста читатель. Вам эта лабуда мемуарная конечно порядком надоела. Мол начал читать как управлять вселенной, руки чешутся, так хочется поуправлять, а тут тебе рассказ о двух дурах, стоматологичках. Ну потерпите уж, читатель. Скоро начнется. Часто вам, читатель, приходилось сидеть на каких-то тренингах, мастер-классах. Потом отвечать на так называемый квиз (quiz). Ну и здесь, пожалуйста не расслабляйтесь, а ответьте-ка на вопрос: "Какая деталь оказалась самой главной в моем рассказе?"

Ну ни почему не догадаетесь! Вдохните, выдохните, попытайтесь отгадать.

Родители стоматологи? – Холодно

Студентка медик? – Холодно

Вуз по-блату? – Холодно.

Ну что, сдаетесь? Определенно! Никогда бы не догадались: МЕДИЦИНСКАЯ МАСКА

А почему? Скоро узнаете. Итак продолжим.

Стук в дверь. Дверь открывается. На пороге молодой то ли доцент, то ли ассистент лет эдак 30-ти, а может и поменьше. В общем зуб у доцента болел давно. Времени на лечение найти он не мог. Само-собой – в советской-то зубной поликлинике. А зуб болел все пуще и пуще. И вот увидел он, проходя по корридору политеха стоматологический кабинет и решил так – походя, между парами подлечить зуб, дабы время зря не терять.

Умно? Разумно? Безусловно!

Усадили девушки доцента в кресло, повязали ему на шею полотенце, приказали открыть рот и приступили к изучению зуба. В соответствии с разумением двух дур – зуб был приговорен. Сей вывод они довели до сведения доцента и предложили зуб удалить. Доцент был сугубо советским человеком, наученный доверять старшим товарищам: если партия сказала Надо, комсомол ответил Есть! Поэтому доцент согласился и лишь поинтересовался, не будет ли больно. Девушки уверили доцента, что болеть не будет. По их опыту в анатомичке – покойники не кричали. Дальше они по очереди попытались удалить зуб щипцами. Как-то не получалось. Живые зубы оказались более крепкими, чем у покойников в анатомичке. Поэтому потрудившись с полчаса две студентки решили что зуб надо выбивать долотом. Этому их учили, правда опять таки в анатомическом театре. Вновь, походя известив доцента, что план лечения изменился, девушки достали медицинское долото, медицинский молоток и приступили к врачеванию.

Ирина держала долото, а ее подруга Люда Крапивина в это долото прицеливалась. Я кстати забыл вам сказать, что

у Люды была точно такая же болезнь, как и у Ирины. Обе руки были левые. Поэтому в долото она не попала, а попала в точности по кончику носа. Доцент вскочил на ноги. Девушки извинялись используя весь свой девичий шарм. Уверив доцента, что все идет по плану и более ничего подобного не повторится, они усадили доцента обратно в зубо-врачебное кресло. Впрочем частицу "врачебное" стоит писать с изрядной долей скепсиса. На этот раз девушки поменялись ролями. Теперь уже Люда держала долото, а молоток оказался в руках более опытной Ирины. Беда была лишь в том, что более опытной она была по количеству пятерок на экзаменах. В вопросах леворукости она могла, говоря шахматным языком дать в фору ферзя. Поэтому хорошо прицелившись Ирина нанесла ...

Слава богу, что рука у моей жены не тяжелая, иначе история сия не имела бы продолжения. Совершенно верно. Ирина тоже промахнулась и попала по носу несчастного доцента.. Доцент вскочил на ноги. Лево́й рукой он отшвырнул Люду Крапивину. Право́й отбросил Ирину и одним тигриным прыжком вылетел из кабинета..

Далее детали продолжения находятся в тумане, ибо точно не известно как он оказался на кафедре, где его тут же об-

ступили преподаватели, пытаясь кто его избил.

А что еще можно предположить? Из носа сочится кровь, а вокруг обоих глаз синие круги. Версия "лечил зубы" никого не удовлетворила, пока доцент не рассказал все в деталях. Далее, естественно, работники кафедры, едва сдерживая смех, выскакивали в коридор дабы вволю отхохотаться.

Чем же кончилась сия трагикомическая история. Рыдающие девицы поехали к своему наставнику. Увидев плачущих девиц в истерике, он вначале перепугался, а потом начал истерически хохотать. Короче, никто никого не наказал, ибо все кому не надо – не узнали, а те кто узнавал, точно также хохотали до истерики. Даже доцент выиграл от всего этого происшествия. Злосчастный зуб излечили. Удалять его было абсолютно не нужно. За одним быстро и совершенно бесплатно вылечили все что было во рту. Профессионально и по-свойски, не привлекая более леворуких девиц.

То что я сейчас написал, можно честно назвать прологом и перейти, собственно, ко следующим частям нашего повествования, совершенно законно названным "Как управлять вселенной, не привлекая внимания санитаров"

Часть II. Катитесь ка вы все отсюда

А что же было потом. Для тех кто уже подзабыл или никогда не знал, я сообщу. В конце 80х годов. к власти в качестве очередного генерального секретаря КПСС пришел молодой и резвый Горбачев. Объявил перестройку, поборолся с алкоголизмом, порубал виноградники, разломал железный занавес и отпустил всех кто пожелает на все четыре стороны.

Не буду углубляться в политические прогнозы, что было бы, если бы, пришел бы, кто другой бы, и сделал бы, все наоборот бы – производство водки нарастил, а железный занавес укрепил. Думаю что ничего страшного бы не случилось. Жили-были б тогда старик со старухой не у самого синего моря, а на берегу великой русской реки, пахнувшей мазутом и канализацией. Продовольственную программу решили бы. Правда б месяцев в году проводили бы "на картошке". И персональные компьютеры бы были – один на 100 человек по талонам в универмаге. И телефоны умные бы создали весом в 16 кило (пуд иными словами) и много бы было еще хорошего.

Но как уже было сказано, бойкий Горбачев отпустил всех на все 4 стороны, из которых мы выбрали сторону западную. Переплыли через океан и оказались в стране расизма, капитализма, угнетателей и угнетенных с 85-ю долларами в кармане, выданными на прощание самой гуманной страной победившего социализма. Естественно оказались мы там не одни, а в кругу таких же бедолаг не знающих, куда ткнуться, куда податься. Впрочем сие уж слишком сильно сказано. В конце концов все "устаканилось". Кто-то оседлал программу социальной помощи, а кое-кто попытался найти работу по уму, по душе, по способностям.

Двинулась Ирина туда где кое-что было знакомо, а именно что работать по так называемой специальности. Сдав простенькие экзамены "про зубы" она устроилась в большую зубную клинику ассистентом дантиста. Как там работалось ия пропущу, но сразу же вас успокою. Никакого члено-зубовредительства там не произошло. Молотком по носу больным более не доставалось, а что такой капиталистический способ хозяйствования она поняла [все это описано в рассказе "Забастовка"]

Короче получив необходимый зубной и жизненный опыт, Ирина заявила что более зубами заниматься не намерена,

дантистом быть не желает, чем привела в смятение и депрессию всю семью и родителей зубо-врачевателей особенно. Впрочем если в 17 лет правильным девушкам надлежит слушать папу, то спустя 10 лет мнение может поменяться. И если человеку более интересна психология и психиатрия более чем зубодробильные машины, тем более.

Часть III. Психи

Сразу перепрыгну через 3 года, хотя как говорится в русских народных сказках "скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается". Но как бы то ни было – учеба закончена, экзамены сданы, диплом получен. Хоть на стенку вешай, хоть в чемодане храни.

Правильно! По мне так копать в голове поинтересней будет, чем сверлить зубы и копать во рту. И честно говоря дантисты "поехавшие" мозгами за годы сверления зубов составляют не малый контингент для психологов и психиатров. Впрочем у всех своя рутина – и у дантистов, и у актеров и у психиатров. Пациента прими, поговори, диагноз поставь, таблетки пропиши, карточку заполни. Иногда повесе-

лее – выезд на беседу с пациентом привязанным к кровати в психиатрическом госпитале. Впрочем такое редко случается. Чаще пациенты сами в дверь кабинета. Вежливые, благодарные. Даже "тревожную кнопку" жать не приходится – так все культурно. И пациенты разные, интересные. Сплошной интернационал. И белые и черные, и китайцы и индийцы, и африканцы и европейцы, и русские в смысле русско-говорящие, даром что русский язык во всех советских республиках знали. Кстати Восточную Европу да Монголию, тоже называют русскими, потому как если пациент по английски не говорит, то что с ним делать. Общайся как можешь. Это вам не семейный доктор, который вас на анализы пошлет а потом разберется. Для головы анализов пока не придумали.

Впрочем – это я слегка отвлекся с пояснениями насчет американского интернационала. Потому ничего удивительного не было в том, что очередной вошедший пациент сказал "Здрасьте!" Как бы ничего нового, интересного. Жалобы, как часто бывают на так называемое "экзайети" – сильное волнение в переводе. Случай весьма ординарный. Единственное, что слегка удивило, что причины волнения человек наотрез отказался назвать. Слегка странно это. И еще – показалось Ирине, что она этого человека где-то видела. Но не по обыкновению в русском магазине, где покупатель скандалит, что ему колбасу нарезали сильно тонко или слишком толсто, а

в другом, более значительном месте. Впрочем вспоминать, задумываться не хотелось, а принципиального значения для диагноза это не имело. Посему лечение назначилось стандартное. Нечто успокоительное – получите в аптеке, этажом ниже. Далее редкие стандартные встречи.

Беспокойства больше? – Таблеточку добавим. Беспокойства меньше? – Дозу уменьшим. Жалобы на сопутствующие неприятные симптомы? – лечение поменяем.

Все идет, как положено. "Качаемся на волнах моей памяти".

И вот однажды этот пациент требует немедленной встречи в связи с чем-то очень важным. "Эмерженси" – говоря по-английски и по-медицински. Эмерженси так Эмерженси. Получите, проходите, присаживайтесь, рассказывайте. И вот этот пациент глубоко вздохнул и начал рассказывать свою историю. Что его беспокоит, что да где с ним случилось, почему семью свою бросил, почему прячется под скамейками в парке, почему частенько прихватывает его полиция и тащит в психиатрический госпиталь.

И вот начал рассказывать он свою историю. Не хотел он

раньше раскрывать то что его беспокоит, поскольку все что он расскажет – это страшная тайна. Оказывается он уже давным давно борется с темными, межпланетными, межгалактическими силами Вселенной, которые строят всяческие козни пытаясь известить население планеты Земля. И он в одиночку пытается противостоять этим силам. И давно ли он борется, попыталась выяснить Ирина – желая уточнить для себя время начала болезни.

– Да уж 10 лет, и началось это в момент, когда межпланетные темные силы послали двух своих киллеров уничтожить его лично – начал рассказывать пациент.

Дальше он пространно, но в деталях изложил историю, как в институте, где он работал открыли якобы стоматологический кабинет, как заманили его туда. Красочно описал он двух "допель-хэндлеров" (так называемых перевертышей, оборотней), одетых во все белое, с лицами закрытыми белыми масками, от подбородка до глаз, дабы их нельзя было опознать и ликвидировать. Особенно страшно эта история звучала о том когда допель-хэндлеры пытались вживить ему в голову передатчик с помощью страшных инструментов – долота и молотка. И тут Ирина перестала сомневаться и поняла кто сейчас перед ней. Он в точности пересказывал ту

самую трагикомическую историю с лечением зуба. У Ирины по спине бегали мурашки. По сути дела ей казалось, что своим неудачным лечением зуба она и ее подруга Люда запустили в голове этого доцента какой-то психический процесс – шизофрению, долгое время кое-как державшийся на подпорках из здраво-мыслящих нейронов. И вот теперь, дело ее рук сидело перед нею и выплескивало шизофренический бред. Без сомнения – это был тот самый доцент из политеха, а доппель-хэндлер в белом, пытающийся вживить в голову передатчик, была она. И спасала ее, та самая трехслойная медицинская маска, благодаря которой доцент не мог её опознать и как грозился, ликвидировать.

Тем временем аппойнтмент-встреча подходила к концу, рассказ воителя вселенной тоже. Наконец он вздохнул и перешел к самому важному моменту, из-за которого он просил срочный/эмердженси аппойнтмент/встречу. В связи с его большой занятостью в деле борьбы с темными силами вселенной, он назначает Ирину своим первым заместителем.

Боже мой, как темные силы обманули, обвели вокруг пальца бедного воителя вселенной и защитника планеты Земля. Он предлагал должность своего первого заместителя тому самому доппель-хэндлеру подосланному к нему 10 лет назад. Впрочем Ирина должность эту не приняла, стала вяло отказываться. Но бывший доцент сказал что дело сделано, дан

дил, говоря по-английски, инструкцию по работе и наградную медаль пришлет по почте. А как насчет таблеток, препаратов поинтересовалась Ирина. На это пациент-воитель гордо ответил, что более лекарств принимать не будет, а себя целиком посвятит с борьбе с вселенскими темными силами. Далее вежливо попрощался и ушел.

Ничего не поделаешь. Насильно в Америке никого не госпитализируют. Таблетки в рот насильно не впихивают. Так что оставалось лишь ждать.

Впрочем результат неблагоприятного решения доцента не заставил себя долго ждать. Недельку спустя ей позвонили из госпиталя и сообщили преинтереснейшую вещь. Оказывается наш доцент воитель вчера вечером шел по центральной улице Маркет-стрит, громко выкрикивая нечто неразборчивое. Впрочем для Америки это нормально. Свобода плюс демократия. Ори что хочешь. Таких доцентов на Маркете пруд-пруди. Можешь лежать. можешь ходить, а можешь стоять с плакатом. Там на маркете уже 20 лет кряду стоит один мой хороший знакомый. Собирает деньги на поддержку одного триллиона, двухсот пятидесяти пяти миллиардов галактик. И что ж вы думаете – подают.

Впрочем наш доцент повел себя не цивилизованно. В какой-то момент он разделся. Да-да полностью. Никаких там вам трусов и носков. Потом он разбил витрину какого-то приличного магазина модной женской одежды и белья, залез в эту витрину и удобно устроился между женскими манекенами и аккуратно разложенными трусиками, халатами и комбинациями. Прибывшая полиция долго увещевала, пытаясь достать его из витрины. Довольные туристы ходили кругами и щелкали своими фотоаппаратами, дабы запечатлеть, сохранить на память и порекомендовать своим приятелям поездку в удивительный город на 7-ми холмах – Сан Франциско.

Потом день стал клониться к ночи, все изрядно подустали. Вероятно полицейские тоже. Кончалась полицейская смена. Поэтому они достали электрошокеры, полицейские дубинки и быстро решили проблему. Куда везти доцента вопросов не возникло.

Когда Ирина пришла в госпиталь, то застала типовую картину. В кровати лежал ее хороший знакомый доцент, пристегнутый наручниками к перильцам специализированной кровати. Настроение у него было прекрасное – спокойное и

расслабленное. Несколько уколов успокоительного сыграли свою роль. Пациент попросил, а персонал вызвал лечащего врача. Это нормально и желательно для всех. И для врачей из психиатрического госпиталя, и для самого в меру опасного пациента.

Впрочем доцент вызвал Ирину не как врача или медсестру, а как своего первого заместителя. Рассказ доцента был вполне понятен, логичен и вполне тянул дней на пять лёжки в кровати с наручниками.

Почему кричал нечто невнятное? – Потому что переговаривался с темными вселенскими силами,

Почему разделся? – Тоже понятно. Одежда была отравлена пришельцами из космоса.

Почему разбил стекло и залез в витрину? – Естественно потому что смертельные лучи сквозь стекло не проникают.

Почему в магазин женской одежды? – Тут он честно сказал, что даже и не обратил внимания куда он залез.

И на этом спасибо. Психиатрический персонал госпиталя успокоился. Не сексуальный маньяк! Ура! Через пару дней-недель можно выпускать на свободу, День-другой интенсивного лечения. Психо-социальная лекция о недопустимости насилия. Недельный запас таблеток и гуляй на все четыре стороны. Можно опять на Маркет-стрит. Там весело!

Долго ли держался наш доцент-воитель, как долго принимал лекарства от головы и психозов естественно никто не знает. Но через месяц он опять загремел в психушку. На этот раз он едва не утонул. Пошел купаться в холодную воду океана, среди скал, камней и волн. Туристы вызвали полицию и пожарных. Те соответственно службу спасения и достали его из воды. Да, с трудом, с риском для жизни. И опять голым. Полиция опять свезла его в психиатрический госпиталь, хоть наручниками к кровати уже не приковали. Опять вызвали Ирину поговорить, оценить состояние. Опять же по секрету он сообщил, что в воду его загнали пришельцы из космоса.

Собственно вот и вся история борьбы и управления вселенной, хоть и с пристальным вниманием санитаров, На первый взгляд смешная, на другой взгляд грустная, особенно для семьи, а на нейтральный взгляд врача психиатра – ру-

тинная. Все можно поправить, но не всегда все удастся.

Но вот однажды он исчез. Потом прислал письмо, вполне здоровое, что вернулся к себе в родной город. Быть может ему там будет лучше. Говорить то там можно все таки на родном языке. А за рюмкой водки с друзьями или в клубе по интересам можно все рассказать, все узнать, все услышать, все распланировать. И никто не будет сомневаться правда ли это, насчет пришельцев или нет.

А может быть они действительно существуют?

Самоубийца

Самоубийцу зовут Боря. Наверняка вы тут же возмущенно скажете. Слышь, автор, поди подучи грамматику. О самоубийце следует писать в прошедшем времени, потому как во времени настоящем это уже персонаж, а не бездыханное тело. Безусловно вы правы, читатель. С русской грамматикой у меня действительно плохо, но тем не менее я не ошибся. Дело в том, что самоубийца Боря – жив, здоров. Вполне возможно, что и вам того же желает.

Ага! – скажете вы, читатель. Значит не удалось самоубийство. Дело самоубийственное не закончил и врачи-докто-

ра спасли неудавшегося самоубийцу. На этот раз вы правы, но лишь на 50%. Врачи-доктора Борю-самоубийцу действительно спасли, но самоубийцей, Боря вовсе не собирался становиться, более того, он жадно боролся за свою бесценную жизнь. Просто вот так получилось.

Так почему же я назвал Борю самоубийцей. Да все потому, что его деяния по-иному характеризовать то нельзя. К примеру, вот. Поколение постарше наверняка смотрело детский смешной фильм Айболит-66. И главным действующим персонажем, кроме Айболита был Бармалей. И вот задумал Бармалей вместе со своими двумя подельниками напасть на Айболита и ограбить его. Отнять все лекарства спрятанные в айболитовском саквояжике.

Нормально! – скажет поколение помоложе.

А зачем? – поинтересуется поколение постарше.

Зачем? – Это пояснил Бармалей – Мы отнимем у Айболита все лекарства, выпьем их и никогда в жизни больше не будем болеть.

Передоз! – скажет представитель поколения помоложе.

Правильно! – отвечу я.

Бармалей хоть и не был самоубийцей и даже наоборот, тем не менее желание сожрать все таблетки и прочие лекарства безусловно были бы квалифицированы как попытка самоубийства. Во многом Боря следовал по стопам Бармалея, желающим сим способом укрепить здоровье.

Но давайте-ка обо всем по порядку.

Во-первых по характеру Боря был вовсе не Бармалей, а почти что Айболит. Всем окружающим желал только добра, впрочем, себе особенно. Любил жену, детей и даже тещу. Заботился о будущем своем и детей, в связи с чем "сделал" себе две квартиры, которые и начал заполнять всяческими материальными благами. Ну какие там походы на сторону, ну какие там пьянки с друзьями, ну какие там выезды на рыбалку. Некогда! Теща нарадоваться не могла на такого зятя. Впрочем, об этом потом, поскольку она в Борином "самоубийстве" тоже поучаствовала. Потом, потом, потом ... А пока Боря занимался поиском материальных благ и заполне-

нием ими обеих квартир.

Впрочем, поиски и приобретение материальных благ в Советском Союзе особенно связаны с волнениями. Завезли, или не завезли к примеру в магазин чешский сервант. А какого цвета? А красивый или нет. А может подождем финский гарнитур. А как записаться? А как проскочить без очереди? А как, а что, а почему и тому подобное. Решаются вопросы "как, что и почему" естественно волнениями, нервами. А что такое нервы? Как говорила в свое время моя тетька – "Все болезни от нервов. Один сифилис от удовольствия." Впрочем, насчет удовольствий вы возможно не согласитесь, но насчет нервов – это точно. Понервничаешь – и хворь поганую заработаешь. И вот, к несчастью, заработал таки от всей этой нервотрепки Боря себе хворь поганую по имени ЯЗВА. А язва – это ж опять нервотрепки. Где лечить, как лечить, чем лечить. Короче заколдованный круг. А заколдованный круг в конце концов рвется. Рвется самым неприятным образом и получаются очень неприятные, а иногда даже смертельные осложнения с нелеченой язвой.

Много, много лет назад один мой товарищ рассказал мне об этой пренеприятной истории. Он хорошо знал Борю и был в курсе этой истории болезни. Без деталей, коих, он впрочем,

не знал, товарищ мой рассказал, что привезли Борю в больницу. Лечащий врач, хирург У. настаивал на немедленной операции. Боря не соглашался. Потом он потерял сознание. Хирург У. сказал его жене, что: либо она подписывает разрешение на операцию, либо через час увозит хладный или еще теплый труп. Жена Мила разрешение подписала. Операция прошла успешно, хоть и была она не простой и хирург У. применил весь свой недюжинный опыт. А еще через несколько недель Борю выписали домой. Так сказать вот она – краткая история болезни. Боре мы конечно посочувствовали, поздравили с чудесным исцелением и в общем то историю забыли.

А потом проходит много, много лет. Советский Союз развалился. Народ рванул веером из того что когда-то считалось "союзом нерушимым". Кто-то оказался в Америке Северной, кто-то на Ближнем Востоке, кто-то разлетелся по братским советским республикам, а ныне независимым государствам. Так уж получилось что мы оказались в Америке и тот самый врач хирург У. тоже здесь же, но уже на пенсии. Пенсия – это самое главное свободное время, которое можно использовать с пользой. Доктор У. написал книжку мемуаров, издал ее скромненьким тиражом и стал одаривать экземплярами своих знакомых и родственников. Так и получили мы в подарок мемуарную книжку "Записки хирурга".

Книжку врача хирурга, особенно мемуарную читать весьма тяжело, поскольку она на 90% состоит из описания тяжелых случаев, успешных и неуспешных операций. Но мне было интересно почитать, в каком-то смысле погрузиться в атмосферу медицины, еще тогдашнего советского врачевания. Посему читал я эту книжку, не очень подробно, перелистывая страницы, пропуская имена-названия костей, мышц, кишок и еще черт знает чего. И вдруг начинаю читать описание очередного происшествия/операции и вдруг нахожу знакомое имя – Боря и более того, хорошо знакомую Борину фамилию. Дело в том, что доктор У. писал все ж таки мемуары, а не художественное произведение и потому скрывать под вымышленными именами своих пациентов не собирался. Потому Борина фамилия тут и засветилась. Мне же стало очень интересно прочесть Борины "хождения по мукам". И не зря я проштудировал Борину историю болезни, или иными словами Борину попытку самоубийства.

Итого. Начало я как бы знал. Вспомнил рассказ моего друга о болезни и чудесном исцелении Бори. Доподлинно известно лишь то что доставили Борю в городскую больницу номер 1 с желудочным кровотечением. Детали врачевания я пропускаю, ибо это не интересно, в этом я ничего не по-

нимаю, да и вы, читатель, тоже. Но все же пациента Борю как-то стабилизировали и доктор У., взявший пациента стал предлагать Боре операционный стол для проведения немедленной хирургической операции.

Как водится, пациент, которому стало капельку лучше начинает отказываться. Ссылается на занятость, семью, маму, папу, тещу. Обещает лечиться, соблюдать диету, все назначения врача и т.п. Доктор же в ответ рассказывает ужасающие истории, рисует семь кругов ада через которые Боре придется пройти. Рассказы о семи кругах ада Борю конечно же напугали и потому согласился Боря ... Ой как страшно говорят хирурги – лечь под нож. Дальше все по заведенному порядку. Пациента к операции готовят – работа рутинная. Хирург к операции готовится – работа тоже рутинная. Боря же, в это самое время, развивает же совершенно не рутинную деятельность. Был в то время в нашем городе один главный то ли хирург, то ли врач. Короче некий С. курирующий медицинские учреждения. И вот к нему Боря направляет делегацию своих родственников. Со сложностями, но как бы то ни было, они пробиваются к С. на прием. Понятно, что дело срочное, безотлагательное. Детали разговора конечно же никто и не помнит, но канва разговора такая.

Теща: Кто у вас в больнице номер 1 самый лучший хирург?

Главный врач С: У нас все хирурги очень хорошие.

Теща: Верим что ваши хирурги очень хорошие, но кто у вас самый лучший?

Главный врач С: Ну к примеру доктор Дундуков. Прекрасный, ответственный хирург с тысячью успешно проведенных операций.

Теща: Это как раз то что нам нужно. А не могли ли вы позвонить доктору Дундукову и попросить его успешно провести хирургическую операцию. Ну а мы вас отблагодарим.

Далее из тещиной сумочки-чемоданчика извлекается тогдашняя валюта советской интеллигенции – коньяк Наполеон и подарочный набор конфет Ассорти. Все это сопровождается словами – "Это половина, а вторая половина после успешно проведенной хирургической операции."

Ну что остается главному городскому врачу С? Позвонить доктору Дундукову и просить успешно провести хирургическую операцию. Кстати говоря, ничего определенного глав-

врач С. о докторе Дундукове не знал. Сказал так, навскидку, дабы не ударить в грязь лицом, шоб никто потом не говорил "то ж мне главврач, который своих подчиненных не знает."

Но это происходит за пределами городской больницы номер 1. А в пределах той самой больницы, доктор У. готовится к операции. Борю же к той самой операции готовят. Далее следуя мемуарам доктора У, в то время когда он уже облачился в хирургический халат, почти домыл руки и почти одел хирургические перчатки, в предоперационное отделение врывается разгоряченный доктор Дундуков.

"Мне только что позвонил сам С. и просил самолично провести операцию вашему пациенту."

"Ну хорошо" – отвечает доктор У. – "Пациент готов, палата тоже. Мойтесь, облачайтесь, начинайте, а я вам буду ассистировать."

"Отлично" – сообщает доктор Дундуков – "тут только вот проблема. Я прямо вот сейчас должен ехать на дачу. Давайте-ка вот что сделаем. Пациент стабилизирован, кровотечение остановлено. Сегодня пятница. Если начнем делать операцию, я тогда на дачу точно не попаду. Давайте перенесем"

операцию на понедельник. Все равно за два дня ничего с ним не случится."

"А если случится?" – поинтересовался доктор У. – если опять начнется кровотечение?"

"Да ничего не будет" – продолжал доктор Дундуков – "полежит на диетке пару днейков, а дальше в понедельник, прямо с утра все и сделаем."

"Ну а если все-таки что-то произойдет?" – продолжал настаивать доктор У.

"А ..." – задумавшись произнес доктор Дундуков – "тогда вы позвоните ко мне на дачу и я тут же приеду."

На сём и расстались. Боре сообщили о переносе операции. Боря был несказанно счастлив. Операцию он воспринимал как предстоящую казнь, а два предстоящих дня – как чудесный божественный подарок. Впрочем, радости Бори доктор У. не разделял и на всякий случай попросил медсестру заглядывать почаще к блатнику Боре, присматривать за ним. Ну а сам доктор У. тоже уехал на дачу, но свою, не Дундуковскую. Теперешняя молодежь наверняка не знает это вождя советское слово "дача". Поинтересуйтесь у своих

"предков" – бабушек, дедушек, на худой конец у родителей. Авось просветят.

Далее происходит вот что. В воскресенье с утра раздается звонок телефона на даче доктора У. Подозревая что-то весьма неприятное, доктор У. снимает трубку телефона. На проводе медсестра, которую попросили почаще навещать блатника Борю. Взволнованным голосом она сообщает, что пациент в сознании, но весь белый. Пульс есть, а вот давление не прослушивается. Вам это ни о чем не говорит, а вот врач сразу понимает. Серьезное желудочное кровотечение.

"Ну а доктору Дундукову вы звонили?"

"Да, звонила. Но он трубку не берет."

Судя по всему, весьма ответственный доктор Дундуков, хорошо отметил приезд на дачу, совершенно забыл и о пациенте, и о советской валюте в виде коньяка с конфетами. Но это выяснили потом. А сейчас нужно было срочно добираться в больницу. А как? Был у доктора У. срочный, как сейчас говорят, эмэрдженси номер, также как и телефон, проведенный, сказать неслыханно, в деревенский дом. Ну вот набирает доктор У. срочный номер СанАвиации. Не удивляйтесь,

пожалуйста. Доктор У совершенно не собирался лететь в город на самолете и выбрасываться с парашютом. СанАвиация – это не только самолеты и вертолеты. У них естественно есть и автобусы и автомобили, потому что если пациента доставляют на аэродром, далее колесами его надо везти в город, в больницу.

Злая перепалка с диспетчером СанАвиации все же заканчивается в пользу доктора У, который уже угрожал, что если через час он не будет в больнице, то пациент умрет, а диспетчер за это ответит. Итого, все решилось хорошо. Прислали автобус, который и докатил доктора У до больницы.

Ну а теперь маленькое отступление, отсылка к действиям самоубийцы Бори. Что он там натворил. Собственно ничего особенного. Собственно это теща поучаствовала в столь нежелательном течении событий. В субботу с утра она начала печь пирожки. На вопрос – "Мама, что ты делаешь?", Борина теща сообщила, что Боре предстоит тяжелая операция и потому Боре надо набираться сил. На несмелые возражения дочери, что мол доктора велели Боре сидеть на диете и ничего не кушать, Борина теща, эдак подбоченясь, уперши руки в бока, заявила – "Доктора велели Боре не есть больничную еду, которая, как известно, сплошная отравка. А вот

кушать домашнюю еду – это можно и даже очень полезно.

Короче румяные пирожки поджарились и перекочевали в корзинку, в которую также был поставлен горшочек масла. Далее мама, тепло одевшись, поехала навещать больного Бору. Для полного сходства со сказкой Шарля Перро не хватало лишь красной шапочки в гардеробе и серого волка в парке возле больницы.

Кстати хочу поделиться с вами последними историческими исследованиями сказки Шарля Перро. Оказывается, что там было все не так. Волк, как известно сначала съел бабушку, потом Красную шапочку, а потом решил закусить пирожками. Сожрал всю корзину пирожков. От обжорства живот у него лопнул и оттуда выскочили живые и невредимые бабушка и внучка Красная Шапочка. Охотники же явились потом и нагло присвоили себе героический поступок по ликвидации волка.

Собственно примерно то же самое произошло с Борей. Не выдержав, соблазненный чудесным запахом свежеспеченных пирожков, Боря съел один пирожок, потом другой, потом третий ... И в результате на следующий день мед

сестричке пришлось звонить доктору У. и докладывать, что пульс есть, а давление не определяется.

Ну, собственно говоря история могла бы тут успешно закончиться, если бы не последняя Борина самоубийственная попытка. Он напрочь отказывался от операции, желая оперироваться исключительно у доктора Дундукова. Я уже упоминал в начале рассказа, что Боря в конце концов потерял сознание, "отключился" по-простому. Жена Мила тихо мям-лила, что Боря ее не простит, если узнает что оперировал его не доктор Дундуков, а неизвестно кто ... И лишь окрик – "Либо вы подписываете разрешение на операцию, либо через час увозите труп", Мила решилась и чиркнула свое имя.

Боря вышел из больницы через 3 недели. Чувствовал себя хорошо, язва уже не беспокоила. Немножко грызла мысль, что зря заранее отблагодарили главврача С. и хирурга Дундукова. Впрочем, и это вскоре забылось. Потом пошла советская рутина. Достань, купи. Купи, достань. Потом грянула перестройка с ее неограниченными возможностями для одних и нищетой для других. Впрочем, участвовать в бандитских разборках Боря не стал. Как вы поняли, по складу характера Боря был ни бандитом, ни лихим будённовцем. Просто уехал в Америку прихватив, как свои материальные цен-

ности, так и чужие. В Америке успешный Боря успешно занялся обворовыванием страховых компаний. Поговаривают, что в его офисе даже висел плакат – "Если у вас ничего не болит, это еще не значит, что у вас ничего не болит!"

А доктор У? Доктор У. тоже переехал в Америку в город Нью Йорк, где случайно повстречался с Борей. Боря встретил доктора У. весьма радушно. Покатал на шикарном автомобиле, показал свой новый дом выстроенный в барыжно-готическом стиле, после чего они тепло распрощались.

Собственно вот и вся история, написанная с перерывом в 50 лет.

Рождественская история

Он был очень голоден. Последний раз он ел почти сутки назад. А потом так уж получилось. Храбрился, немножко даже похвалялся перед мамой, своими братьями и сестричкой. Смотрите, мол, каков я. Настоящий солдат. Все вынесу – и холод, и голод. Всегда приду вам на помощь. Но в результате получилось-то не очень хорошо. Как-то безвыходно и глупо. В кармане лежат 20 долларов, а купить ничего

нельзя. Рождество! Единственный день в Нью-Йорке, когда вся жизнь замирает и время точно останавливается. Вместо шума и снующего повсюду народа – редкие прохожие. Вместо грохота повозок и гудков автомобилей – пустые улицы. Вместо приветливо открытых дверей магазинов – железные сетки и ставни на окнах.

Он знал, что еще через несколько часов, чуть ближе к вечеру мир приобретет свой обычный деловой ежедневный окрас. Но этих нескольких часов у него не было. Ровно в 3 часа дня и не секундой позже он должен был оказаться в казарме. Доложить, что рядовой Рик Смирнов из увольнительной прибыл, а потом просто ждать своего часа, когда подадут военные грузовики и их будут пересчитывать, делить на группы, загонять в закрытые брезентом кузова автомобилей.

На всякий случай Рик свернул в проулок и подошел к еврейской лавке. Ну пусть будет еврейский кошерный бутерброд. Но и эта лавка была закрыта. Евреи не верили в Христа, но верили в бизнес. Хозяева же наверняка знали, что бизнеса сегодня не будет. Рик опять выбрался на центральную улицу и бодро зашагал, нагоняя потраченные минуты.

— Все-таки как удивительно и странно получилось – подумал он.

xxxxxx

Еще две недели назад все было совершенно по-другому. И

жизнь его перевернулась в одно мгновение. Тогда, две недели назад, Рик решил попытать счастье с работой в районе побогаче. Оделся получше. Хотя как он мог одеться получше в свои единственные штаны, рубашку и куртку. Попросту почистил одежонку. Обрезал ножницами свисающие лохмотья штанов. Даже причесал волосы и попросту пошел куда глаза глядят в сторону сверкающих магазинов и ухоженных домов.

Удачи никакой не было. Кто-то сразу гнал его даже не выслушав, даже не пуская на порог. Какие-то хозяева магазинов выслушивали, но тут же разводили руками. Мест нет, в помощи не нуждаются. Наиболее сердобольные говорили, что мест сейчас нет, но может быть через месяц какая-то работа появится. Рик считал это за удачу и уходя пытался запомнить место и название бизнеса. Так он потратил полдня. В конец замерз, уже ходил по улице в надежде найти какое-нибудь место чтобы просто согреться. И тут неожиданно в глаза бросился огромный плакат на котором был изображен американский пехотинец с ружьем наперевес и рядом с плакатом тяжелая дверь с табличкой US Army.

Рик из любопытства подошел к плакату. Долго заморожено пялился на пехотинца. Потом все еще побаиваясь приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Глазам открылся огромный словно в церкви пустой зал и несколько столов вдоль стены за которыми сидели люди в военной форме. Понимая, что он не должен держать открытой дверь, Рик набравшись

смелости скользнул внутрь. Он так и остался стоять подле двери, надеясь, что его не заметят и ему удастся постоять с полчаса и согреться. Впрочем, появление Рика не укрылось от военного сидящего за ближайшим столом. Оторвавшись от каких-то бумаг, он взглянул в сторону Рика и пригласительно махнул рукой. Рик оглянулся по сторонам, полагая что пригласительный жест предназначен кому-то другому. Но вокруг никого не было. На всякий случай Рик ткнул себя пальцем в грудь, как бы спрашивая – "Меня?"

Тебя, тебя – закивал военный и вновь пригласительно махнул рукой. Рик несмело подошел к столу и испуганно заговорил.

— Я просто мимо шел. Плакат увидел. Решил заглянуть

...

— Ну и отлично – перебил Рика военный – присаживайся, поговорим.

— Садись, садись, не стесняйся – бросил военный, указав на стоящий тут же стул.

Рик, подчинившись, присел на краешек стула.

— Смелей, смелей – рассмеялся военный – не съедят тебя тут. Ну что, холодно? Замерз?

— Немножко – подал голос Рик.

— Ну значит посидишь, согреешься. А мы с тобой поболтаем о том о сем. Согласен?

— Угу – согласно промычал Рик.

Военный немножко поговорил о погоде. А потом словно

забыв что-то, хлопнул себя по лбу и спросил – Кофе будешь пить?

— У меня денег нет – испуганно проговорил Рик.

Военный захохотал. Последнее замечание Рика показалось ему очень смешным.

— Парень, здесь тебе не кофейня – отсмеявшись поучительно произнес военный – Это армия Соединенных Штатов. Пока ты здесь, все бесплатно.

Потом он поднялся и быстрым шагом удалился в какой-то закуток. Еще через минуту он появился оттуда, неся в руках две грубые чашки, заполненные доверху дымящимся черным напитком. Рик с благодарностью принял чашку все еще никак не понимая, чем он все это заслужил. Военный же сел за свое место и громко отхлебнув кофе завел, казалось бы ни о чем, пустой разговор. Поначалу Рик слушал его рассказ в пол-уха, тем не менее поддакивая и изображая интерес, а потом потихоньку всерьез заинтересовался. Военный рассказывал о таких удивительных и интересных вещах и эпизодах своей жизни, о путешествиях по разным странам. О битвах в которых он участвовал, в которых наши войска всегда побеждали неприятеля. Рик у оставалось лишь сидеть с открытым ртом и слушать все эти невероятные рассказы. Потом потихоньку военный перевел разговор на Рика. С жалостью и сожалением он обвел глазами Рика, его старую потрепанную одежду и заговорил.

— Я вижу, парень, ты из бедной семьи. И останешься ты

таким же неудачником и бедолагой на всю жизнь. Менять надо все. Резко и круто. Понравился ты мне парень и хочу тебе помочь. Как раз сейчас идет запись в армию. И прямо сейчас ты можешь записаться, стать солдатом, героем. Ну что ты на это скажешь?

Рик замешкался. Все что он слышал от военного казалось интересным и привлекательным, но вечно сидящий в нем испуг и неверие в себя не позволяли Рику принять какое-либо решение.

— Ну я не знаю – неуверенно заговорил Рик – Мне с мамой надо поговорить. Что она скажет...

— С мамой! – возмущенно выдохнул военный – И ты не знаешь что она скажет? Сиди дома и нос на улицу не высывай! Так?

Рик смущенно кивнул.

— Зовут тебя как? – еще раз спросил военный – Извини имя твое запомнил.

— Риком кличут – все также неуверенно выговорил Рик.

— Рик, Ричард! – громко, властно, с уважением произнес военный – Ричард львиное сердце.

— Вот оно настоящее имя! А ты трусил ... Эх ... – Разочарованно выдохнул военный – Ну ладно, иди к мамочке.

Рик неуверенно поднялся

— Я приду, я обязательно вернусь. – сбивчиво заговорил Рик – Мне только с мамой поговорить.

— Вернешься, да только поздно будет – безразлично ска-

зал военный, опять уткнувшись в свои бумаги – места займут. Не знаешь что-ли сколько кругом желающих.

Рик замешкался. Сколько раз случалось, что работу, предназначенную ему буквально из-под носа уводили более бойкие и резвые ребята.

Почувствовав секундное замешательство военный опять заговорил.

— У тебя, небось и девушки то никакой нет. Ну подумай, такой, как ты сейчас. Кому же ты нужен?

Рик кивнул стыдливо опустив глаза. Хочешь слышать или нет, но военный говорил сейчас чистую правду.

— А пойдешь в армию. Вернешься героем с медалями. Да любая девушка за счастье посчитает просто пройти с тобой. И еще. Заслужишь – пойдешь в школу офицеров. Представляешь – офицер. С саблей, револьвером, на белом коне! Впрочем, ладно. Не тебе все это. Отправляйся домой к маме. – уже презрительно закончил военный.

— Нет, нет – вдруг выпалил Рик. Последнее упоминание о девушках и офицерской школе окончательно сломило его – Я записываюсь! Можно? Прямо сейчас!

— Молодец, Рик! Немедленно отозвался военный – Я сразу понял, что ты настоящий парень. Садись, устраивайся поудобнее. Начнем!

Как по волшебству, перед военным появился большой лист желтой бумаги – государственный бланк.

— Имя и фамилия – начал военный.

— Рик. То есть Ричард Смирнов.

Военный вписал имя и фамилию в какие-то графы листа, перевернув при этом фамилию.

— Возраст на сегодняшний день? – последовал следующий вопрос.

— Сколько тебе лет? – снова спросил военный, сообразив, что Рик вопрос не понял.

— Семнадцать. – отозвался Рик.

Военный тут же отложил перо в сторону и будто бы не расслышав ответа вдруг заговорил на посторонние темы – об армии, героях войн. При этом несколько раз возвращаясь и повторяя, что в армию по закону может взят молодой человек, которому на момент подписания договора исполнилось 18 лет.

— Никакие документы не требуются – подчеркивал военный – здесь привыкли верить на слово.

— Ага, помогает – подумал Рик с благодарностью глядя на своего спасителя – Намекает что нужно сказать.

Наконец военный кончил. Вновь пододвинул к себе бланк договора и вновь официально спросил – Возраст на сегодняшний день?

— Восемнадцать лет – выпалил Рик.

Военный едва заметно кивнул и продолжил – Месяц, день и год рождения.

— Четырнадцатого июля.

Тут Рик осекся, лихорадочно высчитывая год своего но-

вого рождения. Впрочем, военный уже сам проставил правильный год в бумаге.

— Вероисповедание, религия – последовал следующий вопрос.

— Русский я – ответил Рик.

— Это не имеет значения – отозвался военный – Религия?

Рик замялся, не зная как ответить на этот вопрос. Слово православный он знал, но как переводится это слово на английский он не подозревал.

— Право, право... – вертелось в голове. Наконец само собой вырвалось – Правильная религия.

Военный улыбнулся и по-отечески заметил – В Америке все религии правильные. Впрочем, если не хочешь, можешь не отвечать – заметил он и поставил прочерк.

Вопросы следовали за вопросами. Смысл некоторых из них Рик не понимал. Тогда военный сам заполнял графы или ставил прочерк. Наконец они добрались до конца бумаги. Военный что-то дописал от себя и протянул желтый лист Рикку.

— Прочти вот это – военный обвел карандашом какой-то длинный абзац выписанный мелкими буквами.

— Потом распишись вот здесь – продолжил он.

Рик испуганно посмотрел на длинный текст. Потом пододвинув к себе бумагу, водя пальцем по строчкам начал медленно читать вслух, так и не понимая смысла написанного.

— Да ты, братец и читать то не умеешь – ахнул военный.

— Почему это – обиделся Рик – умею, только медленно.

— Ну ладно – миролюбиво произнес военный – давай помогу!

Он отобрал у Рика бумагу и начал скороговоркой читать. Рик попытался было вслушаться, но все также не понимал ни единого слова из скороговорки военного. Наконец он кончил. Пододвинул бумагу Риду.

— Распишись вот здесь – нервно сказал он.

Рик на секунду замешкался.

— Ну что, опять ... – зло произнес военный.

Словно испугавшись приказного тона, Рик чиркнул свое имя. Военный буквально выдернул лист из-под пера Рика и быстро спрятал его в стол. После этого он уже медленно и вальяжно поднялся. Протянул руку для рукопожатия и официально объявил – Поздравляю со вступлением в ряды Армии Соединенных Штатов Америки.

После чего он обернулся куда-то в сторону и громко крикнул – Сержант Грецки! Ко мне!

Из какой-то боковой комнатки выскочил здоровый, мускулистый парень и подбежав к военному, вытянулся в струнку.

— Отведешь в казарму – приказал военный – Сам знаешь. Все как обычно.

— Ес, сэр! – гаркнул сержант. После чего слегка хлопнул Рика по плечу – Пошли!

Рик поднялся со стула, все еще размышляя, брать с собой

чашку кофе или нет.

Потом решил, что вероятно не нужно и пошел в сторону двери на которую указал сержант. Сержант открыл дверь. Длинный, ярко освещенный и какой-то страшный коридор предстал перед глазами Рика. И тут он испугался.

— Нет! – крикнул Рик и подался назад.

Но сержант уже цепко и больно держал Рика за локоть.

— Нет, мне к маме надо! – закричал Рик сквозь брызнувшие слезы – Она ничего не знает, она будет волноваться.

Сержант Грецки все также цепко держал трепыхающегося Рика за локоть. Но в ту же секунду к Рику подскочил все тот же военный, держа в руках только что подписанную Риком бумагу.

— Ну что, братец, испугался? – мягко, словно по-отечески спросил военный и подал знак сержанту. Рик почувствовал как железная хватка сержанта Грецки ослабла.

— Ну что с тобой ? – еще раз мягко произнес военный.

— Мне к маме нужно. Все рассказать – жалобно заговорил Рик.

— Парень, да что с тобой? Ты что не слышал, что я читал? – участливо проговорил военный.

— Забыл – тихонько сказал Рик.

— Да тут же все написано! – слезал военный ткнув пальцем в какую-то строчку.

— Мы все сами сделаем. Сообщим сегодня же. Пошлем нарочного. Можешь даже письмо написать. Передадим.

— Мама по-английски читать не умеет – пробормотал Рик.

— Так напиши по-русски.

— Не умею. Забыл – виновато отозвался Рик.

Военный лишь развел руками.

— Значит напишешь в другой раз. Успокойся. Не ты первый тут разревался. А теперь – военный сделал паузу – Повтори три раза. Я теперь солдат!

— Я теперь солдат! – прошептал Рик.

— Не считается мягко сказал военный и потрепал Рика по плечу – Громко повторяй. Ну ...

— Я теперь солдат! – отозвался Рик.

— Молодец – похвалил военный – Еще раз. Громче!

— Я теперь солдат! – громко и ясно выговорил Рик.

— Молодец – отозвался военный – А теперь изо всех сил.

— Я теперь солдат! – громко, как мог, выкрикнул Рик. И в ту же секунду он почувствовал, как глаза просохли. Страх испарился. Он уже спокойно смотрел вглубь освещенного коридора.

— Пошли – вновь заговорил сержант, слегка подтолкнув Рика в сторону двери. Рик уже спокойно переступил порог и также спокойно пошел.

Огромный зал, превращенный в казарму и заставленный двухэтажными кроватями был на три четверти пуст.

— Твое место – сержант Грецки указал на нижнюю кровать, застеленную серым, натянутым, без единой морщинки

одеялом.

— Подъем завтра в семь. Завтрак в восемь. Пойдешь со всеми. Ребята покажут. Получать будешь доллар в неделю, пока в учебке. Ясно?

— Угу – пробормотал Рик.

— Какое еще Угу! – взвился сержант – Ответать следует – Ес сэр. И по стойке смирно.

Потом взглянув на испуганное лицо Рика и вспомнив о его истерике, сержант смягчился.

— Медкомиссия завтра. И моли бога чтобы тебя отчислили – уже миролюбиво сказал сержант – А пока отдыхай.

Рика не отчислили.

— Болезней нет. Недокормленный, изможденный... – делился военврач со своими коллегами – Ничего, армия поправит.

Потом потекли не очень тяжелые, но армейские будни. Через неделю Рик уже чувствовал себя старослужащим, поучая и наставляя только что прибывших новобранцев. Простенькая, неумолимая служба, больше напоминающая игру в солдатики, чем настоящую учебку. А собственно так и было. Место куда пришел Рик называлось призывным добровольным пунктом. Набрать "материал" и не спугнуть – все что требовалось от сидящих в зале рекрутеров и военного персонала казармы.

В конце первой недели службы у Рика произошло целых два приятных события. Он получил свой первый заработан-

ный армейский доллар и еще, его ждало письмо от матери. Прочесть письмо, написанное на русском языке Рик не смог. Просто узнав почерк матери, он долго с грустью рассматривал незнакомые буквы, а потом просто сунул письмо в свой армейский ранец.

— Кто-нибудь когда-нибудь переведет – успокоившись решил Рик.

А казарма потихоньку заполнялась. К рождеству она была уже почти полна и Рик уже явно ощущал скученность проявляющуюся абсолютно везде. От коридоров до армейской столовой. А потом, накануне Рождества по казарме разнеслись слухи, что совсем, совсем скоро их отправят в настоящие армейские лагеря, настоящую учебку, а там и на фронт. "Бить кайзера и бошей" – как радостно говорили соседи по кроватям в казарме.

А потом в утро перед рождеством их построили. Старый, строгий полковник громовым голосом объявил, что отправка состоится завтра. Сегодня же на Рождество, всем призывникам дается увольнительная, с тем чтобы они встретили самый святой день со своими семьями. Собратья здесь следует завтра в 3 часа дня. Опоздавших ждет суровое наказание, предупредил полковник. Не явившиеся будут причислены к дезертирам и наказание будет соответствующим военному времени – тюрьма, каторга или виселица.

— И помните, вы теперь американская армия – напоследок поучал полковник рекрутов, вчерашних дворовых ребят

– вести себя соответственно вашему новому положению. Не позорить звание солдата американской армии.

Эти обычные дежурные слова почему-то сильно запали Рику в душу. Выбравшись из душной казармы на зимнюю улицу, он не устремился, как бывало бегом домой. Не торопясь, с достоинством, никуда не сворачивая, подняв голову и расправив плечи, шел Рик знакомым путем. Новая солдатская форма словно по волшебству преобразила все вокруг. Раньше, где бы не находился, куда бы ни шел, Рик всегда ловил на себе презрительные и брезгливые взгляды прохожих. Что собственно можно было ожидать человеку от одетого в лохмотья изможденного паренька. Сейчас же Рик ощущал себя настоящим человеком, таким как все. Новая, серая и такая теплая солдатская шинель. Тяжелые ботинки с высокой шнуровкой, в которых можно было абсолютно не опасаясь шлепать по лужам. Он заметил, как какая-то прилично-го вида женщина приостановилась, и склонившись к своему десятилетнему сыну, что-то поясняла, явно указывая на Рика. Потом краем глаза он заметил двух молоденьких девчушек с интересом рассматривавших его. Рик буквально зарделся от гордости. Сердце учащённо забилося и Рик опять с гордостью подумал – Как же правильно я сделал, что вступил в армию. Теперь все будет по другому. Жизнь поменялась навсегда.

Уже второй раз за его недолгую жизнь менялось все вокруг. Резко и безвозвратно. Навсегда. Когда-то, как сейчас уже казалось Рику бесконечно давно он жил с родителями в маленьком украинском городке. Принадлежность города веками менялась от одного государства к другому и потому сложилось там разношерстное, разно говорящее население. И спокойно уживались там до поры до времени русские и евреи, украинцы и поляки. А потом как-то быстро и неожиданно все будто бы сошло с ума. И запылали еврейские дома подожженные во время погромов. А потом уж, раззадоренные кровью, люди пошли друг против друга. И теперь уж не просто хулиган обидел какую-нибудь дивчину, и не просто вор стащивший кучку яиц на базаре. Уж непременно вор или хулиган да с приставкой. Бандит москаль, вор хохол, лях убивец. И вот уж и носу не высунешь, и не пойти никуда что б тебя не обидели. Бить громить евреев надоело и тут нашлось другое занятие. Юнцы, дети, подростки уж сбивались в банды-шоблы объединенные одним лишь мериллом. Ты кто такой? На какой мове говоришь, балакаешь? И вот уж шобла москалив выясняет отношения с хохлами. А потом, заключив временное перемирие идут бить жидов и ляхов. И вот уж дня не проходило, что б кого-то не забили до смерти и не пырнули ножом. И начал городок хиреть. Плохо, бедно жилось раньше, а стало вовсе невмоготу. Не помогли сожженные во время погромов еврейские дома. Не помогли выби-

тые зубы и юшка пущенная из носов ляхов. Первыми поднялись евреи и поехали в далекую Америку в город Нью-Йорк. Устроившись, писали оттуда родственникам письма. Письма эти, обросшие вымыслами и легендами, передавались из уст в уста. И вот уже потихоньку снялись и поехали другие. Кто чуток побогаче да поживее. Так, по местным меркам, грамотная и успешная семья Рика тоже заразилась отъездной авантюрной лихорадкой. Наслушавшись в трактире разговоров, отец начал подговаривать мать к отъезду. Божился, что бросит пить на новом месте и непременно будет работать как вол. Мать согласилась.

И вот семь лет назад, пароход везущий семью Рика, а также тысячу семей других эмигрантов, бросил якорь в Элис Айлэнд – эмигрантских воротах Нью-Йорка. Потом обычная нелегкая эмигрантская жизнь. Но если соседи и знакомые из таких же эмигрантских семей потихоньку поднимались и становились на ноги, в семье Рика все не заладилось с первого дня. Отец не только не бросил пить, но от всех напастей, свалившихся на голову стал пить еще больше. А выпив, история стара как мир, начинал колотить жену и детей. Работать – он практически не работал. С первой же полочки напивался, влетал в запой. Его гнали с очередной работы. Он клялся и божился, просил прощения. А потом начиналось все сначала. Семья кое-как существовала на мизерную зарплату матери, работавшей неподалеку прачкой. Отец же

тогда уже совсем "сошел с катушек". Ни дня не проходило без пьяной ругани и побоев. И однажды, соседи которым и самим все это надоело, остановили проезжающую мимо полицейскую конку. Два рыжих ирландца вошли в дом. Отец завидев полицейских, ничего не соображая, бросился на них с кулаками. Но тут было все гораздо серьезней, чем раньше в его украинском городке. Ирландские полицейские – это не городовые. Мериться с пьянчужой силушкой они не собирались. Полицейский просто достал револьвер и приставил его к виску отца. И пристрелил бы, если бы не мать, закричавшая дико, жалобно, безысходно. Тогда полицейские подняли мгновенно протрезвевшего и обмякшего от страха отца и вывели из дома. Потом отвезли его на ближайший пустырь, где уже отделали полицейскими дубинками до полусмерти. С тех пор отец ни на кого рук не подымал. Но все равно продолжал пить. Неизвестно на что, на какие деньги. Потом начал исчезать. На неделю, на месяц. Изредка возвращался, точнее приползал домой. Мать ревела, но пускала в дом, выговаривая сквозь слезы, что не может взять грех на душу и позволить замерзнуть на улице. А отец, отлежавшись, отъевшись за несколько дней опять исчезал, не забыв прихватить на продажу какую-нибудь вещь из своего и так уже нищего дома. Рик отца ненавидел, и если он просил что-нибудь у бога, то лишь одного – чтобы отец подох где-нибудь в подворотне и больше никогда в их доме не появлялся. В школу Рик ходил лишь несколько лет после приезда, где и выучился с

грехом пополам читать и писать. Там же, в школе он поменял свое старое имя Василий на другое, американское, звучное и красивое – Рик, Ричард. А потом школа кончилась. Приходилось хвататься за любые подработки, чтобы помочь матери хоть как-то одеть и накормить двоих братишек и сестренку. Частые пропуски кончились тем, что он безнадежно отстал от своих сверстников и в конце концов школу бросил. Так и жили они в безнадежной, беспросветной нищете.

И вот так неожиданно забрезжил свет. Рик опять вспомнил свой первый день в казарме, тот длинный разговор, свои сомнения, слезы.

— Все будет теперь иначе, все будет по-другому – сказал самому себе Рик и вытер рукавом неожиданно выступившие слезы.

Вот он знакомый поворот с главной улицы в их нищий район, прозванный из-за обилия русских эмигрантов, Русской слободкой. Неподалеку в конце квартала Рик заметил группку подростков. Местные хулиганы, вечно толкающиеся на улице. В другой раз Рик бы перешел на другую сторону дороги или вообще развернулся, чтобы пройти к дому другим путем. Не раз он раньше сталкивался с ними. И не раз они просто так, от скуки поколачивали его. Но сейчас. Что-то словно хлестнуло его по спине.

— Ты солдат! – мелькнула мысль.

— Я солдат! – уже вслух повторил Рик.

После чего он уже бесстрашно пошел в сторону ребят. Переросток хулиган верховода перегородив дорогу долго, непонимающе смотрел на Рика и вдруг неожиданно посторонился, беззвучно пропуская его.

— Я солдат! – еще раз повторил Рик, поразившись как круто поменялось к нему отношение. Рик прошел еще квартал и неожиданно его окликнул хозяин местной лавки. Хлопнул Рика по плечу и неожиданно завел разговор о политике.

С ним, с солдатом новобранцем?! – опять поразился Рик. Собственно он не понимал ни слова из того, что говорил лавочник. Рик лишь поддакивал и кивал головой. Хозяин же лавки только распялялся говоря про бошей, про кайзера, про трусов и предателей засевших в американском Конгрессе и не желающих объявлять Германии войну. А потом он неожиданно умолк. Еще раз с уважением обвел Рика взглядом, хлопнул его по плечу и сказал – Ну ничего, с такими вот смельчаками Америка не пропадет.

А потом, зайдя к себе в лавку, набрал горсть конфет и сунул их Рикю. И опять пришел черед Рика поражаться новому отношению лавочника, вдруг выплеснувшегося на него.

Еще парочка кварталов. Тысячи раз исхоженная лестница. Знакомая, никогда не закрываемая на засов дверь ...

Как бросились ему на шею братишка и сестренка. Как обнимали, как наперебой кричали что-то. Как гордились они теперь своим старшим братом. И мать тоже стояла неподалеку. Утирала слезы и смотрела на него словно издалека,

словно боясь подойти и потрогать своего старшего. А потом у них был ужин. Пир! Праздник! Рождественский ужин. В его невезучем нищем доме уже давным-давно не ели ничего кроме пустой рисовой каши, да вчерашнего черствого хлеба. Мать покупала нераспроданные батоны подешевле перед закрытием лавки. Теперь Рик, словно волшебник, доставал из своего солдатского ранца золотистые латунные банки с тушенкой и такой вкусной перловой кашей. Вскрывал банки солдатским ножом и все пытались отгадать, что же там внутри. Рик едва прикоснулся к принесенной им же самим еде. С жалостью смотрел, как уплетают это богатство его братишки и сестренка. А потом как они, насытившись, уснули тут же за столом. А потом на следующее утро он опять не прикоснулся к еде, глядя как с жадностью братишки набросились на остатки вчерашнего пиршества. Потом он долго рассказывал, что с ним случилось, как попал он в армию, что делал там целых две недели. Говорил что сегодня же отправляется куда-то учиться, а потом уж наверное воевать в Европу. Рассказывал как он вернется с войны с медалями и конечно же с гостинцами для братишек. Молчала только мать. С полными слез глазами смотрела на своего старшего сына Рика. А потом она вышла на улицу проводить сына. Рик все также продолжал говорить, говорить. Храбриться и говорить И вдруг мать закричала. Как тогда, годы назад, когда рыжий полицейский хотел застрелить ее мужа – дико, жалобно, безысходно. И Рик тут осекся.

— Мамочка, я вернусь – лишь прошептал он – я обязательно вернусь ...

Мать лишь вытерла слезы и достав из потайного кармашка 20 долларов протянула их Рику.

— Не надо, мама ... – начал Рик. Но мать уже сунула ему в руку зеленую бумажку.

— Я вернусь, мама. Я скоро вернусь – бормотал Рик отступая от рыдающей матери.

Потом споткнулся, едва не упав, и словно опомнившись, повернулся и побежал прочь.

xxxxxxx

Путь Рика лежал возле шикарного отеля с названием Париж. Раньше не раз Рик любовался этим отелем. Стоял на большом, как считал Рик безопасном расстоянии и и рассматривал автомобили и конные экипажи подъезжающие к отелю. И сейчас, проходя мимо отеля, Рик на секунду замедлил шаг с восхищением рассматривая какую-то иную фантастическую жизнь.

По ступеням отеля застеленным ковром, медленно, с достоинством поднимались господа и шикарно одетые дамы. Мальчишки посыльные тут же подхватывали из рук господ саквояжи и сумки. Толстые швейцары, разодетые точно по пугаи в яркую униформу, привычно и со знанием дела гру-

зили багаж на золоченые тележки. Другие швейцары, кланяясь едва ли не в пояс, открывали двери в холл отеля.

Рик поднял глаза, посмотрел повыше. За огромными стеклянными окнами открывался вид на ресторан отеля. Он был открыт. Рик видел посетителей возле окна с салфетками на груди, с вилками и ножами в руках. Рик опять почувствовал явную и резкую голодную резь в животе. Он сглотнул слюну, приготовясь уже идти дальше, как шальная мысль словно ударила его по голове,

— А может взять так вот зайти и купить сэндвич. Конечно же не сидеть там. Просто купить. Продают же часто на вынос. Дорого наверное. Ну и что. По крайней мере будет что-нибудь на два дня на дорогу. Ну а потом. Ну сколько это может стоить. Обычный сэндвич стоит 30 центов. Ну пусть здесь дороже. Ну пусть доллар, ну пусть два. Все равно еще куча денег останется. Да и зачем в армии деньги.

— Просто найду и узнаю – сказал Рик самому себе – Не пустят, пойду дальше.

Рик повернулся и уверенным шагом затопал по ковровой дорожке к входу в отель. Швейцар у входа посмотрел подозрительно на Рика, но не остановил.

Рик вошел в холл, но решил не глазеть по сторонам, привлекая к себе внимание, а сразу быстро направился к входу в ресторан.

Ресторан Париж – возвещали золоченые буквы над тяжелой резной дверью.

Все такой же шикарно разодетый швейцар охранял вход в ресторан.

— Простите сэръ – начал было Рик, обращаясь к швейцару.

Но швейцар не слушая склонился в глубоком поклоне и открыл дверь Рику.

— Что это он! – с удивлением подумал Рик, проходя мимо швейцара.

— Ах да – тут же сообразил Рик – моя солдатская форма. Видит наверное, что я солдат, еду на войну. Вот и показывает уважение.

Впрочем, швейцар думал абсолютно о другом. Подобных "солдат", одетых в серую мышиную форму он уж не раз видел в этом отеле.

— Очередной мерзавец, сумасброд – подумал швейцар завидев Рика – наскандалил, наговорил дерзостей родителям. Видите ли они его с кокаином где-то прищучили. Или со своей девахой поссорился. Пошел на призывной пункт, со злости записался в армию. Ну а теперь живет в шикарном отеле неподалеку от казармы и ждет пока мамаша взятки раздаст, да отмазывает свое неразумное чадо.

— Поганый народец – думал швейцар, провожая Рика взглядом – Ну хоть бы наглец свою форму снял, да оделся по-цивильному. Ну нет. Ходит тут в своей шинели, солдата изображает. Сволочь! Но деньги хорошие у них водятся. И швыряют не жалеючи. Может доллар оставит.... Не оставил! Ублюдок! – одними лишь губами проговорил швейцар, про-

вожая Рика злобным взглядом.

Рик вошел в ресторан. Посетителей было не много. Зал был на три четверти пуст. Рик увидел бар стоящий посреди зала. За стойкой бара стоял симпатичный с прилизанными волосами юноша лет двадцати. Рик также быстро подошел к стойке бара.

— Чем могу вам услужить? – тут же спросил юноша. Явный французский акцент пробивался даже в этой короткой фразе.

— Я... Мне... – начал Рик сбиваясь от стеснения – Хотел бы перекусить недорого, взять с собой...

— Конечно, конечно – все также вежливо и радостно ответил юноша, все также в нос, по-французски выговаривая слова – можете взять с собой, можете перекусить здесь.

Рик обвел глазами юношу. Красавец. Белоснежная рубашка, черный пиджак с небольшой вышивкой "Пьер Жирар".

— Наверняка француз, парижанин – решил Рик – Ну конечно же. Отель Париж, ресторан Париж и все работники французы.

— Что-нибудь подешевле – начал было Рик, но парнишка уже протянул ему меню. Меню было на французском с пояснениями на английском языке, выписанными мелкими буквами с вензелями. Рик испуганно посмотрел на длинное меню, понимая что ему эти слова не осилить. Но вежливый паренек уже пришел на помощь.

— Сегодня у нас в меню замечательное блюдо. Пользуется

необычайным спросом среди наших посетителей. И называется оно ... – парнишка сделал паузу, словно желая подчеркнуть все необычайные достоинства этого блюда – Называется оно Боуланж. Не хотите ли испробовать?

Рик пожал плечами, не понимая что происходит. Но паренек явно приняв движение за согласие тут же радостно сообщил – Превосходный выбор. Уверяю вас, сэр, вы останетесь довольны.

После чего он отошел на несколько шагов к столику для приготовления еды и начал резво "колдовать". Паренек стоял спиной к Рикю и что он там делает Рик толком не видел. Но хорошо было видно, как резво, быстро и споро работает этот французик, Пьер Жирар. Паренек отрезал ломтики хлеба, потом нарезал какие-то сыры, потом стащил с полки кучу каких-то баночек с джемом. Еще через минуту паренек закончил и с гордостью поставил перед Риком то самое, пользующееся необычайным спросом блюдо Боуланж.

Рик посмотрел на тарелку и вдруг у него само собой вырвалось испуганное – И это все?

На тарелке лежали два тонюсеньких поджаренных хлебца в которые были воткнуты два флажка – французский и американский. С одного края тарелки лежали мелкие и тоненькие кусочки разноцветных сыров. А на другом краю тарелки красовались капельки джема разных сортов.

— Это же так мало – срывающимся голосом произнес Рик.

Паренек француз тоже словно испугался. Лицо его приняло расстроенное, обиженное выражение.

— Тысяча извинений, сэр, тысяча извинений. Я думал, что господин солдат желает просто слегка перекусить – расстроенно произнес паренек – Моя вина, моя вина!

После чего паренек резко схватил со стойки бара тарелку с боуланжем и не раздумывая швырнул содержимое в мусор. На этот раз перепугался Рик, подумав, что ему нужно будет платить. Но паренек увидев испуг, пробежавший по лицу Рика, тут же успокоил его.

— Ради бога, не беспокойтесь сэр. Удобство наших клиентов – это закон для нас. Если нашему клиенту что-то не нравится, то никаких вопросов. Он не платит и все!

Рик поразился до бесконечности. Открыл рот желая что-то сказать, но не мог найти подходящих слов. А тем временем парень опять затараторил.

— Есть у нас в меню замечательное блюдо. Также пользуется необычайным спросом у наших посетителей. Не беспокойтесь. Большое, огромное. Как раз такое, какое нужно настоящему солдату! Очень рекомендую!

Рик лишь опять пожал плечами и обрадованный паренек вновь бросился к столику для приготовления пищи. И опять же глядя со спины, Рик с удовольствием наблюдал как быстро и споро работает этот французик. Пьер хватал сыры и колбасы разных сортов, отрезал от них уже приличные ломти, перемешивал их составляя в какую-то пирамиду. Украшал

зеленью, засыпал приправами и наконец гордо поставил перед Риком результат своего творения.

— Надеюсь, что это устроит вас, сэр! – уже уверенно произнес Пьер.

— О, да! – согласился Рик, восхищенно глядя на произведение искусства, источающее невиданные, вкуснейшие запахи.

— Превосходно! Рад был вам услужить – мгновенно откликнулся Пьер, невзначай показав пустую ладошку, как бы намекая, что неплохо было б и заплатить.

Рик достал двадцатидолларовую бумажку.

— Наверное придется что-нибудь на чай оставить. Центов десять или двадцать – подумал Рик, передавая деньги французу Пьеру.

— Премного благодарен, сэр – уже как-то безразлично отозвался Пьер. Он отошел от стойки бара, небрежно бросил деньги в какую-то конторку. Потом достал толстую конторскую книгу, карандаш и открыв книгу начал там что-то записывать.

Рик подождал немного, надеясь, что парень сейчас оторвется от своих записей и даст ему сдачу. Но парень не поворачивался и не обращая ни на кого внимание, продолжал что-то писать.

Тогда Рик тихонько позвал – Сэр!

Парень все также продолжал писать.

— Сэр! – уже погромче позвал Рик. Парень француз обер-

нулся, удивленно уставившись на Рика.

— Сэр, а сдачу? – тихонько спросил Рик.

— А... сдачу... – растянуто произнес француз.

Рик утвердительно мотнул головой.

— Сдачу с тех самых двадцати долларов, которые вы, сэр, дали мне.

— Да, да – радостно закивал Рик, обрадовавшись, что парень не забыл о двадцати долларах.

И вдруг лицо парня словно перекосилось. Злобная усмешка исказила рот с тонкими губами.

— Ах, сдачу – еще раз повторил парень и вдруг резко и грубо заговорил по-русски.

— А я вот смотрю на тебя, идиота, и думаю. Понимает он что-нибудь, притворяется ли, или просто debil по рождению?

— Так ты не француз! – ахнул Рик.

— Как видишь! – отрезал парень – Наконец-то ты начал соображать. Ты что не понимаешь, придурок, куда ты явился. Ты что, не видел какие тут автомобили перед входом. Ты что, не видишь какие тут господа сидят. Да в нашем ресторане самый дешевый бутерброд стоит 20 долларов. А то что ты заказал – все 40. Так что считай тебе повезло. Целых 20 долларов сэкономил. Понял?

— Понял – прошептал Рик, чувствуя как от страха и безысходности все холодеет внутри.

— А как ты узнал, что я русский?

— Как я узнал? – усмехнулся парень – Да по твоей конопатой роже, да мерзкому акценту русской слободки.

— Как зовут тебя? – грубо спросил парень.

— Риком кличут – едва выговорил Рик.

Лицо парня словно перекошило.

— По-настоящему как зовут тебя?

— Васей звали – прошептал Рик.

— Вася, Васька. Имя то какое-то облезлое, кошачье – со злобой выговорил парень – Так вот что, Васька. Подымайся-ка ты и вали отсюда ко всем чертям, пока я охрану не позвал, да пока тебя с лестницы не спустили. Понял?

После чего парень отошел на шаг и вернулся к своей книге и записям.

От стыда, обиды и боли Рик словно застыл на своем высоком стуле. Еще через минуту, словно очнувшись от сна, Рик жалобно выговорил – Нас сегодня на войну отправляют.

— Good for you [превосходно] – не оборачиваясь, через плечо бросил парень.

— У меня денег больше нет – все также жалобно, безысходно прошептал Рик.

— Так ты еще здесь? – парень повернулся и словно сверля Рика глазами выговорил – Проваливай, или я вызываю охрану.

Понимая, что все кончено Рик сполз с высокого стула и медленно, едва-едва волоча ноги направился к выходу.

Рик медленно, не оглядываясь уходил от отеля. Медленно, опустив голову на грудь, глядя себе под ноги, он тащил себя в сторону казармы. Рик понимал, что ругать здесь некого. Только себя самого. Какого черта он потащился в этот отель? Купить чего-то поесть. Глупость. Ведь можно же было потерпеть. Выпросил бы в конце концов банку консервов у сержанта Грецки. Ну не зверь же он. А так, выбросил ни на что 20 долларов – зарплату матери за целый месяц. Дурак! Идиот! Сто процентов прав был этот липовый француз из отеля. И как назло, словно в издевку над Риком, какой-то лавочник поднял железную решетку своего магазина, обнажив простенькие рекламы на витрине.

"Только у нас! Лучшие в Америке сэндвичи. Всего 30 центов. Покупайте!"

— Полсотни сэндвичей можно было бы купить на потерянную двадцатку – подумал Рик. И вдруг, словно молния обожгла его сознание. Ведь он же забыл, оставил там в ресторане свой злополучный сэндвич По-Парижски. Отчаяние, перемешанное со злобой вдруг охватило Рика.

— Это мой сэндвич – вдруг громко выговорил он. А потом уже словно ничего не соображая бросился обратно в отель.

— Это мой сэндвич! – стучала мысль – Я его купил, я заплатил деньги. Пусть только попробует не отдать!

Рик от злости сжал кулаки, представляя себе как он ударит этого гада, липового француза Пьера по его холеному лицу. Как упадет этот гад на землю и как он, Рик будет пи-

нать его своими тяжелыми ботинками.

— Будь что будет – подумал Рик, вихрем взбежав по ступенькам отеля.

Рик ворвался в холл и повернул в сторону ресторана. Швейцара возле двери не было, а на золоченной цепочке, перегораживающей входную тяжелую дверь висела табличка "Закрето".

Рик поднырнул под цепочку и открыл дверь. Также быстро и уверенно вошел внутрь. Сделал еще несколько шагов и осмотрелся. Никого уже не было за стойкой бара. Липовый француз Пьер закончил свою смену. Стойка бара тоже была пуста. За несколькими столами вокруг все еще сидели несколько посетителей, неспешно доедая заказанную еду. Вокруг суетились мальчишки уборщики. Собирали тарелки, вытирали столы, натирали до блеска и так уже сверкающие золотом поручни бара и ручки дверей. Из боковых дверей посыльные вносили живые цветы, готовясь украсить зал для вечернего приема посетителей.

Рик еще раз оглянулся по сторонам и увидел несколько столов на которых все еще стояла неубранная посуда с остатками еды. На одном из центральных столов Рик вдруг заметил едва тронутый, слегка надкушенный тот самый сэндвич По-Парижски. Рик быстро подошел к столу и сел. Никто не обратил внимание на него. Господа за соседними столами были заняты своими делами и разговорами. Мальчишки уборщики чистили, драили, натирали, абсолютно не об-

ращая внимание на Рика. Рик успокоился. Он придвинул к себе тарелку с сэндвичем.

— Половину съем здесь – решил он – А вторую половину унесу в казарму.

Рик взял с тарелки половину огромного сэндвича и откусил кусок побольше. То ли голод, то ли в самом деле сэндвич был необычайно хорош. Но Рик почувствовал, что никогда в своей жизни он не ел ничего подобного. Проглотив первый кусок, Рик еще раз откусил сэндвич, решив теперь есть его медленно, маленькими кусками подольше, чтобы растянуть удовольствие. Потом отложил сэндвич и еще раз огляделся по сторонам. На этот раз он наконец обратил внимание на елку, и тут же удивился, как это он не заметил ее до сих пор. Лесная зеленая красавица стояла в углу, приветливо вытянув к посетителям свои зеленые лапы. А игрушки! Никогда ничего подобного в своей жизни не видел Рик. Блестящие, необыкновенной красоты шары и сосульки. Девочки куклы, мальчишки эльфы, олени в упряжках, удивительные конфеты. А внизу под елкой ... Огромный Санта Клаус с мешком подарков в оленьей упряжке.

Ноги сами вытащили Рика из-за стола и он словно замороженный, пошел в сторону елки. Остановился в метре перед ней и все также, замороженно стал рассматривать игрушки.

Опять Рик представил себе, как вернется он после войны с медалями и непременно с деньгами. Непременно купит такие же подарки своим братишкам и сестренке. Как он войдет

к себе в дом, и как он будет раздавать игрушки, подарки завернутые в такую красивую, блестящую подарочную бумагу.

Рик все стоял и стоял. Смотрел и смотрел. Потом наконец обернулся, чтобы пройти обратно к столу и тут с ужасом увидел, что стол где он сидел еще минуту назад пуст. Его неожиданно найденный сэндвич По-Парижски исчез где-то в мусорном мешке. И тут Рик заплакал. Он уже не думал ни о чем, он уже даже не мог ругать себя. За свою глупость, неприспособленность. За то, что не мог просто так взять сэндвич, сунуть его в свой солдатский ранец и просто уйти. Рик стоял, опустив безжизненно руки. И крупные слезы капались по его лицу.

И вдруг он услышал какой-то скрипучий, старушечий и в то же время мягкий голос.

— Поди сюда, солдатик.

Рик оглянулся на голос. В темном углу зала, неподалеку сидела какая-то старушка. Вся в черном. Черное платье, черная шапочка, черная вуаль, спускающаяся со шляпки до глаз.

— Поди сюда, не бойся – еще раз по-русски позвала старушка.

Рик подошел к столу.

— Я все слышала, солдатик – грустно выговорила старушка – И все видела. Вот возьми.

Рик заметил, что перед старушкой на тарелке опять-таки лежал все тот же, знакомый сэндвич По-Парижски.

Старушка завернула сэндвич в накрахмаленную салфетку и протянула ее Рiku. Рик взял из рук бабушки сэндвич.

— Сэнк ю, мэм – одними губами пролепетал Рик. Потом еще подумал и также тихо произнес – Спасибо, тётенька.

Рик стоял. Старушка же рассматривала его полными от слез глазами.

— Мне идти надо – прошептал Рик – Я уже опоздал. Меня накажут.

— Не бойся, солдатик, не накажут – выговорила бабушка – Погоди еще чуток.

Потом она достала свой маленький черный ридикюль. Порылась в нем и протянула Рiku двадцатку.

— Возьми сынок.

Рик взял из руки бабушки 20 долларов и остался все также стоять, держа в одной руке салфетку с сэндвичем, а в другой двадцатку.

— У меня на фронте погиб сын – вдруг сказала бабушка.

Потом еще секунду помолчала, поднялась со стула и перекрестила Рика.

— Храни тебя господь, сынок – прошептала она – А теперь иди.

Старушка была права. Никто Рика за опоздание не наказывал и не ругал. Сержант Грецки просто поставил против фамилии Рика галочку и безразлично махнул рукой в сторону казарменных кроватей.

— Сиди на месте. По казарме не шляться. Жди пока позовут.

Рик прошел к своему месту. Про себя он отметил, что все его страхи насчет еды были напрасны. Посередине казармы на столе возвышалась гора консервных банок. Бери, не хочу. Соседи по кроватям уже были все в сборе. От нечего делать, вынужденного безделья они устроили пир горой, высыпав на чью-то кровать всю провизию и гостинцы принесенные из дому. Ребята шутили, смеялись, сыпали анекдотами. Рик тоже присоединился к общему веселью. Достав из ранца свой сэндвич, он деланно небрежно бросил его на одеяло. Несколько рук тут же потянулись к его парижскому гостинцу, мгновенно разодрав его на части. Попробовать свой сэндвич По-Парижски ему опять не удалось. Но на этот раз Рик не расстроился. С каким-то даже облегчением он проводил глазами свой злополучный сэндвич, ухватил с одеяла чей-то грубый бутерброд с колбасой и впился в него зубами.

Еще через какое-то время к ним подошли двое незнакомых военных. Сержант Грецки по списку передавал новобранцев их новым командирам, выстраивая вдоль стены. Перекличка кончилась. Теперь они были во власти нового начальства. Молчаливый лейтенант расписался в ведомости и подал знак своему помощнику сержанту. Крикливый, неприятный парень – сержант тут же принялся за дело. Руганью и тычками он построил новобранцев в колонну по два и повел к выходу. Молчаливый лейтенант следовал в конце, видимо

отдав все бразды правления своему заместителю. Возле туалетов сержант остановил колонну.

— Стой! Всем опраться! – скомандовал он.

Рик на секунду замешкался.

— А тебя, что, это не касается! – рывкнул сержант.

— Мне не нужно – тихо прошептал Рик.

— Я сказал ВСЕМ! – еще громче гаркнул сержант – Туалетов больше не будет, пока я не скажу. Понял! В штаны срать будешь!

Еще через минуту колонна новобранцев вышла на плац, где их уже поджидали грузовики. Подведя к крайнему грузовику, сержант опять пересчитал новобранцев по головам, после чего скомандовал – В машину!

Наконец-то уселись все.

— Значит так – прокричал сержант – Сейчас отправляемся на вокзал. Выход, построение, пересадка на поезд.

Потом сделав небольшую паузу, словно истерически гаркнул – И не вздумайте подвести меня!

— А потом куда едем? – раздался несмелый голос какого-то парня.

Сержант вперил глаза в новобранца. Потом направив на него свой указательный палец злобно сказал – Куда надо, туда едем! А тебя, болтун, считай я запомнил. Ты у меня еще настоишься по стойке смирно с мылом в зубах!

Потом постоял еще с секунду, словно наслаждаясь тишиной и эффектом, после чего произнес – Всё! Поехали!

Брезент кузова задернулся, мгновенно погрузив новобранцев в затхлую темноту. Еще через минуту грузовик завелся и надрывно кряхтя, подпрыгивая на кочках потащился в неизвестность.

xxxxxxx

Рик не доехал до фронта. Через два месяца он умер в учебном лагере в Канзасе от инфлюэнцы. Эпидемия гриппа-инфлюэнцы неожиданно превратила казарму в полевой госпиталь, где в бреду и горячке умирали молодые, здоровые парни.

— Что за народ! – брызгая слюной, с перекошенным от злости лицом, орал усатый полковник, начальник военного лагеря.

— Зажравшиеся свиньи из Нью-Йорка. Кого они набирают? Паршивых хлюпиков, которые мрут как мухи от обыкновенной простуды! До фронта еще не доехали, а уже четверти личного состава как не бывало.

А потом он заболел сам и через три дня умер. Непонятная, страшная, невиданная болезнь инфлюэнца косила всех не разбирая. Молодых и старых, бедных и богатых, собирая свою страшную жатву.

Впрочем, ребятам новобранцам, выжившим, поборовшим эту странную и страшную болезнь повезло не на мно-

го больше. Через месяц их, едва оправившихся от болезни, едва обученных стрелять и ходить строем, перевезли на корабле в Европу. А там уже буквально со стапелей парохода, бросили на передний край. Батальон в котором должен был бы оказаться Рик, погиб полностью буквально на следующий день. Скрупулёзные немцы тщательно обработали передний край артиллерией. Потом в атаку пошла немецкая пехота. Молчаливого лейтенанта разорвало снарядом на части. Злой сержант тут же в окопе с оторванной ногой отстреливался до последнего. Еще несколько выживших после артобстрела новобранцев стреляли в наступающих солдат. Немцы пленных не брали. Просто добивали раненных и оглушенных, тех кто еще стонал и шевелился.

Липовый француз из отеля Париж не на много пережил Рика. В пятницу в конце дня почувствовал недомогание. А еще через три дня сторел в бреду и горячке. А швейцар охраняющий двери ресторана Париж выжил. Почихал, покашлял. Повалялся с температурой недельку и вернулся на свою привычную работу – открывать двери и кланяться важным господам и дамам. Он даже и не сразу заметил подмену. За стойкой бара уже стоял новенький Пьер Жирар. Только на этот раз испанец. Такой же вежливый, ловкий, быстрый, обходительный. Также восхитительно красиво готовящий замечательные блюда – Боуланж и сандвич По-Парижски. И только вот французский акцент не давался новому францу-

зу. Раскатистое испанское "Р-р-р" все-таки отличало его от прежнего Пьера Жирара.

Впрочем, мало кого это интересовало. Война и жизнь продолжались.

Такая вот регата

Те кто постарше – вспомните. Кто помоложе – представьте.

Махровые семидесятые годы. Холодная война. Железный занавес. Стоит на якоре в каком-то американском порту, слегка подальше от берега советское торговое судно. Все ти-

хо, спокойно, культурно. И вдруг, какой-то матросик слегка разбежавшись перепрыгивает через борт и плюхается в воду, после чего начинает изо всех сил грести, плыть к американскому берегу. И тут такое начинается. Шум, крики, вопли. Только и слышишь на всевозможных языках. "Свистать всех наверх. По местам. Шлюпку на воду." И тут начинается настоящая регата. Да такая, что олимпийцы бы позавидовали. С советского судна на канатах быстро-быстро спускается шлюпка. Одновременно с какого-нибудь стоящего рядышком канадского пароходика вниз к воде тоже устремляется шлюпка полная канадских морячков с белыми шапочками и помпончиками на макушках. Так сказать спортивная форма. Потом легкий шлепок. Шлюпки касаются воды. Команда боцмана – "А ну навались. Раз-два, раз-два." И уже с двух сторон к выбивающемуся из сил морячку устремляются шлюпки. Матросы гребут изо всех сил. Ну, во-первых, это просто весело. Что-то типа матросских олимпийских игр. "Кто кого". Кроме того канадцами движет естественное желание помочь ближнему. Вырвать из лап коммунистов. Советские матросики тоже гребут изо всех сил. Понукать ими даже не надо, потому что они прекрасно знают – упусти беглеца и всё. Никакого берега, никаких увольнительных, никаких походов на сушу даже в самых нищих африканских странах. А вместе с тем никаких покупок-закупок, никаких обменов, никаких заграничных джинс. Так что полгода плаваний, под палящим солнцем, в жаре и духоте псу под хвост.

Поэтому каждой команде хочется первой добраться до плывущего матросика. Получить главный приз. Если первыми до матросика добирается канадская команда, тут все просто и понятно. Матросик хватается за протянутые руки. И, раз... Он уже в шлюпке, на канадской территории. Если же в регате побеждает советская весельная команда, то здесь не все так очевидно. Попробуй-ка затащить в шлюпку с высокими бортами человека, который лезть туда не желает. Веслом по голове, конечно можно. Но нет гарантии, что беглец-пловец после этого не потонет. Да и фотография этого неприятного инцидента может появиться где-нибудь в ихней прессе. Поэтому на этот случай в Советском Союзе были разработаны специальные методы, которым по неусыпным контролем работников органов обучался весь командно-боцманский состав. Все очень просто и мило. У борта шлюпки сидит боцман и закатав рукав тельняшки, что бы не замочить, ждет когда шлюпка поравняется с беглецом. Потом он просто хватается беглеца за его матросский чубчик. Но не тащит в шлюпку, а наоборот, притапливает его. Не на долго. Секунд на тридцать, пока матросик не начнет пузыри пускать. После чего его можно тянуть вверх. Теперь уже совершенно одуревший, наглотавшийся соленой воды матросик хватается за боцманскую руку, как за соломинку и уже сам, безо всякого принуждения лезет в свою родную шлюпку. Такую вот фотографию можно безо всякой тревоги публиковать в газете Правда, снабдив статью и подписью "Советская команда пришла

на помощь утопающему. "Шутки шутками, но так оно и было. Кто-то успевал, убегал, уплывал. Кому-то везло меньше. Ловили и везли обратно, что бы уж навечно законопатить беглеца в Сибирские, Уральские лагеря.

Много лет минуло с той поры. Много воды утекло. Много чего в этом мире изменилось.

А вы еще помните тетку продавщицу из мясного отдела Гастронома, орущую на толпу покупателей.

"Очередь не занимать! Колбаса заканчивается!" и еще "Чего вылупились! Вас много, я одна!"

Так вот, эта самая тетка переехала в Америку. Служит в одной важной конторе. INS называется. Бюро иммиграции и натурализации в переводе. Перекрасилась. Внешность изменила. От негритянки, китайки и просто белой стервы не отличишь. Но повадки такие же. И вопли все те же. Узнаете?

"Очередь не занимать! Места в Америке заканчиваются!", "Чего вылупились! Америка одна, а вас много!"

Ну соответственно и правила регаты тоже поменялись. Не верите? У кубинских эмигрантов в Майями, поспрашивайте.

Такая вот ситуация. Плывет кубинский баркас недалеко от американского берега. Все тихо, спокойно, культурно. И вдруг, какой-то матросик, а может быть рыбак, а может просто кубинский интеллигент, слегка разбежавшись перепрыгивает через борт и плюхается в воду, после чего начинает изо всех сил грести, плыть к американскому берегу. И тут такое начинается. Шум, крики, вопли. С какого-то следующим параллельным курсом американского кораблика береговой охраны быстро-быстро спускается шлюпка. Потом легкий шлепок. Команда боцмана – "А ну навались. Раз-два, раз-два."

А дальше кто-кого. Догонят американские матросики пловца-беглеца. Затащат к себе в шлюпку и обратно к кубинскому баркасу. Получайте свое добро и валите восвояси.

Ну а если все-таки матросик доплывет до Америки. Если коснется таки американского берега ...

Только не перепутайте. Коснуться надо не рукой, а ногой. Такие вот новые правила американской регаты.

То тогда подоспевшие американцы тебя поздравляют, хлопают по плечу. Американцы же парни незлобивые. Мухлевать не станут. Некоторые из этой самой береговой охраны сами так вот прибыли.

Потом вызывают по рации очередную службу. Увозят в какой-то центр. Дают адвоката-лойдера. Бумаги выправляют

на временное проживание, а потом уж и на постоянное. А дальше дело твое. Устраивайся как можешь.

Хочешь – в бандиты иди, а хочешь – мыть пол в Мак Доналде. А может пораскинешь мозгами и найдешь что получше.

Люди разные нужны. Люди всякие важны.

Ну что? Понравилась регата? Хотите сами попробовать?

Санта Маринелла

Наконец-то мы остановились на небольшой площади и осмотрелись. В глаза бросилась небольшая темная табличка "CASA EBRAICA". Внизу, помельче, надпись на английском "Jewish Home". Рядом с табличкой был пришпилен кусок ватманской бумаги на которой печатными русскими буквами было выведено "ОБРЕЗАНИЯ ПРОИЗВОДЯТСЯ БЕСПЛАТНО В ЛЮБОЙ ДЕНЬ – 24 часа в сутки". Потом пониже уже от руки "кроме субботы".

"Итальянские евреи неплохо подготовились к приему советских эмигрантов" – подумал я. Вероятно местные ортодоксы рассудили, что советские евреи выбравшись из коммунистического ада первым делом побегут приобщаться к истокам иудаизма, что естественно заключается в обрезании. Мы подошли поближе, заглянули в окно. Очереди совершить обряд обрезания не наблюдалось. Пустая комната с несколькими стульями. Рядом с "обрезательным" объявлением громоздились многочисленные записки и рекламные объявления, писанные и печатанные на листках в клетку и линейку, выданных из советских ученических тетрадок.

"Курсы английского языка. Успех гарантирован." "Туристические поездки по Италии. Венеция – Флоренция – Сан-Марино." "Продается кассетный магнитофон. Почти новый." "Сдается комната – недорого."

Клочками надежд и горя выделялись неровно оборванные

листки бумаги. "Лена, если вы еще здесь, найдите нас. Мама в больнице." Веселые объявления шутки "Куплю виллу с видом на море" валялись на земле. Видимо их кто-то обрывал, освобождая место для своих важных сообщений.

От "Casa Ebraica" в сторону моря вели две дороги. Одна пошире, упирающаяся в какой-то симпатичный платный пляж с лежаками, зонтиками, душем, кабинками для переодевания и, главное, с невероятными ценами. Другая пыльная дорожка, даже скорее тропинка, вдоль какого-то развалившегося забора и зарослей кактуса алоэ, вела в сторону каменистого клочка земли возле моря, именуемого общественным пляжем. Пробираться к морю приходилось очень аккуратно, дабы не оцарапаться торчащими колючками кактусов. Судя по высоте и размаху зарослей – им было не менее сотни лет. Концы ветвей-лап кактусов были оборваны. Здесь похозяйничали наши эмигранты. По какой-то причине универсально чудодейственное средство "мумие" было запрещено к вывозу из Советского Союза. Поэтому кое-кто из эмигрантов, бывших врачей-целителей решили изготавливать целебную настойку из сока кактуса алоэ. Средство "от всего" – натуральная замена мумие. Бизнес не пошел, столетний кактус уцелел.

В противоположную сторону от моря, на главной дороге пересекающий наш курортный город Санта Маринелла находилась главная достопримечательность эмигрантского сообщества – квартирное агентство, именующегося среди со-

ветских эмигрантов просто "У Терезы".

Терезой звали хозяйку этого заведения. Любые договоры о сдаче, передаче, найме жилья проходили через нее, поэтому это агентство, нам эмигрантам представлялось самым важным учреждением во всей Италии, сама агентша – богиней, властительницей жилого фонда и покровительницей русских бездомных эмигрантов, а её агентство – храмом, неким продолжением Олимпа. Здание этого агентства, выкрашенное в легкий, небесно-голубой цвет стояло на некотором возвышении. С трех сторон к нему вели вытянутые ступени. На них было очень удобно сидеть, хоть целый день, перемещаясь за тенью – единственным спасением от мало милосердного июльского солнца.

Вешать объявления на Терезино агентство было категорически запрещено. Тереза собственноручно срывала и уничтожала любую пришпиленную бумажку. Сидеть, впрочем, на ступенях она нам позволяла.

Во-первых, ступеньки были собственностью города и она ими не распоряжалась. Во-вторых, русские эмигранты расположившиеся на ступенях, служили неким ориентиром для итальянцев, настоящих клиентов этого агентства, желающих снять на месяц – другой виллу с видом на море.

Через открытые двери и окна этого агентства время от времени доносился визгливый голос Терезы. В звонких аккордах итальянской речи легко угадывались знакомые слова: блу каса, русо, идиотто. Видимо Тереза втолковывала оче-

редному клиенту, как найти ее заведение – голубое здание и куча русских идиотов на ступеньках. Мы не обижались. На богинь обижаться нельзя и потом мы тогда еще думали, что мы не русские. Конечно мы все говорили по-русски, некоторые с акцентом. Мы все знали что прибыли сюда из семьи дружных и не очень народов, но всерьез полагали, что пятая графа в паспорте кому-то интересна. Потом мы разъехались по разным странам: в США, Израиль, Канаду, Австралию и поняли, что бы не путать собеседника проще именовать себя "раши". Но это было потом, а пока мы сидели в тени и на солнце на ступеньках "У Терезы" и ждали каждый своего. Кому-то надо было срочно снять жилье, кому-то сдать. Кто-то хотел улучшить свои жилищные условия, а кто-то от безнадежности и безденежья был согласен подселить к себе "немолодую пару без вредных привычек". Кто-то подсаживался просто отдохнуть, кто-то хотел поделиться новостями, кто-то хотел просто поболтать, а кто-то хотел просто поглазеть на гуляющих беспечных итальянцев – красивых стройных девушек и шумных итальянских парней, на поток шикарных иностранных машин и помечтать, что когда-нибудь и он окажется за рулем такой же машины.

Тут же, рядом с агентством Терезы находился светофор. Время от времени машины останавливались создавая лакированную очередь, ожидающую зеленого сигнала. К ним тут же устремлялись мальчишки, вооруженные пластиковыми ведерками и палками с губкой и резинкой на конце. Оружие

для мытья стекол. По выкрикам и поведению в них легко угадывалось русско-советское происхождение.

Это были дети эмигрантов, добравшиеся до возможности подзаработать.

В категории обеспеченности и материального благосостояния, семьи эмигрантов с бойкими мальчиками возраста 12 – 14 лет стояли почти на высшей ступени. Где-то сразу после перекупщиков и отпетых мошенников. Карманы этих ребят раздувались от шальных денег, падающих с Санта-Маринельского неба.

Судя по машинам, в этих местах путешествовали вовсе не бедные люди, которым было не страшно расстаться с какой-то мелочью. Вряд ли проезжающие автомобилисты нуждались в услугах мойщиков стекол, но деньги подавали – то ли от жалости, то ли от доброты. Этим и объяснялся возраст в 12-14 лет мойщиков стекол. Более старшим ребятам – повыше и покрупнее, с пробивающимися усиками и бородками, итальянцы ничего не давали, раздраженно отгоняя их от автомобилей. Мальчики десятилетки не могли так ловко лавировать между автомобилями и кроме того, получив пошее от законных владельцев перекрестка, отправлялись во свояси.

Здесь действовали волчьи законы капитализма с дефицитом рабочих мест. Банда юнцов, именующая себя по имени перекрестка – "Della Liberta" бесстыдно терроризировала останавливающиеся на перекрестке машины. Зажигается

красный свет. К стоящим машинам устремляются эмигрантские ребята и выбрав очередную жертву начинают размазывать грязь по ветровому стеклу. Итальянец за рулем что-то возмущённо кричит, машет руками. Потом со вздохом запускает руку в карман, извлекает кошелек и выдает монету. Иногда мелких денег не находится. Тогда итальянец уезжает не расплатившись, либо извлекает купюру и передает ее в руки тринадцатилетнего бизнесмена. Счастливый пацан отбегает на обочину и победно поднимает купюру над головой. К нему подбегают его друзья по банде. Поздравляют, хлопают по плечу и как-то странно касаются друг друга, сжатым кулаком о кулак.

Какой-то странный жест – обряд, пришедший видимо от итальянской мафии или из кинофильмов о бандах черных американских подростках. Осанка и поведение этих ребят словно говорили "уж мы то не пропадем." Еще бы. Такой вот паренек за пол дня работы с легкостью зарабатывал 50-60 миль [миля – тысяча лир, примерный эквивалент 1 доллара], что значительно превосходило весь дневной бюджет семьи среднего эмигранта.

Со ступенек Терезинового агентства было легко наблюдать за потоком машин и ловкой работой ребят. Время от времени к бегаящим мальчишкам подходили мужчины средних лет, видимо папы юных бизнесменов. Отзывали кого-то в сторону и о чем-то беседовали. Издалека слов было не слышать, но по жестам и выражению лиц, тема беседы легко

угадывалась.

Папа – "Ну как Левочка сегодня день? Много заработал?"

Левочка – "Ну как, как. Как обычно. Некогда мелочь считать."

Папа – "Я просто узнать, не надо ли чего?"

Левочка – "Да ничего мне не надо. Надо что б от работы не отвлекал и не ходил тут. А то уж перед пацанами не удобно. Как маленький."

Папа – "Ничего, Левочка. Я сейчас уйду. Мама меня вот в магазин послала за продуктами. А денег то сам понимаешь ..."

Лёвочка, поняв намек папы, запускал руку в оттопыренный карман и несколькими ходками извлекал оттуда кучу мелочи. Потом они перебрасывались еще несколькими фразами. Левочка с брезгливой гримасой добавлял еще несколько бумажек.

Пристыженный папа на всякий случай задавал вопрос: "Когда домой? К ужину ждать тебя?"

Лёвочка – "Как получится, не ждите. Мы тут с пацанами после работы договорились в Мак Дональд. У Мишки день рождения празднуем."

Папа (извиняющимся тоном) – "Так может все к нам придете, вот и отпразднуем. Зачем вам Мак Дональд? Наверное дорого!"

Лёвочка (все больше раздражаясь) – "Ну какой у вас день рождения? Макароны с котлетами! Тошнит уже. Потом эта

дура – Лялька со своими куклами. Бабуля с лекарствами ..."

И что бы уж совсем добить непонятливого папу добавлял – "Потом, может в бар пойдем. Пива выпьем."

Папа (испуганно) – "Мак Дональд, пиво – это ж алкоголь!"

Левочка (уж совсем негодуя) – "Да не паникуй. Пиво безалкогольное. Небось даже не слышал о таком. Ну ладно мне уж совсем некогда. Работать надо! Это тебе не студентов на кафедрах учить!"

Папа, слегка пристыженный и одновременно гордый за своего талантливую отпрыска, переходил улицу и по via Garribaldi отправлялся в сторону супермаркета "Conad".

Да, эти ребята явно чувствовали себя на высоте, хозяевами местной Санта-Маринельской эмигрантской жизни. Время от времени кто-то из них отправлялся в ближайшее кафе за Пепси-Колой. Проходил мимо "У Терезы", обводя сидящих на ступеньках презрительным взглядом.

Потом день уже начинал клониться к вечеру. Немилосердное июльское солнце начинало уходить за горизонт. Поток машин стихал. Банды юных бизнесменов – мойщиков стекол рассеивались. Из ближайших кафе уже неслись звуки живой музыки.

Потом появлялись наши граждане, явно выделяющиеся из местной публики своими манерами и одеждой. Сначала шли мимо Терезы по одному, потом потоком, громко галдя и пугая местных жителей своим грубым языком. Постоянно слышалось одно непонятное слово "Сходка".

"Сходка" – красивое слово. Когда слышишь его, ощущается нечто залихватско-казачье. Так и представляешь себе пыльную площадь с церквушкой, взмыленных коней, казаков в синих штанах с лампасами, Гришку Мелехова с чубом выпирающим из-под козырька казацкой фуражки, станичного атамана и громкие крики "Любо!"

Здесь в спокойной, тихой, курортной Санта Маринелле было все иначе.

Огромное количество нищих эмигрантов и дефицит жилья привели к тому, что люди постоянно, едва ли не раз в неделю переезжали с места на место. Своеобразным символом этого городка стал мужчина катящий коляску с горой чемоданов и его жена одной рукой держащая ребенка, а другой придерживающая эту гору. Эдакая скульптурная группа в особом Санта-Маринельском стиле. Найденное, даже ненадолго, жилье казалось вершиной счастья. Время растягивалось даже безо всякой теории относительности. Одна неделя в квартире, где можно было просто прилечь, вытянуть ноги, осмотреться – казалась бесконечным сроком. Естественно, что никто никому своих адресов не сообщал, да и уследить за ежедневными перемещениями тысяч людей было невозможно. Поэтому в каждом городке было установлено место, где собирались сотни эмигрантов за новостями, почтой и официальными бумагами.

Вначале это мероприятие именовалось собранием на открытом воздухе. Но это звучало глупо и нудно. Нормальное

английское слово "митинг", сильно отдавало коммунистическим духом и воспоминаниями о советских митингах с флагами и транспарантами. Потом кто-то пошутил "сходка". И слово прижилось. С тех пор эти ежедневные, без выходных мероприятия так и именовались сходками, безотносительно к казакам и Тихому Дону.

Наша Санта-Маринельская сходка как раз располагалась на небольшой площади с ориентиром в виде Casa Ebraica и "обрезательным" объявлением. Сюда к восьми часам вечера, мимо Терезы и устремлялись толпы "бывших советских".

Начиналось все по раз и навсегда заведенному распорядку. В начале на небольшое возвышение взбирался почтальон, доставал пачку писем и начинал выкрикивать фамилии. К нему, расталкивая толпу, неслись счастливицы, кому повезло получить весточку, словно треугольник с фронта. Некоторые не могли сдержать слез получая долгожданные письма от родственников из Союза, где часто оставались больные родители. Потом на импровизированную трибуну взбирался представитель ХИАСа – еврейской организации осуществляющей связь между американским посольством и осевшими в Санта Маринелле эмигрантами.

"Получили разрешение – добро" – радостно объявлял он. И дальше громким победным голосом Левитана начинал называть фамилии счастливиц – победителей.

"Господин Розенблюм" – звучал раскатистый голос – "разрешение!"

"Господин Фельдман. Разрешение!"

Паузы между именами часто прерывались поцелуями, объятиями, победными криками – "Я знала, я знала. Нам поверят!"

Дочитав радостный список, представитель делал длительную паузу и потом, уже скорбным голосом произносил: "Позвонить".

В этот момент наступала гробовая тишина. Утихали даже радостные вопли счастливчиков.

Выждав еще немного мужчина начинал скорбно читать: "Господин Мехлис – позвонить. Господин Лифшиц – позвонить ..."

Слово "позвонить" означало едва ли не смертный приговор. В 99% случаев это значило – отказ. Эмигранты отлично это знали и потому каждая фраза представителя ХИАСа, словно эхом отзывалась горестными вскриками, плачем. "Нет, не может быть!" – раздавался истерический крик неудачника – "Мы все правильно написали. Это тут в Риме, в посольстве напутали! Надо писать Рейгану, он разберется."

В эту минуту в голову лезли мысли о приговорах народных судов 37 года и списки зачитываемые товарищем Вышинским."

"Господа, господа, не отчаивайтесь!" – успокаивал бившихся в истерике людей представитель ХИАСа – "Не все потеряно. Вы позвоните, вам объяснят порядок подачи апелляции и все будет хорошо. Они разберутся."

"Разберутся, как же, аки Сталин разобрался!" – словно в подтверждении своих мыслей, услышал я голос рядом.

Я обернулся и увидел седоватого мужчину лет пятидесяти. "Лев Аркадьевич" – представился он, поймав мой взгляд – "можно просто Лёва". Так мы познакомились. Потом на других сходках мы часто стояли вместе, обсуждая последние события."

Выждав немного, пока улягутся скорбные крики и быстро ответив на парочку вопросов, представитель продолжал.

"Господа, поговорите с товарищами, которые здесь давно в такой ситуации, вам все хорошо объяснять. Кроме того сразу после меня будет выступать господин Миша... Извините уж вечно забываю вашу фамилию" – обратился он к какому-то человеку.

"Не важно, просто Миша" – в ответ послышался голос.

"Конечно, конечно" – согласился представитель – "Очень рекомендую прислушаться к мнению Миши и по возможности следовать его советам."

"А теперь продолжим" – буднично и деловито продолжал Представитель.

"Транспорт!" – Затем сделав небольшую паузу – "Я еще раз хочу вам напомнить! Не больше двух чемоданов на человека. Небольшая сумочка с самым необходимым в салон."

"Предупреждаю!" – грозным голосом продолжал он – "Не пытайтесь связывать по четыре чемодана в один тук. Вы тут

никого не обманете и не подкупите. Впрочем, у вас и подкупать то нечем. Лишние чемоданы будут просто выбрасываться. Запомните. Это не советская таможня. Никакой колбасы, никаких итальянских фруктов."

Угрозы и советы продолжались еще минут пять, после чего Представитель быстро и по-деловому начинал зачитывать фамилии.

"Финкельштейн – сюда, быстро, расписаться, поздравляю. Зильберман – сюда, не создавайте толкучку ..."

В этот момент сходка уже гудела как улей. Кто-то что-то обсуждал, кого-то успокаивали. Новые неудачники уже искали старых и опытных товарищей по несчастью. Кто-то уже прокладывал путь домой. Толпа начинала потихоньку рассасываться. К этому времени зачитка транспортного списка заканчивалась и Представитель, довольный тем, что сходка прошла без особых эксцессов радостно объявлял: "На этом официальная часть собрания окончена и я передаю слово Мише, так сказать нашему внештатному сотруднику."

На возвышение быстро взобрался невысокий, полненький мужчина лет сорока, с аккуратной стрижкой густых черных волос.

"Господа, прошу не расходиться." – начал он – "Есть важное сообщение."

К этому времени собравшаяся толпа уже уполовинилась, но другая половина народа, наоборот, подошла поближе к возвышению, готовая внимательно слушать.

Миша был, как бы получше выразиться, неизбранным, но признанным вождем так называемых отказников. Кто такие отказники в Советском Союзе мы прекрасно знали. Кто такие отказники в Италии, мы познавали здесь в Санта Маринелле, на своей шкуре.

В Советском Союзе мы были уверены в одном неоспоримом факте. Стоит только нам покинуть империю зла, как нас тут же встретят радужные американцы, дадут отдохнуть, акклиматизироваться в гостеприимной Италии, потом наградят подъёмными долларами и увезут в желанную Америку. Вопрос "а на фига мы Америке?" – особенно не дискутировался, но ответ был в принципе готов. Подобен мыслям Шарика из Булгаковского "Собачье сердце" – "а на фига я понадобился профессору?"

"А может я красивый?" – думал Шарик.

"Наверное мы умные и красивые" – полагали советские евреи.

Насчет умные – это бесспорно. Насчет красивые, можно дискутировать.

К сожалению красивых в Америке было более чем достаточно, а места для умных были уже давно разобраны. Так что никто в Америке нас особенно не ждал, а весь этот несчастный "еврейский вопрос" на поверку лишь оказался еврейской козырной картой во времена противостояния двух сверхдержав.

С другой стороны, где-то на Ближнем Востоке, среди кучи

арабских государств, затерялся маленький Израиль и большой друг Америки, для которого Советские евреи были позарез как нужны. Кроме того Израиль уж очень жал на Америку. Там прекрасно понимали, что если миллион советских евреев проскочит мимо Израйля, то потом на землю обетованную никого, никакими коврижками не затащишь.

Так сложился типичный любовный треугольник: Америка не любит советских евреев, но любит Израиль. Израиль не очень любит Америку, но очень любит советских евреев. Советские евреи очень любят Америку и совсем не любят Израиль.

Вопрос – "Как же заставить советских евреев полюбить Израиль?"

Умные люди в американском госдепе легко нашли решение этой проблемы.

Статистика отказов говорит сама за себя. Январь 1989 – 40% отказов, Февраль – 60%, Март – 80%. Потом задули другие ветры. Видимо итальянцы начали сильно жаловаться. Мы ж так не договаривались. Обещали, вот небольшую остановочку для эмигрантов на пути в Америку, а теперь глядите, что получилось Толпы русских шляются по курортам, торгуют водкой и матрёшками на всех углах, портят пейзаж. Так что, янки, пошевеливайтесь. И вот с апреля статистика начала улучшаться. Апрель – 60%, Май – 40%, Июнь – 20%, Июль – 10%. Впрочем, для десяти процентов эмигрантов,

получивших отказ это было слабым утешением. Для тех же кто сидел в отказе, вообще никаких изменений не наблюдалось.

Продолжалась психическая обработка. Отказников вызывали в соответствующие организации и уговаривали бросить это безнадежное дело и отправляться в Израиль, где им сулили молочные реки с кисельными берегами. Кое-кто соглашался. Тогда за ними присылался автобус, выдавалась солидная сумма подъемных и в тот же день, дабы человек не передумал, увозили в аэропорт. Для особо упорных были заготовлены другие средства. Их попросту снимали с пособий. Но отказники цеплялись за итальянскую землю, как когда-то защитники Бресткой крепости. В ход шла "тяжелая артиллерия". Снятый с пособия эмигрант хватал жену и малолетних детей, вваливался в ДЖОЙНТ [Еврейская благотворительная организация] и заявлял что никуда не уйдет. Слезы жен и плач детей делали свое дело. Сердобольные итальянки, работницы ДЖОЙНТа, позабыв о своих обязанностях суетились вокруг детей. И начальству, что бы сохранить порядок и свое лицо ничего не оставалось, как восстановить пособия. Впрочем, кое-кто из эмигрантов вылетал с пособиями всерьез и надолго, и тогда оставалось лишь уповать на бога, да на партийного лидера Мишу. [При выезде из Советского Союза разрешалось вывезти 140 долларов на человека. Поэтому эмигранты на 100% зависели от минимальных пособий вы-

даваемых благотворительными организациями.]

Миша относился к своим обязанностям относился со всей серьезностью. Он тоже был из отказников. Где-то пол года назад он "влетел" в отказ. Многие деятельные отказники пошли по пути бизнеса. Открывали парикмахерские на дому, занимались скупкой и перепродажей вещей приезжающих соотечественников, открывали курсы английского языка. Существовали даже эмигрантские туристические бюро, которые катали материально обеспеченных счастливиц по стандартному итальянскому маршруту Венеция – Флоренция – Сан Марино. У Миши с бизнесом было "не очень", но зато были необычайные способности к общественной работе. Вряд ли в Советском Союзе он был партийным деятелем. Тут подводила пятая графа, но определенно он ошивался на комсомольской и профсоюзной работе. Сам Миша этот факт своей биографии умалчивал и скромно утверждал, что был простым советским инженером.

Миша выждал еще секунду и произнес: "Господа у меня неприятные новости. Сегодня были лишены пособий еще несколько семей. Я не буду вам объяснять насколько это ужасно остаться без средств к существованию, без жилья, без еды. Поэтому я попрошу проявить милосердие и сдать в помощь нуждающимся хотя бы небольшую сумму."

Половина народа тут же бросилась врассыпную. Парочка человек из мишиного актива ходила по сходке, собирая деньги. Кто-то бросал доллары, кто-то отделялся фразой

– "кошелек забыл".

В это же время шла полемика между Мишей и какими-то людьми в первом ряду. Это была Мишина оппозиция. Они его в чем-то обвиняли, Миша в чем-то оправдывался, иногда переходя в наступление.

"Мы добились восстановления на пособия четырех семей".

"Ну да" – кричали оппоненты – "они сами этого добились".

Наконец коробка с собранными средствами вернулась на трибуну.

"Немного" – подытожил Миша – "но в любом случае спасибо. Эти средства окажут огромную помощь нашим товарищам в беде. Надеюсь, что завтра я сообщу вам более приятные новости".

Потом он вдруг выбросил в воздух кулак, словно жест испанских коммунистов и громко произнес – "Борьба продолжается!"

Я слегка опешил.

"Во, во. Но пасаран. Этого еще здесь не хватает" – сообщил мой новый знакомый Лева. Потом, увидев мое недоуменное лицо добавил: "Ну ничего, вы тут еще новенький. И ни такого насмотритесь."

Лева был прав. Миша был личностью весьма неординарной. Но это как бы полагается любому вождю. Некоторые его действия безусловно заслуживали уважения, но другие его

выходки не лезли ни в какие ворота.

Дни шли за днями. Все эмигранты были заняты своими повседневными делами. Санта Маринелла – Рим, подготовка к интервью, писание идиотских бумаг и "сочинений" на тему "Как я пострадал он рук КГБ", обустройство, пляж, больницы, стояние с советским барахлом на рынке, продажи и покупки, сделки и переделки и конечно же ежевечерняя Сходка.

"Товарищи! Произошла ужасная трагедия." – начал Миша срывающимся голосом – "Вчера погиб один из наших товарищей. Он ехал на мотороллере и неожиданно на перекрестке, на красный цвет выскочила машина, управляемая пьяным итальянцем и сбила его. Юноша скончался на месте.

Все притихли. "Вот это трагедия," – слышался шепот – "в расцвете лет, перед воротами Америки. И вот такая глупая смерть."

Действительно под колесами итальянских машин погибло немало наших эмигрантов. Сумасшедшие итальянцы носились на своих автомобилях, как угорелые." Переходя перекресток нужно было смотреть не на зеленый сигнал светофора, а на машины летящие на скорости 100 км в час на дорогах с максимальной скоростью в 30.

"Мы были в ДЖОЙНТе и ХИАСе" – продолжал Миша – "но эти мерзавцы отказываются отправлять тело на родину, в Ригу. Поэтому мы решили отдать последний долг нашему товарищу. Мы соберем деньги и отправим тело нашего по-

гибшего товарища на родину."

В эту историю с отправкой тела на родину не особенно верилось. Огромная система ДЖОЙНТ, содержащая десятки тысяч эмигрантов-нахлебников, вдруг не может отыскать пару тысяч долларов на достойное погребение или отправку тела.

Но никто, естественно, эти вопросы не задавал. Никто привычно не шарахался от денежных коробок. Наоборот, доставали кошельки и бросали доллары и мили.

"Мы сделаем все возможное" – скорбно заверил Миша.

"Придумывает он это все" – шепотом сообщил мне мой новый товарищ Лёва. Я лишь пожал плечами, не желая дискутировать эту грустную тему.

Через день на сходке вновь появился цветущий Миша. В руках он держал новенький мегафон. Рядом с возвышением и трибуной были свалены какие-то палки и куски фанеры.

"Господа, нам удалось договориться и тело нашего товарища ДЖОЙНТ отправил домой. Мы же начинаем новую страницу борьбы с Америкой.

"Американским бюрократизмом" – поправил Мишу кто-то из его актива.

"Это я и имею в виду" – согласился Миша – "С завтрашнего дня мы начинаем пикетировать американское посольство с плакатами."

Далее, сделав многозначительную паузу добавил: "Громко" – с гордостью постучал по новенькому мегафону – "и

безжалостно".

Народ с интересом начал прислушиваться к Мишиным идеям.

"На деньги собранные для нашего погибшего товарища мы приобрели вот этот вот мегафон, а также материалы для изготовления плакатов."

Толпа загудела от возмущения. Действительно это было очень не красиво. Деньги то собирались на похороны, а не на покупку мегафона со стройматериалами. Особенно свирепствовала Мишина оппозиция из первых рядов.

"Позор" – кричали они – "эти деньги попросту украдены! Вы обязаны были вернуть эти деньги людям!"

Но у Миши теперь было преимущество перед крикунами. Миша попросту навел мегафон на оппозиционеров, включил его на полную громкость и гаркнул: "Мы списки жертвователей не держим! А то что мы приобрели, будет памятником нашему павшему товарищу."

Оппозиция бросилась врассыпную, потирая заложенные уши. Силы явно были не равны. Остальные участники сходки расходились, кляня Мишу на чем свет стоит.

Надо сказать, что к чести Миши, он никого не обманул и деньги не присвоил. Он лично поехал к американскому посольству, провел рекогносцировку, переговорил с итальянским полицейским и приехал домой вооруженный ценной информацией. На следующий день он уже собирал боевую дружину, готовую биться под стенами американского по-

сольства.

"Плакаты готовы" – вещал он через мегафон.

"Естественно мы все в стесненных обстоятельствах и денег на поезд до Рима у нас нет. Но у меня есть идея. Мы покупаем один билет и садимся в один вагон. Когда появляются контроллеры и спрашивают билет, вы показываете на меня. Я с ними буду разговаривать. А пока они разберутся, мы уже будем в Риме! Решено! Завтра ровно в восемь на вокзале."

Надо сказать, что план Миши прошел с блеском. В вагон вошел итальянский контроллер и попросил: "Il biglietto, per favore" [ваш билет, пожалуйста]. Русские кивали друг на друга. Вежливый итальянец слонялся по вагону от одного мошенника к другому. Потом понял, что его дурачат и вскоре отстал.

На следующий день окрыленный Миша давал отчет о проделанной работе. Появление эмигрантов с плакатами привело к панике в Американском посольстве. То и дело оттуда выскакивали разъяренные работники и требовали от полицейского прекратить безобразия. Полицейский лишь улыбался и отвечал: "L'Italia e un paese libero" [Италия свободная страна] и учил наших ругаться по итальянски. Видимо у полицейского были свои счета с янки. Следующий день прошел все так же удачно. На третий день, на сходке Миша был как бы "не в своей тарелке". Мямлил что все идет хорошо, по плану, но несмотря на непредвиденные трудности, Он

– то есть Мы будем вести борьбу до полной победы. К этому времени начали подтягиваться мишины активисты. Половина из них была вымокшими и исцарапанными, другая половина были в пыли и красные как раки. Вскоре мы узнали, что собственно произошло. Как обычно в Риме на вокзале Миша купил один билет, остальные привычно погрузились "просто так". Но на этот раз итальянских контроллеров было побольше и подготовились они получше. На половине пути до Санта Маринеллы они поинтересовались насчет biglietto и не получив удовлетворительного ответа, остановили поезд в "чистом поле" и выкинули незадачливых русско-еврейских зайцев из вагона. Далее половина заговорщиков пошла вдоль моря, потому что так было короче, а другая половина потопала по проселочным дорогам, потому что так было надежней. В любом случае ни один из путей не оказался приятным. Тем, кто шел вдоль моря пришлось карабкаться на скалы и продираться сквозь колючий кустарник. Те кто пошел по пыльным проселкам, сгорели под нещадным итальянским солнцем. В любом случае обе группы были одинаково злы на Мишу. Сам же Миша, как обладатель единственного biglietto, прибыл в Санта Маринеллу быстро и с комфортом. Миша чувствовал себя виноватым и уже не орал в мегафон, а просил быть терпеливыми, не отступать перед трудностями и обещал как-нибудь решить транспортную проблему.

Постепенно все как-то успокоилось и превратилось в ру-

тину. Пикетчики ездили в Рим, митинговали перед американским посольством. Мишины отчеты превратились в дорогие сводки Совинформбюро времен затишья: "на всех фронтах велись бои местного значения."

Эта скукота продолжалась бы и дальше, если бы не скандал, случайным зачинщиком которого стала моя жена.

Сходка проходила по привычному сценарию – почта, разрешения, отказы, транспорт, отчет Миши о проделанной работе. Мы с женой и детьми стояли на краю сходки в пол-уха слушая ораторов. Рядом с нами стоял наш знакомый Лёва и как обычно чем-то возмущался. В этот раз он возмущался наглостью Миши и пикетчиков американского посольства.

"А почему нас Америка должна к себе пускать?" – Лёва начал излагать свою новую теорию – "У Америки полно мировых забот – голод в Африке, угроза глобального потепления. А тут еще евреи со своими проблемами. И потом, как это мы можем требовать? Мы можем лишь просить и терпеливо ждать."

С Мишиной теорией я был совершенно не согласен, а мою жену, со своими всепрощенческими идеями он начал слегка раздражать.

"Вот, очень хорошо" – сказала она – "давайте и расскажите всем что вы думаете. Поделитесь своими мыслями."

"Ну зачем это?" – отнекивался Лева.

"А вы что, боитесь?" – спросила моя жена.

Для 50 летнего мужчины услышать обвинения в трусости

от красивой 25 летней женщины было выше любых оскорблений.

"Я, боюсь!" – возмутился Лёва – "Я никого не боюсь! Помню, как в нашем институте выступал зам директора по науке и ..."

Моя жена оборвала мемуарные воспоминания Лёвы.

"Вот видите!" – радостно сказала она. Моя жена была в исключительно хорошем настроении. Я то знал, что бывает, когда у моей жены хорошее настроение, а Лёва еще нет.

"Вы там работой рисковали" – подзуживала она – "а тут все свои!"

"Я конечно могу" – нудил Лёва – "хотя я хотел бы подготовиться."

"Ну вот и замечательно" – сообщила моя жена.

К этому времени Миша закончил свой отчет о проделанной работе и лениво спросил: "Вопросы есть? Кто-то желает высказаться?"

"Желаем, желаем!" – закричала моя жена – "Господин Лёва желает высказаться."

И словно в напутствие добавила – "Не бойтесь, все свои. Не разорвут же вас тут."

Вообще-то последняя фраза была слишком оптимистичной и через минуту мы в этом убедились.

Лёва пошел в сторону трибуны. Миша посторонился, жестом приглашая его подняться. Миша нуждался в поддержке простого народа и надеялся услышать какую-нибудь похва-

ду в свой адрес. Лёва поднялся на трибуну-возвышение, откашлялся и начал говорить то что нашептывал нам пять минут назад. Вначале его мало кто слушал из-за тихого интеллигентного голоса. Кто-то даже крикнул – "Громче!" Потом народ начал прислушиваться. По мере развития Лёвиных мыслей нарастал возмущенный гул переходящий в оскорбительные выкрики. Наконец разобравшись куда Лёва клонит, сходка уже буквально начала скандировать.

"Предатель, вон с трибуны!"

Миша молчал и не вмешивался удовлетворенно переводя взгляд с Лёвы на бушующую сходку. С таким же чувством удовлетворения обычно смотрит тренер по боксу на своего воспитанника, который "мочалит" слабака партнера.

Крики уже перерастали в действия. К Лёве уже устремились разъяренные отказники, желающие стащить его с трибуны. Лёва дожидаться не стал. Ловко, для своих пятидесяти лет он спрыгнул с трибуны и устремился в нашу сторону. Леву преследовали женщины отказницы, за ними едва поспевали их мужья.

Лёва юркнул за наши спины. Его определенно надо было спасать, исполнять свой гражданский долг, тем более что невольным провокатором этого инцидента оказалась моя жена. Мы выстроились в цепь, держась за руки, аля Никулин – Вицин – Моргунов из "Кавказской пленницы".

Слева стоял я, справа моя жена, посередине двое малолетних детей трех и пяти лет. Группа преследователей оста-

новилась перед нами, пока еще не решаясь топтать детей.

"Ну и езжай в свой сраный Израиль!" – орали они, распаляясь все больше – "Сионист поганый."

Никто, ни президент Египта, ни террорист Ясир Арафат, ни король Иордании, ни кровавый диктатор Саддам Хуссейн не ненавидели Израиль больше, чем эта группа евреев. Кстати выехавшая из Советского Союза по израильскому приглашению. Я с трудом представлял себе, откуда взялось столько злобы. Израиль еврей можно недолюбливать, можно с чем-то не соглашаться. Но такое ...

Где-то за пол года до отъезда из Советского Союза я попал на посиделки. К каким-то нашим знакомым приехали родственники одновременно из Америки и Израиля.

Вот они и решили устроить пир горой, себя показать, да гостей просветить. Что б люди смогли воочию убедиться, да и получить информацию из первых рук. Родственниками там были – средних лет мужчина из Америки, непонятной профессии, проживающий на Брайтон Бич, а также доктор из Израиля, проживающим в каком-то маленьком городке с названием что-то типа Гуш Цион.

Родственник из америки абсолютно "забил" израильского доктора, не давая вставить ни единого слова. Он красочно описывал все прелести Нью-Йорка, Брайтон – Бич, замечательной русской комьюнити. Русская речь его была густо пересыпана американскими словечками – кар, сосидж, кводэр [автомобиль, колбаса, монета 25 центов]. Незнакомые сло-

ва – вэлфэр, гарбидж, фудстэмп [помощь неимущим, мусор, талон на продукты] – приятно ласкали слух. Оптимистичный настрой заражал. Так вот хотелось встать и немедленно ехать.

Абсолютной противоположностью ему был доктор из Гуш Циона. Но этот самый Гуш Цион представлялся нам какой-то провинциальной дырой типа Коростышева. Да и мы сами были доктора из всяких районных поликлиник. Нас этим не удивишь. А вот Брайтон-Бич – это совсем другое.

"Представляете" – вещал новый американец.

"Еду по Брайтон Бич. И на углу с одиннадцатой улицей стоит японский телевизор. Я остановился, погрузил в свой Форд стэйшн вагэн и привез к себе в апартамент. Отлично показывает. Вот в Израиле у вас японские телевизоры стоят на улице?"

"Нет" – честно признавался израильский доктор – "Я телевизор в магазине купил."

"Ну что уж тут говорить." – презрительно продолжал американец, разводя руками – "А у нас, пожалуйста!"

"Вот глядите" – он хвастливо задирает рукав рубашки, демонстрируя свой Rollex с двумя буквами "I" – "Купил за десятку в китайском магазине."

Наверняка Лёвины преследователи бывали на таких вот посиделках. С огромным трудом пробирались они через ОВИРы. Тащили через таможенную ценность и отсылали контейнеры за океан. Уже мечтали, что через годик – другой

вернутся в Советский Союз, но уже не просто как советские граждане, а настоящими американскими туристами. Войдут в родное КБ и вот так вот, будучи в центре внимания будут раздавать грошовые американские подарки, демонстрировать французские платья и тряссти часами Rollex. И вот, на тебе, на пути к сияющей американской мечте стал маленький Израиль, и этот провокатор Лёва – агент мирового сионизма.

Перед нами бесновалась толпа отказниц и отказников. Громко звучали угрозы. Еще секунда и они сомнут нашу хлипкую оборону.

В эту минут мне пришла спасительная мысль.

"Слышите" – закричал я – "Там Миша что-то про пособия рассказывает."

Толпа мгновенно развернулась и работая локтями отказники устремились обратно к трибуне.

"Миша, Миша! Насчет пособий повторите пожалуйста!" – орали женщины

"Какие пособия?" – удивился Миша – "я уже все сказал. Господа, повнимательней. Не отвлекайтесь на всяких провокаторов."

Воспользовавшись передышкой мы бросились бежать.

Не знаю, повлиял ли на Мишу последний скандал, или это был результат действия мишиной оппозиции, которая требовала конкретных результатов работы. Но на следующий день Миша явился с новой идеей.

"Господа, наша борьба с Америкой переходит на новый

этап."

"Американским бюрократизмом" – привычно поправил его активист.

Миша, даже не стал извиняться.

"Мы решили объявить голодовку" – продолжил он – "Уже есть группа товарищей, готовых голодать перед Американским посольством. О голодовке мы напишем на наших плакатах и сообщим во все организации."

Потом он сделал паузу и хищно по заговорщически добавил – "Посмотрим, как они там запоют."

Надо сказать что Мишина идея сработала. Америка получила хороший удар под дых. Видимо слово "голод" было чем-то экстраординарным для сытой Америки. В сером здании засуетились. Вскоре из американского посольства вышел седовласый мужчина и сладко-елейным голосом на ломаном русском языке начал упрашивать свернуть плакаты и убраться подальше.

"Все очень скоро решится положительно" – уверял он. Ему никто не верил. "Пол года уж решаете" – слышались недовольные голоса.

Мужчина ушел и вместо него появилась наглая особа лет сорока. Видимо в посольстве решили использовать политику "кнута и пряника". Женщина говорила на чистом русском языке с едва заметным английским акцентом. Она уже угрожала, что если возмутители спокойствия не разойдутся, то и в Америку их никогда не пустят. "А нас и так не пускают" –

орали ей в ответ, посылая подальше ненормативной лексикой.

Что-то гудело и варилось в американском посольстве. Миша чувствуя это решил развивать достигнутые успехи. Он явился через несколько дней и громким победно-трагическим голосом сообщил.

"Господа, внимание. Вы знаете что мы пикетируем Американское посольство. Вы знаете, что мы голодаем перед американским посольством. А теперь ..." – он сделал многозначительную паузу – "Наш соратник наш товарищ Дима, который живет здесь уже больше полу года решил объявить Сухую Голодовку!"

Кто-то даже ахнул от удивления. Толпа зашушукалась. Мы уже привыкли к хулиганским выходкам Миши и его актива. Цену этой голодовки тоже прекрасно представляли. Слава богу нас этому научил какой-то американский деятель, год голодавший перед Белым Домом.

Поголодаешь перед посольством рабочий день с 9 до 6, потом возвращаешься домой в Санта Маринеллу и спокойно без свидетелей ужинаешь. Утром плотно позавтракав, можно снова отправляться на голодовку. Но сухая голодовка, на жаре, под итальянским солнцем. Тут уж действительно можно получить тепловой удар, если не "коньки отбросить". Кто-то из здравомыслящих участников сходки с места попытался вразумить Мишу. Миша лишь презрительно глянул на него,

поднял сжатый кулак и уже без тени сомнения произнес – "Умрем, но не сдадимся".

Люди расходились, обсуждая этот странный поступок. "Да неужели они решатся на это?"

Дима решился. Видимо он был из породы людей, которые бьются за идею до конца, какой бы бессмысленной эта идея не была. К концу дня он потерял сознание. Перепуганные активисты бегали в посольство за водой. Естественно ничего не получили. Притащили таз воды из ближайшего кафе. Потом отмачивали и отпаивали несчастного Диму.

Американское посольство хранило молчание. Лишь изредка за окнами мелькали тени. Определенно что-то происходило за толстыми стенами и дверьми, которые стерегли двухметровые охранники.

Еще пару дней прошли без эксцессов и вдруг на сходке появился Миша. Он был чернее тучи. Взойдя на трибуну, и дождавшись тишины, Миша громко произнес: "Нас предали!" Перепуганные люди замолчали, уставившись на Мишу, ожидая самого худшего.

"Нас предали!" – повторил Миша – "Наши бывшие с позволения сказать, товарищи, сбежали в Америку.

"Как сбежали?" – слышались недоуменные голоса.

Можно было легко представить себе, что Мишины друзья сбежали от него в соседний курортный городок Ладисполь. Можно представить себе, что уставшие ребята решились на отчаянный шаг и уехали в Израиль. Но сбежать в Америку

– это было нечто неправдоподобное, так же как сбежать на Луну. Тем не менее это оказалось правдой.

Все мы знали что Америка полностью прониклась страданиями несчастных советских евреев. Насколько же была озабочена Америка правом воссоединения еврейских семей, что любой сенатор приезжавший в Советский Союз на встречу с Генеральным Секретарем, считал своим долгом вывезти хотя бы парочку советских евреев. В советском Союзе поразились причудам американских сенаторов. Вместо того что бы увозить какую-нибудь казачью шашку, украшенную рубинами и бриллиантами, они зачем-то выпрашивали парочку еврейских семей.

Кроме того американцы не всегда действовали так вот подобному. Вечно подымали вопрос в ООН, подключали средства массовой информации.

Кто же не помнит эти ужасные фотографии облетевшие весь мир. Вот они – правозащитники, приковавшие себя к воротам советского посольства. Вот группа евреев на Красной Площади с плакатами "Выпустите нас в Израиль" Вот другая фотография, где советские милиционеры и люди в штатском избивают этих людей, тащат их в милицейские машины. А вот еще одна сероватая фотография из архивов КГБ. На ней хорошо виден очередной борец за права в смиренной рубашке и доктор с огромным шприцем. На заднем плане этой фотографии просматривается какой-то сосуд с надписью "Вата" и табличка "Айболит" на двери. Видимо

работники госдепа, дабы не перепутать с американской психушкой, попросили специалистов из ФБР чего-то дорисовать русскими буквами.

Фотографии печатались во всех газетах. От жалости к несчастным советским евреям рыдали все действительные члены ООН, включая людоедские племена. И что же теперь? Как венец всему, еврейские эмигранты, так и не оценив своего счастья, торгуют самоварами и матрешками на Римском "круглом" рынке и расхаживают с плакатами возле ворот американского посольства. Фотографии этих счастливицков уже публикуют разные газеты, а американские граждане, заходящие в посольство, начинают вежливо интересоваться "What the fuck ..." [ругательство]

Необходимо было что-то срочно предпринимать и в госдепе нашли мудрое решение. Группу "голодающих" пригласили в посольство. Миша попытался сунуться вместе с ними, но его отодвинул двухметровый охранник. Далее "голодающим" дали подписать заранее заготовленные апелляции. За 30 секунд их утвердили. Коротко объяснили что к чему. Посол лично пожал им руки и пожелал счастливого пути. Их отвели в подземный гараж, усадили в здоровенные внедорожники. Потом черная кавалькада машин выскочила из посольства и включив проблесковые маячки понеслась в Санта-Маринеллу. Таким почестям обычно удосуживались лишь президенты Соединенных Штатов и самые большие террористы. Теперь черные бронированные гиганты несли в своих чре-

вах группу еврейских возмутителей спокойствия – от греха подальше. В Санта-Маринелле им дали 15 минут на сборы. Подсадили членов семей, побросали внутрь чемоданы и унеслись в направлении аэропорта.

Никто из оставшихся на улице пикетчиков естественно ничего не знал. На караван черных машин с затемненными окнами внимание не обратили и продолжали ждать своих товарищей исчезнувших за дверьми посольства.

Прождали их до самого вечера. И лишь когда поздно вечером стало ясно, что никто уж из посольства не выйдет, недоумевающие возмутители спокойствия побежали на вокзал, чтобы успеть на последний поезд в Санта Маринеллу. На следующее утро Миша бросился к квартирам где проживали его исчезнувшие друзья. Все что он увидел – это распахнутые двери и валяющийся кругом мусор, как доказательство поспешного бегства. Соседи ничего не знали, лишь сбивчиво объясняли что-то насчет черных машин и спешки с какой бывшие голодающие закидывали в машины тюки и чемоданы.

Картина бегства и предательства прояснилась и теперь Миша стоял на трибуне и дрожащим от возмущения голосом рассказывал все детали этого чудовищного преступления. Реакция сходки оказалась неоднозначной. Кто-то кипел от негодования, кто-то сочувствовал Мише, а кто-то полностью поддерживал поступок бывших Мишиных соратников.

"Ну и правильно" – раздавались одобрительные возгласы

– "Раз повезло, надо пользоваться!"

"Подлецы!" – уверяли другие – "Как это можно так сбегать, не попрощавшись, ни сказав ни слова".

Миша дождался пока шум сходки утихнет. Затем он начал говорить.

Сам того не понимая Миша сумел ухватить удачу за хвост. Сейчас ему бы нужно было продолжать начатое дело – давить на сонных американских бюрократов, лупить их эмигрантскими проблемами, составлять списки желающих поголодать у американского посольства.

Но Мишу понесло в противоположную сторону. Чувство потерянности и обида на предателей не давали ему покоя, эмигрантская молодость тащила его в "пламенный поход."

"Господа" – ледяным голосом начал он – "Поступили сигналы, что некоторые наши с позволения сказать товарищи, получив "добро" на отъезд и "транспорт" начинают торговать на улицах продуктами питания. Это отвратительно. Если вам уж повезло, то проявите гуманизм и пожертвуйте ваши продукты отказникам. Многие из нас сняты с пособий. Живут неизвестно где, питаются неизвестно чем."

Здесь Миша был абсолютно прав и любой нормальный человек мог бы подписаться под его словами. Беда Миши всегда заключалась в том, что он никогда не мог вовремя остановиться. Мишу опять "понесло".

"Господа с этим надо безжалостно бороться" – сообщил он – "С завтрашнего дня мы начинаем патрулировать ули-

цы Санта Маринеллы и если мы увидим торгующих продуктами, будем принимать самые решительные меры. Продукты будут реквизироваться в пользу голодающих Санта Маринеллы!"

Многие были не согласны с последней частью Мишиного плана, но предпочли не высказываться, помня историю с оратором Лёвой.

"Решено" – сказал Миша – "Будем голосовать. Кто – за?"

Мишин актив привычно поднял руки.

"Единогласно!" – сообщил Миша, даже не посмотрев в сторону собравшегося народа.

===

Роза Львовна вместе со своим мужем стояла возле импровизированного столика на углу via Garibaldi разложив какие-то нищенские продукты. Пачку советских макарон в синей бумажной коробке, несколько банок тушенки, еще какие-то концентраты, купленные в здешнем универсаме Conad.

Роза Львовна была женщиной лет 50, выехавшая вдвоем со своим мужем недавно из Одессы. В категории материального благополучия она стояла на нижней ступеньке эмигрантской лестницы, разве что слегка повыше сумасшедших, которых благодаря усилиям американского конгресса, выписали из психиатрических лечебниц и выкинули из Советского Союза. В Одессе у нее остался сын, который наотрез отказался выезжать со своими родителями.

В Одессе Роза Львовна жила очень неплохо. Со своим мужем она проживала в полногабаритной четырёхкомнатной квартире на Дерибасовской. Розин муж был заведующим хирургическим отделением одной из одесских больниц. Сама Роза Львовна работала учительницей пения в какой-то школе на очень неполную рабочую ставку. Большую часть своего имеющегося в изобилии свободного времени она посвящала воспитанию сына. Результаты воспитания не замедлили сказаться. Лишь окончив школу, сын сбежал в общежитие от сумасбродной мамы, а после института, женившись, предпочел жить с женой и ребенком у ее родителей в крохотной двухкомнатной квартирке. Роза Львовна не успокоилась и теперь уже продолжала воспитывать своего мужа.

Женщина она была общительная и прогрессивная. Каждую субботу она собирала у себя в полногабаритной квартире своих подруг с мужьями на ужин и посиделки. Здесь в основном велись разговоры на тему "надо уезжать" и зачитывались радостно-оптимистичные письма с Брайтон-Бич.

"Ах, Америка" – восклицала Роза Львовна, закатывая глаза – "Машины, небоскребы. Все отдала бы, что б попасть туда. Полы буду мести, со столов убирать. Ах, увидеть бы все это!"

Роза Львовна буквально с мясом вырвала своего мужа, зав отделением из одесской больницы и увезла его прочь от Советского Союза к блистающим вершинам Америки. Теперь в Италии, Розе Львовне, было предоставлено все о чем она

мечтала. Неприспособленные к жизни, Роза Львовна со своим далеко не блистающим здоровьем мужем, мучились без денег и нормального жилья, снимая даже не комнату, а угол с диваном, у какого-то проворного иммигранта. Единственное в чем повезло Розе Львовне, это то что в американском посольстве сжалились на них и дали "добро", хотя толком объяснить как же КГБ "преследовало" обладателя 4;х комнатной одесской квартиры и зав отделением больницы, Роза Львовна не могла.

Теперь получив желанное "добро" Роза Львовна активно готовилась к отъезду и решила подзаработать пару долларов на торговле советскими продуктами.

К Розе Львовне не спеша приблизился Миша сопровождаемый двумя активистами.

"Та-ак" – сказал Миша голосом милиционера с колхозного рынка – "Значит нарушаем..."

До полного сходства с милицейским нарядом не хватало только форменной фуражки на Мишиной голове и красных повязок дружинников у Мишиного актива.

"Нарушаем что?" – не поняла Роза Львовна.

"А последние постановления сходки вам неизвестны. Или делаем вид?" – вопрошал Миша.

"Какие постановления?" – удивилась Роза Львовна.

"Постановление об изъятии продуктов питания в пользу голодающих отказников!"

"Не знаю я никаких постановлений!" – завизжала Роза

Львовна.

"Незнание постановлений не освобождает от ответственности" – сообщил Миша и потянулся к пачке макарон.

"Не трогай, не твое!" – продолжала визжать Роза Львовна.

Сюрреалистическая картина материализовалась на углу via Garribaldi. Толстячок Миша тянул макароны в свою сторону. Роза Львовна вцепившись в них мертвой хваткой, тянула в свою.

Мишины активисты отступили на шаг назад. То что Миша обещал, что будет приятной прогулкой с реквизицией продуктов, превращалось в большой и мерзкий скандал.

"Розочка, да отдай ты ему эти макароны" – послышался мягкий голос Розиного мужа – "Зачем они тебе, в Америке?"

"Дурак, трус" – истерически заорала Роза Львовна – "Жену защитить не можешь! Ничего не знаешь, не умеешь! Кем бы ты был, если б не я!"

Силы 40-летнего мужчины и 50-летней женщины были явно не равны и смятая разодранная пачка макарон оказалась в Мишиных руках.

"Ах так, закричала обезумевшая от горя и обиды Роза Львовна – "Тогда всё забирай, всё!"

Она ухватила со столика латунно-золотистую банку с армейской тушенкой и швырнула ее в Мишину сторону. Описав небольшую дугу по Санта Маринельскому воздуху, банка приземлилась под левым глазом Миши.

"Сука!" – заорал Миша растеряв последние микроскопи-

ческие крохи приличия. Он поднял кулак, готовый стереть в порошок несчастную 50-летнюю женщину.

В этот момент громко вякнула полицейская сирена. Рядом с конфликтующими резко остановилась белая легковая машина с надписью "Carabinieri". Из машины вышли двое полицейских. "Commercio ambulante e victate" [торговать на улице запрещено] дружелюбно начал полицейский, видимо решив что это небольшой конфликт между покупателем и продавцом. Двое Мишиных активистов развернулись и сделав вид, что они здесь не причем спешно ретировались. Роза Львовна смотрела на полицейских очумелыми глазами на белом от ужаса лице. Полицейский еще попытался что-то сказать, но потом сообразил что его все равно не понимают. Он порылся в памяти и достал единственную знакомую английскую фразу.

"Янки го хоум" – громко произнес он.

Роза Львовна и Миша бросив макароны с тушенкой устремились по домам. Дома, плачущая Роза Львовна все рассказала хозяину угла с диваном.

На следующий день владелец угла с диваном пошел на общественный пляж, где и поделился новостями о Мишином безобразном поведении с пляжущимися эмигрантами. Те в свою очередь сообщили отказникам, болтающимся на ступеньках "У Терезы". Теперь любой проходящий мимо Терезы оказывался в курсе макаронной потасовки. Ко времени начала сходки все уже были в курсе Мишиных безобразий.

Миша явился на сходку, как обычно, абсолютно не подозревая о надвигающейся опасности. Для него инцидент с Розой Львовной был лишь один незначительный эпизод постоянной борьбы за правое дело. Раздражал лишь синяк под глазом. Миша привычно вскочил на трибуну, но на этот раз он почувствовал не обычное равнодушие толпы, а весьма неприятное внимание к своей персоне. Толпа раздраженно шумела. Миша попытался призвать народ к порядку. Но кто-то из толпы весело крикнул: "Мишуля, расскажи-ка где ты бланж заработал!"

Миша потрогал синяк под глазом и соврал – "Вчера мы попытались взять штурмом американское посольство!"

Толпа встретила его слова хохотом и негодующими возгласами "Позор, вон, надоело!"

Мишу буквально стащили с трибуны. Понимая, что дело плохо Миша поспешно ретировался.

За суматохой даже никто не заметил как на трибуну взобрался невысокий, лысый человечек лет пятидесяти – один из самых крикливых Мишиных оппонентов. Люди немного успокоившись уже с любопытством взирали на странную личность. Лысый господин поднял руку и дождавшись тишины начал говорить громким слегка картавым голосом.

"Дорогие товарищи, господа. То о чем мы так долго говорили – свершилось! Я хочу выразить свое глубочайшее уважение Розе Львовне, которая своим героическим поступком помогла нам свергнуть эту зарвавшуюся шайку мошенников

и тунеядцев!"

Тон речи нового вождя явно выдавал бывшего работника советской прессы, наострившегося строчить передовицы и некрологи.

"К сожалению ее сегодня нет с нами, поскольку она находится на пути в лучший мир."

Шепоток пошел по толпе. Кто-то ахнул – "Миша, неужели!"

Сообразив, что он ляпнул что-то не то, лысый человек широко улыбнулся и тут же исправился.

"Не беспокойтесь господа. С Розой Львовной все в порядке. Она сейчас находится в самолете на пути в Америку!"

"В лучший мир" – мечтательно прошептал он.

Лысый человек еще немного поговорил о подлости свергнутой мишиной власти, после чего начал представлять свой актив.

"Троцкий Лев Давидович" – сообщил он имя своего первого заместителя.

Я вздрогнул, ужаснувшись что следующим на трибуне появится Сталин Иосиф Виссарионович. К счастью на этом совпадения кончились. На очереди был человек с типичной, но нейтральной фамилией.

"Кац Моисей Абрамович" – продолжил новый вождь ...

Мы уходили не дождавшись конца митинга. Мы уезжали этой ночью и нужно было доделать последние дела, дособирать последние чемоданы. Мы шли по главной улице Санта

Маринеллы. В маленьких кафе по сторонам играли оркестры, танцевали пары, люди пили вино, курили сигареты наслаждаясь теплым, уже сентябрьским вечером Как-то быстро пробежали два месяца Санта Маринельских приключений. Мы шли в последний раз разглядывая эти кафешки, полные беззаботных людей, и мне все чудилось что сквозь звуки оркестров я слышу далекие, но до боли знакомые сходкинские крики и декреты нового вождя "Заводы рабочим! Земля крестьянам! Мир народам!"

Мы вернулись в свою малюсенькую квартирку и начали второпях допаковывать чемоданы. Неожиданно в дверь постучали. Я пошел открывать. На пороге стояло человек двенадцать. Это была семья баптистов, которым мы пересдали нашу квартиру. Они должны были въезжать завтра, но пришли сегодня.

"Нам деваться некуда и ночевать негде" – виновато сообщил глава семьи, мужчина лет 40-45. Я лишь развел руками. "Что ж делать, заходите."

Наверняка это были настоящие баптисты, что говорится "без дураков". Мужчина – глава семьи, его молчаливая, казалось бы немая жена в темном платке, несмотря на жару. Двое пожилых людей. Видимо его или ее родители. И наконец восемь детей возраста от двух до шестнадцати лет. Все так же молчаливые и вежливые. Единственным говорливым человеком был мужчина – глава семьи. На радостях, что на сегодня так хорошо кончилось, что семья получила крышу над

головой, он бросился нам помогать, пытаясь услужить чем мог. Нам предстояло превратить 20 чемоданов в 12 – разрешенную норму вывоза на самолете. Предстояло расстаться с множеством нужных и не очень вещей.

"Возьмете?" – спрашивали мы, вытаскивая очередную зимнюю вещь.

"Возьмем, возьмем" – радостно отзывался баптист Николай.

Было видно, что эта огромная семья по сути нищенствовала в Союзе. Кормить, одевать восемь человек детей в Советском Союзе было категорически невозможно. Словно ребенок он радовался каждому свалившемуся на его голову подарку.

Мы уже почти закончили складывать чемоданы, как в дверь опять постучали. На пороге стояла наша соседка. В руках она держала пятилитровую кастрюлю супа. Это была молодая женщина, румынка, вышедшая замуж за итальянца и была где-то на последних месяцах беременности. Она обожала играть с нашими детьми во дворике, но всегда была какая-то грустная и нам казалось, что живет ей здесь не очень хорошо. Теперь, прослышав что мы уезжаем, решила сделать видимо единственный доступный ей подарок.

Мы отказывались на смеси итальянских, русских и английских слов, жестами показывая, что с кастрюлей супа в самолет нам никак нельзя.

А она все грустно упрашивала: "Возьмите, возьмите." На-

конец нашлось решение.

"Супу не хотите?" – спросили мы Николая.

"Возьмем, возьмем" – отозвался Николай радуясь очередному подарку судьбы, бесплатному обеду на всю его семью.

Наконец наша соседка ушла. Мы закончили с упаковкой, оставалось еще немного времени. Николай неожиданно сбежал в свою комнату и притащил совершенно великолепные итальянские фрукты.

"Угощайтесь, пожалуйста" – радостно сказал он.

Оказывается где-то в окрестностях Санта Маринеллы, Николай обнаружил мусорку куда выбрасывались слегка подпорченные и попросту не проданные фрукты с рынка. Теперь Николай гордо демонстрировал нам великолепные, вкуснейшие персики с прозрачной кожурой. Лицо Николая светилось от радости. В своей жизни я никогда не видел более счастливого человека чем баптист Николай. Из вечной нищеты какого-то маленького украинского городка, где он с семьей выживал на 140 рублей зарплаты и картошки с собственного огорода, он попал в солнечную Италию с ее бесплатными фруктами, в благоустроенную квартиру. Ему выдавали совершенно невообразимые в его понятиях пособия – 500 миль на главу семьи и по 250 на каждого члена семьи в месяц. С такими условиями и деньгами Николай чувствовал себя миллионером и был "на седьмом небе".

Часы уже показывали 2 часа ночи. Нужно было отправ-

ляться. Николай со старшими детьми похватали наши чемоданы и отправились провожать нас к месту отправления возле вокзала. Опоздав на полчаса, по обычному точному итальянскому расписанию, наконец прибыл автобус. Перекличка, проверка документов, пересчет багажа и наконец мы в автобусе. Еще минута, и автобус тронулся. Счастливики пассажиры прильнули к окнам и махали руками немногочисленным провожающим.

Мы тоже махали провожающим нас баптистам. И те махали нам в ответ, желая счастливого пути. В каком сне можно было бы представить себе уезжающую еврейскую семью, провожаемую баптистами. Да, Америка поставила все с ног на голову, перевернула наши привычные представления.

Еще секунда, и автобус покатил по темной, лишенной пешеходов и автомобилей главной улице Санта Маринеллы.

Прощай сходка, прощай "великая революция", прощай Санта Маринелла, прощай гостеприимная Италия.

Эмигрантские страсти

Наш пансион очистили с типично немецко-австрийской аккуратностью. Из прежних жильцов остались лишь две собаки – два молодых дога подростка возраста месяцев по восемь. Еще оставалась бабушка, которая жила, так и хочется сказать на антресолях. На самом деле бабушка жила на верхнем третьем этаже этого дома. Но не на антресолях, а во вполне приличной и благоустроенной комнате с почти личным душем и туалетом которые располагались сразу по соседству с её комнатой.

Нас отъезжающих было тринадцать человек, три семьи,

которых должны были ровно в одиннадцать сорок пять, "и без всяких опозданий" подобрать возле ворот пансиона.

Мы провели в Вене две недели после отъезда из Советского Союза. Достаточное время, что бы пройти всякие эмигрантские формальности и прийти в себя после шока, вызванного переездом из коммунистического ада в демократическое общество. Лично я шока по приезду не испытал. Подозреваю, что другие эмигранты тоже. Так что две недели в Вене мы потратили на отдых, осмотры местных Венских пейзажей, шляние по магазинам и рассматривание витрин. Теперь мы – три семьи сгрудились возле ворот пансиона, ожидая что через пять минут подъедет автобус. Рядом с нами стояла бабушка с третьего этажа. Она никуда не уезжала. Просто по привычке провожала очередные семьи калейдоскопом проплывающие мимо неё.

Время от времени на железную сетку, отделяющую собачий участок от остального двора с радостным лаем бросался дог подросток, отлетал обратно и начинал носиться по своему загону. Бабушка – старожил этого пансиона недавно поведала нам эту собачью историю.

Несколько месяцев назад в этот пансион въехал какой-то пронырливый советский эмигрант с двумя собаками. В свое время его американские родственники на вопрос, что лучше

всего везти в Америку, посоветовали ввезти хорошую породистую собаку.

"Хорошая породистая собака" – вещал по телефону ушлый американский родственник – "идет здесь за пять тысяч долларов. Причем идет нарасхват. Прямо в аэропорту заберут. Это тебе не какие-то там хрустали с матрёшками."

Советский же родственник тут же сообразил, что там где одна собака, то естественно найдется место и для второй. Ну а десять тысяч долларов, которые он выручит прямо в аэропорту совсем не помешают.

Никакого отношения к собаководству этот дилетант – прыга не имел. Купил двух собак, да еще самую крупную породу – двух догов и притащил их в Австрию едва ли до смерти не уморив собак голодом и жаждой. Здесь в Вене выяснилось, что дальше собак не пустят. Нужны прививки, осмотр ветеринара и еще черт знает что. Продать огромных собак, да еще с подозрительной русской родословной невозможно. Короче этот проходимец, не сильно переживая уехал по стандартному эмигрантскому пути в Италию, ну а собак "забыл" в своей комнате. С тех пор эти две собаки так и проживали при пансионе, где им отделили сеткой хороший кусок сада. За четыре месяца проведенных при пансионе, собаки здорово подросли и превратились из четырёхмесячных перепуганных щенков в нахальных и глупых подростков. Марта – высокая австрийка лет 40, работница и одно-

временно заведующая хозяйством этого пансиона с утра наливала им воды и выставляла ведро корма. Потом на целый день собаки были предоставлены сами себе – играли друг с другом, носились по двору, облаивали и пугали проходящих мимо австрийских бюргеров. Наслаждались своей простой собачьей эмигрантской жизнью. Вскоре нам тоже предстояло насладиться собачьей эмигрантской жизнью. Но этого мы еще не знали, стояли возле ворот и выслушивали последние слова напутствия Розы Яковлевны. Так звали провожающую нас бабушку с третьего этажа. Роза Яковлевна была довольно бойкой пожилой женщиной лет семидесяти, весьма говорливая с острым и хватким умом.

Розу Яковлевну тоже забыли в пансионе её родственники. Если все свои беды валить на кого-то другого, то опять же здесь подфартили американские родственники. Это они посоветовали по приезду в Вену сразу же пожаловаться на бабушкино здоровье.

"В таком случае вас всех оставят в Австрии, что бы не разделять семью. Все так делают!" – делились советами опытные в эмигрантских делах американские родственники – "Зачем вам таскаться по этой вонючей Италии. Поживете парочку месяцев в настоящей Европе, цивилизованной Австрии."

Беда в том, что опыт пятнадцатилетней давности, когда

эмигрантов выпускали из Советского Союза в год по чайной ложке, уже совершенно не работал. Бабушку, учитывая преклонный возраст и раздобытые медицинские справки, так уж и быть, оставили в Вене, в пансионе на антресолях. Всех же остальных хитрецов – дочь с мужем и их двоих детей услали, как и полагалось, в Италию. Было это дело где-то в феврале – марте, когда американское посольство зверствовало, выдавая отказ каждой второй эмигрантской семье. Бабушкины дети влетели в отказ и провисли в Италии, не зная куда ж они в результате попадут – Америку, Израиль, Канаду или еще куда. Соответственно бабушка находилась, выражаясь шахматным языком, в "цугцванге" – это когда ходить нечем и не знаешь куда сунуться. Бабушку постоянно теребили в местных эмиграционных конторах вопросом куда же ее отправлять. Бабушка не знала. Тогда ей со вздохом продлевали пансионный постой еще на месяц. К счастью Роза Яковлевна была женщиной оптимистичной, бывала и не в таких переделках. В войну прошла через эвакуацию. Так что сходить поплакаться в эмиграционную контору ей не составляло труда.

"Мне то что" – делилась она с нами.

"Что они со мной сделают? Я то не пропаду. Отправлять меня некуда. Детей вот только жалко." – говорила она и на глаза наворачивались слезы – "Как они, бедные, там в Ита-

лии?"

Из "несчастливых" тринадцати человек ожидающих автобус мы были самой большой семьей. Мы с женой, родители, и двое детей, девочек двух и пять лет – всего шесть человек. Вторая семья, так же как и мы, прибывшая в Австрию из Одессы две недели назад, была слегка уменьшенной копией нашей семьи. Те же пожилые родители. Их еврейский сын с очень симпатичной белокурой русской женой и дочкой Леночкой пяти лет. Среднее поколение были очень приятными ребятами и мы проводили с ними много времени. Единственным их недостатком было то, что они не курили. Не курили в присутствии родителей. В их же отсутствие, они смалили как два паровоза. К своему несчастью, выезжая из Советского Союза и с благословения родителей, они пожела-ли оставить там все свои неприятности и вредные привычки. К сожалению расстаться с чешским гарнитуром было куда проще чем с привычкой курить. Поэтому они постоянно, в любом месте стреляли у нас сигареты. Я особенно не переживал, потому что расстаться с вредной привычкой решил попозже и заправился сигаретами полностью по разрешенной норме – два блока на человека, включая детей.

Последняя семья – двое из тринадцати, представляла собой пару среднего возраста – лет сорока, сорока пяти. О женщине ничего сказать не могу, поскольку она совершенно по-

терялась на фоне своего мужа. О самом муже я не могу сказать ничего хорошего, кроме того что он был так называемым диссидентом.

О диссидентах хорошо читать на страницах газет и выслушивать репортажи по "Голосу Америки". В нормальном человеческом общении они обычно оказываются весьма неприятными типчиками. Наш спутник не был исключением.

Свою жену он лишь терпел, нас же откровенно презирал. Еще бы. Он был настоящим пострадавшим диссидентом. В тюрьме и психбольнице он правда не сидел, но с работы его выперли за какую-то антисоветскую деятельность. Последние годы, дабы как-то свести концы с концами и не загреметь дальше за тунеядство, он работал дворником на 60 рублей. Заботиться о нем и его семейном благополучии он предоставил своей жене, которая к счастью диссиденткой не была и потому материальная проблема не стояла так драматично. С нами он практически не общался. Лишь изредка спускался он в хол, где мы сидели, смотрели телевизор и разговаривали. Пожалуй с одной лишь целью – вернуть в разговор какую-нибудь оскорбительную фразу. Он был уверен, что это они, диссиденты своими трудами и бескорыстностью проложили тропу на Запад, которой сейчас бессовестно пользуются всякие незаслуженные трусы и мерзавцы – то бишь мы.

К счастью он в основном молчал, споров не вел, поскольку считал это ниже своего достоинства и лишь однажды на моей памяти заметил "что вот некоторые жертвовали всем, что бы другие вот могли наслаждаться жизнью." На что Роза Яковлевна тогда беспардонно ответила, что это сделал Христос и довольно давно – две тысячи лет назад.

Минутная стрелка остановилась ровно на девятке и в ту же секунду из-за угла показался небольшой автобус, который должен был доставить нас на Венский железнодорожный вокзал. Автобус затормозил рядом с воротами пансиона. Из кабины выскочил шофер. Быстро, по-деловому он открыл багажное отделение и скомандовал "Last Gep;ck ". Мы торопливо закидывали чемоданы. Позади нас прогуливался шофер и удовлетворенно подбадривал "Schnell, schnell".

Погрузка багажа практически закончилась и вдруг мы услышали вопли моей пятилетней дочери. Оказывается пока мы, потеряв бдительность, грузили чемоданы она полезла на дерево и свалилась оттуда при этом сильно расцарапав ногу. Теперь она орала со всей мочи по децибелам явно переплюнув десяток культурных австрийских детей с соседней детской площадки. Мы в панике бегали вокруг нее, пытаясь, закрыть рану носовым платком. Сзади к нам подскочил взбешенный шофер – надзиратель. Он дико ругался показывая пальцем то на автобус, то на часы. Из пансиона на крики выскочила домработница Марта. Она сходу сообрази-

ла что делать. Метнулась в дом потом выбежала оттуда дежа незатейливые медицинские предметы скорой помощи – бинт и вату. Австрийский шофер вел себя совершенно паскудно. Орал, вероятно о том что опаздывает уже на целую минуту. В ярости запрыгивал в водительское кресло. Заводил мотор показывая тем самым что сейчас уедет, потом выключал его и снова начинал орать.

Наконец Марта не выдержала. Она выпрямилась и выдала шоферу какую-то длинную немецкую фразу. Возможно предупредила что сообщит куда следует о его хамском поведении. Шофер замолчал, потупился потом, схватил рацию и начал кого-то вызывать. Языка мы естественно не знали, но по тону можно было понять тему разговора. Вначале он сбивчиво и виновато излагал кому-то суть дела. Потом замолчал, изредка по-солдатски выкрикивая знакомые нам по советским военным фильмам слова "Яволь, яволь ...", дальше уже совсем успокоившись вальяжно произносил "я, я, я...". Потом спокойно сидел на водительском месте безразлично взирая на посадочную суету. Видимо начальство его успокоило, что коли уж вины его нет, то и на его "капиталистическом соревновании" это не отразится.

Отблагодарив Марту единственно знакомой немецкой фразой "danke sch;n" мы погрузились в автобус. Автобус не спеша тронулся в направлении вокзала. Шофер, дабы загла-

дить свое хамское поведение уже даже работал в качестве гида, изредка указывая на какие-то Венские достопримечательности. Мы сидели в автобусе глаза по сторонам изредка перебрасываясь ничего не значащими фразами. Напротив нас расположились наши Одесские приятели. Они видимо решили воспользовавшись передышкой и недавним инцидентом попытаться привить своей дочке чувство гуманности.

"Леночка" – уговаривала бабушка свою внучку – "Будь доброй девочкой. Подари Диночке свои очки. Ей так больно. Она ножку побила."

Детские солнечные очки со звездочками и сердечками, купленные где-то в Вене составляли предмет особой гордости Леночки и одновременно чувство зависти моей дочери. Она даже перестала скулить и притихла осознав всю важность момента. Леночка не соглашалась. Умненькая пятилетняя русско-еврейская девочка аргументировала свои мысли следующим образом. "Почему хорошая послушная девочка, которая по деревьям не лазает и ножки не царапает должна дарить свои ценности нехорошим и непослушным девочкам. Бабушка ничего этой логике противопоставить не могла и давила на гуманность. Впрочем, даже умные взрослые дяди из большой политики тоже ничего вразумительного не могут ответить на подобный вопрос.

Перед нами сразу за водителем сидел наш знакомый диссидент со своей женой. Жена изредка оборачивалась, интересуясь у ребенка не болит ли ножка. Сам диссидент сидел строго и прямо, за все время ни разу не обернувшись, еще раз демонстрируя свое презрение ко всяким там прихлебателям. Он направлялся в Италию на важную встречу с американскими официальными лицами, а какие-то там трусы, окопавшиеся сзади отняли у него пять минут драгоценного времени. В нагрудном кармане пиджака, среди прочих важных выездных документов он вез особо ценную бумагу – доказательство своей политической и правозащитной деятельности. Оригинал этого документа никто не видел, но фотокопию – ксерокс в свое время он нам милостиво позволил подержать. Этим доказательством был фельетон из какой-то заводской многотиражки. Фельетон назывался стандартно-просто безо всяких литературных изысков – "Позор пьяницам и тунеядцам". Некий горе-корреспондент этой газеты, скрывающийся под именем "Иван Правдоносец" решил пропесочить – по названию фельетона понятно кого. Но по своей дурости и ретивости он как-то некстати обыграл фамилию нашего диссидента – Красноштейн. Правдоносец упомянул, что в свое время, когда Красноштейна выперли с основного места работы за нехорошую деятельность, на заводе его пригрели, пожалели и доверились первой части его фамилии – "красный". При этом сей гражданин так и не оценил этой доброты и ведет себя в соответствии со второй ча-

стью фамилии как настоящий "штейн". Короче к обязанностям дворника относится спустя рукава, подведомственный участок не держит в надлежащем виде, скользкие места песком не посыпает, рабочий класс по дороге на работу и домой падает, набивает шишки, что сказывается на производительности труда. Конечно, будь напечатана эта статья в "Правде", думаю было бы немало шума в связи с антисемитской выходкой. Но здесь что можно взять с дурака правдоносца и заводика выпускающего чайники и прочую эмалированную посуду. Тем не менее диссидент Красноштейн был уверен в необычайной важности этого фельетона и рассчитывал этим аргументом сразить наповал американских дипломатов.

Двадцатиминутная "экскурсия" по Вене кончилась. "Bahnhof angekommen" объявил шофер.

Перрон с которого нам предстояло продолжить наше путешествие представлял собой жуткое зрелище. Все это выглядело какой-то гремучей смесью эвакуации, дачной электрички и отправки в концентрационный лагерь. Весь перрон был уставлен чемоданами и прочим багажом, вокруг которого сновали, постоянно передвигая чемоданы, толпы людей. Одиночные посты вооруженной охраны были сброшены с платформы превосходящими силами наступающих эмигрантов. Теперь солдаты сбились в кучу в конце перрона и оцетившись короткоствольными автоматами защищали послед-

ний свой рубеж. Стоял шум и гвалт. Отъезжающие продолжали прибывать. Ругались, толкались пытаясь угадать и вскрыть место куда должны были подать вагон. Мне стало жутко в предчувствии побоища которое должно было завязаться по прибытию поезда. Никаких мест в наших бумагах не значилось, а лишь был указан номер вагона. Вскоре показался поезд медленно пробирающийся вдоль перрона. Толпа колыхалась как студень, словно увлекаемая движущимися вагонами.

Наконец колеса заскрежетали и поезд окончательно остановился. К дверям вагонов устремились плотненькие, пышущие здоровьем граждане, распахивая менее упитанных и менее здоровых соотечественников. Наиболее проворные товарищи уже ухватились за поручни вагонов и были готовы начать штурм, как только откроются двери. Дверь нашего вагона распахнулась и в дверном проеме показался высокий худощавый человек. Проворные граждане эмигранты замерли на мгновение не решаясь пока выкидывать и топтать человека в австрийской железнодорожной форме. Австриец железнодорожник попытался жестами отогнать людей от дверей, потом поняв что это все равно не удастся, помахал какому-то человеку. Наконец мы заметили австрийского носильщика который все это время спокойно стоял на перроне. Увидев призывной жест, носильщик начал действовать.

"А ну расступись" – командовал он толкая вперед свою тележку – "Проход дай, убирай на*уй твоё барахло!"

Не сильно церемонясь он растолкал в стороны груды чемоданов, словно ледоход, высвободив за собой проход.

"Отцепись от поручней, кому говорю!"

Носильщик отогнал от дверей последнего проворного гражданина, после чего занял место неподалеку от австрийца. Австриец с уважением посмотрел на носильщика, сумевшего так быстро навести относительный порядок. Видимо австрийцы получив неприятный опыт в отправке эмигрантов решили усилить своих контроллеров железнодорожников опытными бывшие-советскими кадрами. Судя по всему носильщик был здесь на своем месте. Австриец поднял руку, призывая внимание и начал говорить по-немецки. Потом он что-то шепнул носильщику. Носильщик обвел ненавидящим взглядом толпу и начал говорить: "Значит так! Посадка в порядке очереди. Он говорит фамилию и места, а вы эти места со всем своим барахлом занимаете."

Потом он кивнул австрийцу, показывая что можно переходить к основной части. Австриец достал из кармана листок бумаги, развернул и начал читать: "Herr Finkelstein! Ihr Platz – eins, zwei, drei und vier. Bitte sch;n!"

"Финкельштейн" – следовал свободный перевод – "Твои места с первого по четвертое и чужое не занимать."

Финкельштейн протаскивал багаж по освобожденному носильщиком проходу, забрасывал их в вагон и вместе со своим семейством следовал на предназначенные места. Убедившись, что Финкельштейн на месте, австриец называл следующую фамилию. Посадка шла медленно, но надежно. Неожиданно в это скучное посадочное благополучие ворвались странные крики. Никто не обратил внимание как к двери прокрался странный человек в неопрятной поношенной одежде и вдруг заорал: "Гельд унд папирэн биттэ".

Первым очнулся носильщик.

"Чего орешь дубина!" – гаркнул он – "Отойди в сторону. Не видишь людей сажаем!"

"Но мне срочно надо" – оправдывался странный человек и снова перейдя на немецкий заорал "Гельд унд папирэн".

Носильщик не выдержал. Выругался по-русски, потом схватив помятого гражданина за рукав, оттащил его в сторону и добавил парочку немецких ругательств. Австриец немецкие ругательства понял, повернулся в сторону носильщика и укоризненно взглянул на него. Носильщик многозна-

чительно развел руками. Мол, хотел же как лучше. Австриец повернулся к пассажирам и все также меланхолично продолжил чтение списка.

"Чего у тебя, выкладывай" – носильщик обратился к странному человеку.

"Дело то пустячное" – начал человек, вероятно решив, что носильщик здесь за главного.

Из обрывков разговора доносящегося от странного гражданина с носильщиком я неожиданно узнал эту невероятную историю. Оказалось, что этот помятый гражданин приехал в Вену на здоровенном грузовике "КамАз". Он вроде бы был шофером дальнобойщиком и даже имел опыт катания по заграницам. Но как ему удалось выправить документы в Австрию остается загадкой. Во всяком случае свой КамАз он рассматривал как личное средство передвижения и намеревался продолжить на нем путь в Италию. На вокзал же он явился, чтобы получить какие-нибудь инструкции, документы-папирэн и по возможности деньги – возврат за железнодорожный билет. Помятый товарищ быстро и сбивчиво излагал всю историю носильщику, иногда понижая голос и нашептывая что-то на ухо. После чего они оба заливались смехом, а носильщик уважительно замечал: "Ну парень, ну даешь!" Видно было что шофер дальнобойщик совсем позабыл об оскорблениях и теперь они с носильщиком были луч-

шими друзьями. Носильщик тоже позабыл о своих обязанностях переводчика, да собственно они уж и не требовались. Фамилии эмигрантов были почти что немецкими, привычными для австрийца, а что такое айн унд цванциг и биттэ шён мы уж как-то за две недели освоили.

Тихо и спокойно продвигалась толпа уже вежливых и уступчивых эмигрантов. Носильщик и шофер продолжали болтать в сторонке.

"А машина то твоя где?" – Поинтересовался носильщик – "Не уж то на вокзале."

"Дурак я что ли!" – возмутился шофер – "Тут стоять негде. Я КамАЗ свой неподалеку в скверик загнал."

"Какой скверик?" – удивился носильщик – "Марц парк, что ли? Да ты совсем охренел. Там же люди гуляют."

"Ну и пусть себе гуляют" – весело отозвался шофер – "я им не мешаю".

"Полицию могут вызвать." – сообщил носильщик.

Шофер дальнобойщик явно забеспокоился.

"Я то думал в скверик, въехал и никому дела нет. А у вас

тут такие строгости!"

"Слышь, а долго тут эта канитель еще будет?" – спросил шофер указывая на стоящих эмигрантов.

"Ну с пол – часа еще. Не меньше."

"Успею! Я быстро. На машину гляну. Мало ли что. Может в проулок или еще куда поставлю." – сообщил шофер и побежал к вокзальному выходу.

Вернулся он минут через десять. Шел не торопясь, сгорбившись, втянув голову в плечи. На лице играла глупая кривая улыбка. Всем своим видом он напоминал нашкодившего кота.

"Слышь, там такое делается, такое делается!" – зашептал он носильщику – "Ленточками машину обвесили, полиция кругом и самое смешное, еще водолазы какие-то ходят. Я туда даже сунуться побоялся. Издалека смотрел."

"Гандон ты! Доигрался" – злобно сказал носильщик, аж прихлопнув от избытка чувств руками – "Какие водолазы. Это ж саперы. Думают что ты бомбу привез."

"Так делать то что?" – испуганно спросил шофер.

"Ну что делать? Ты вроде говорил, что ты с этого поезда. Документы с собой?"

"Ну да! Деньги документы при мне. Побоялся в машине оставлять."

"Ну так и грузись и вали отсюда в Италию. Как все."

"А вещи? Я ж их в машине оставил. Сумочку вот только прихватил с документами."

"А вещей то у тебя много?" – Поинтересовался носильщик.

"Да нет, откуда? Один только вот чемодан. Я ж не как эти куркули." – ответил шофер указывая в сторону поезда. Может сходить попросить чемоданчик?"

"Да ты что! Даже и не думай. Уноси ноги пока цел, не то залетишь в каталажку." – грозно предупредил грузчик.

Потом с секунду подумал и нашел решение.

"Я вот так думаю. Когда с грузовиком твоим разберутся, они принесут твой чемодан на вокзал или в бюро находок и

начнут спрашивать – чей, мол, чемодан. А я скажу – моего, мол, земляка. А потом чемодан твой в Италию вышлю – в Рим на главпочтамт, до востребования.

"Во голова! Во молодец!" – обрадовался шофер такому простому решению проблемы – "Точно сделаешь? Не врешь? Я ж тебе всю жизнь благодарен буду. Я ж на тебя всю жизнь молиться буду. В церковь пойду. Сделай, друг, не подведи."

"Сделаю, сделаю. Заметано." – отвечал носильщик польщенный потоком похвал – "Не подведу, сделаю как лучшему другу."

Теперь уже шофер с носильщиком стояли как старые друзья, осыпая друг друга похвалами и благодарностями."

Посадка уже подходила к концу. На перроне оставалось лишь несколько кучек чемоданов да семей эмигрантов.

"Ах, ах, ах" – вдруг заахал австриец так ин не сумев справиться с какой-то трудной фамилией и протянул листок бумаги своему носильщику – переводчику.

"Ахрамеев" – рявкнул носильщик.

"У, немчура. Нормальную фамилию выговорить не могут." – добавил он и обратился к шоферу – "Ты что-ли?"

"Ну я" – ответил шофер.

Носильщик вернул бумагу австрийцу и указал пальцем на стоящего рядом своего нового друга.

"Herr Ahrameew" – привычно добро и вежливо заговорил австриец – "Ihr Platz ist die Nummer sieben und drei;ig. Bitte sch;n".

"Иди Ахрамеев" – сказал носильщик и слегка подтолкнул шофера в спину – "Выдали тебе самое козырное тридцать седьмое место. Багажная полка наверху. Твоему багажу места хватит."

Шофер подошел к поручням, махнул грузчику рукой, легко впрыгнул в вагон и исчез за спиной австрийца железнодорожника.

"Слышь, Ахрамеев" – неожиданно крикнул носильщик – "Выдь сюда на секунду."

"Чего еще?" – спросил Ахрамеев выглядывая из-за спины австрийца.

"Спросить у тебя хочу." – грустно заговорил носильщик

– "Куда ж ты едешь то? Ну они то понятно. Домой едут, не прижились тут. А ты то куда?"

"А ты?" – вопросом на вопрос ответил Ахрамеев.

"Я то?" – носильщик на секунду задумался – "У меня так получилось!"

"Ну и у меня так получилось! " – ответил Ахрамеев, потом со смешком выговорил – "Чемоданчик то пришли. Адрес помнишь? Италия, главпочтамт, Ахрамееву."

Потом резко повернулся и исчез в глубине вагона.

"Was wollte er?" – спросил австриец.

"Dummkopf" – коротко ответил носильщик.

Перрон опустел. Последние эмигранты исчезли в вагонах. Солдаты автоматчики вернулись на свои посты вдоль перрона.

Австрийцы весьма серьезно и тщательно отнеслись к проблеме охраны еврейских эмигрантов, хотя казалось что в этом не было никакой необходимости. Впрочем, лет пятнадцать назад, во время мюнхенской олимпиады организаторы думали также. Но серия терактов, начиная с убийства изра-

ильских спортсменов, угоны самолетов и взрывы в аэропортах постоянно держали в напряжении местные органы государственной безопасности. Вот и сейчас солдаты автоматчики были расставлены вдоль перрона через каждые два вагона. Обученные солдаты стояли спиной к поезду смотрели по сторонам, вглядываясь в австрийских бюргеров и бюргерш, выискивая в них замаскированных террористов.

Мы эмигранты знали это из писем и рассказов и, честно говоря, считали это глупостями, поскольку арабские террористы охотились за израильтянами, а не разношерстной толпой эмигрантов из Советского Союза отправляющихся в Канаду и Америку. Последней страницей этого "детектива" должна была стать выгрузка в Италии. Изрядные страхи этой операции подогревались всевозможными слухами и письмами от американских родственников, которые раз пройдя через это хотели выглядеть едва ли не героями, покорителями Эвереста. Дурацкий план австрийского штаба заключался в том что поезд каждый раз приходил на новую железнодорожную станцию – полустанок.

Дальше он стоял три минуты за которые предстояло выгрузиться. В ту же секунду подходили автобусы в которые по гениальным замыслам австрийских разведчиков предстояло погрузиться, после чего рассыпавшись веером автобусы разъезжались по местам назначения.

Сомневаюсь, что исполнить этот план были в состоянии даже тренированные солдаты – командос из отрядов быстрого реагирования, не говоря уже об эмигрантах с детьми, стариками родителями и невероятным количеством багажа. Ко всем прочим деталям не учтенными австрийской разведкой относилось то, что вагон как известно имеет лишь две двери да узкий коридор. Поэтому в письмах и общих советах предлагалось задействовать окна вагонов для выбрасывания чемоданов.

Повсеместно ходили слухи, превращенные в легенды о несчастных эмигрантах не успевших покинуть вагон в отведенные 3 минуты и которые с тех пор словно Летучий Голландец или Вечный Жид скитаются по итальянским железным дорогам в поисках пристанища. Так что перепуганные эмигранты, затаив дыхание ждали встречи с неизвестной итальянской землей.

Поезд постоял еще с пол часа возле опустевшего перрона, потом без объявления тихо, словно опасаясь привлечь чье-то внимание тронулся с места. Поезд двигался резво и уверенно в соответствии с секретным австрийским расписанием. Естественно, что светило солнце. Естественно, что оно склонялось к закату, поскольку было уже семь часов вечера. И естественно что за окнами мелькали, в соответствии с

литературно писательской фразой, белые аккуратные домики. Потом мы выехали за пределы Австрии. Устрашающие немецкие имена городков и полустанков, типа Штраусенбахен сменились игривыми итальянскими названиями. Было уже темно, окрестностей было не разглядеть, но, надо полагать, что домики тоже перестали быть белыми и аккуратными. Поезд по инерции прокатил еще несколько километров и остановился. По всей видимости итальянцы так и не сумели разобраться во всех деталях секретного австрийского плана. Поезд постоял с часок потом снялся с места и резво покотился, после чего также резво остановился. Эта итальянская езда в стиле гоп – стоп начала откровенно раздражать, поскольку пункта назначения мы не знали и на каждой остановке со страхом ждали команду "выгружайся!". Очевидно мы хорошо запаздывали, поскольку был уже час дня, а по примерному плану мы должны были прибыть часов в 11 – 12. В очередной раз поезд притормозил на каком-то полустанке. Потом остановился окончательно и, почему-то показавшаяся неожиданной в воздухе повисла то ли русская, то ли итальянская фраза "выгружайся!".

Мгновенно все пришло в движение. Запуганные легендами о "Летучих Голландцах" эмигранты серьезно надеялись уложиться в трехминутный австрийский норматив.

В соответствии с заранее распределенными ролями к выходу из вагонов устремились "принимающие". Команда "по-

дающих" осталась в вагонах. Принимающие выстроились цепочкой напротив своих купе. Распахнулись амбразуры окон и в них показались первые чемоданы. Уже зазвучали первые деловые окрики, как раздался громкий хлопок.

"Граната, террористы!" – прозвучал чей-то испуганный голос. Я присел от неожиданности, ожидая что сейчас последуют длинные автоматные очереди. Несколько человек по соседству, очевидно недавно побывавших на военных сборах бросились плашмя на землю. Какой-то "крутой" парень, вероятно бывший афганец ловко перекатился под вагоном и очутился с другой стороны железнодорожного трака. Но выстрелов не было слышно. Испуганная тишина продлилась секунд пять, потом люди разобрались что к чему.

Один перепуганный эмигрант слишком уж серьезно воспринял инструкции американских родственников "чемоданы выбрасываются из окон" и первым делом действительно выбросил самый ценный чемодан. Чемодан грохнулся на землю, раскрылся и гуси-хрустальные, сопровождаемые прочими стеклянными зверюшками разбежались по перрону.

Павшие эмигранты вскочили на ноги и с удвоенной энергией принялись за работу, Перрон наполнился деловыми и в то же время двусмысленными воплями. "Давай! Суй! Не

лезет! Попробуем бочком! Не получается! Суй другой, поменьше!" Высадка шла бойко. Чемоданы перелетали из рук подающих в руки принимающих и перетаскивались в сторону. Негабаритный багаж выносился нормальным путем, через вагонные двери. Старшее поколение, лавируя между поклажей брошенной в коридоре несло самый драгоценный груз – своих внуков. Пожалуй так можно было уложиться в австрийские нормативы. Последний жуткий этап. Торопясь, впопыхах, под руки, на плечах, едва ли не волоком, будто бы из горящего дома эвакуировали самое старшее поколение – прадедушек и инвалидов.

Все! Разгрузка закончилась! Обессилевшие люди сидели тут же на чемоданы, просто на перрон, утирали пот, закуривали сигареты выискивая глазами автобусы в которые следовало так же резво садиться. Никаких автобусов не было. У входа в здание железнодорожного полустанка стоял стационарный смотритель и широко раскрытыми от изумления глазами взирал на этот странный еврейский табор неизвестно откуда свалившийся на его голову. Мы смотрели на поезд, который в соответствии со шпионским сценарием должен был умчаться прочь. Прошло пять минут, десять. Ровным счетом ничего не изменилось. Автобусы не свалились с неба. Вагоны же казалось прочно прилипли к перрону. Если бы хоть поезд отъехал, хотя бы на сотню метров, было б и то, полегче. А так все чувствовали себя одураченными.

Потихоньку народ успокоился, начал приходить в себя, занимаясь обыденными делами – перетаскиванием и складированием чемоданов. По перрону слонялся грустный владелец хрустального зоопарка, пытаюсь отыскать в пыли своих зверюшек. Кто посмелее и полюбопытнее отправились на разведку в станционное здание. "Где мы? Неужели это Италия!" – звучал полу-вопрос, полу-утверждение. Сориентироваться на месте, даже имея подробную карту Италии было невозможно. От таблички с названием станции осталась лишь заключительная часть "INI". Станционный смотритель говорил только по итальянски. У нас же, наоборот, итальянский был исключен из школьных и институтских программ. Прошло еще часа два.

Июльское итальянское солнце, хотя уже перевалило зенит, жгло безо всякого милосердия. Люди, бросив кучи чемоданов на солнце, разбрелись по перрону и слегка поодаль. Счастливики заняли места в тени редких деревьев. Менее удачливые граждане довольствовались смоченными водой платочками на голове. Мучила жажда. Самым мудрым поступком было бы привезти из Австрии ведро с водой, но естественно никто об этом не подумал. Питьевая вода на станции отсутствовала. Так что пей, хоть из унитаза. Впрочем, унитазов в туалетах тоже не было. Их заменяла странная, уже забытая конструкция, представляющая собой

углубление с дыркой в полу и двумя железными подошвами по бокам. Кажется я такое видел в московских вокзальных туалетах. Парочка кранов для мытья рук была сломана. Из третьего же крана без остановки хлестала вода подозрительно желтого цвета. Я вспомнил, что когда-то в одном из писем "оттуда" я прочел, что Италия ужасно похожа на Россию и естественно не поверил. Судя же по нашим первым итальянским впечатлениям, это было действительно так.

Наш пансион собрался под сухой палкой, отдаленно напоминающей дерево.

"Все никак попрощаться не можем" – грустно сказала бабушка Лены.

Умная девочка Лена безутешно рыдала. В спешке, во время эвакуации из поезда были потеряны её любимые темные очки со звездочками и сердечками. Родители, уставшие от воспитания своей дочки помалкивали. Моя дочь, уже давно позабыв про разбитую ногу, злорадно поглядывала на Леночку. Жена диссидента пыталась успокоить ребенка. Сам диссидент, как обычно, стоял рядом, но одновременно поодаль, опять демонстрируя свою исключительность.

Примерно через месяц я случайно встретил диссидента в Риме возле американского посольства. Ему влупили отказ,

несмотря на вырезку из газеты подтверждающую его правозащитную деятельность. Видимо диссидентов не любили нигде. Тогда он вдруг стал похож на человека. Его было даже немножко жалко. Потерянный и лишенный веры в самое святое он жалобно спрашивал, а что делать то дальше.

"Киску нашел!" – мы вдруг услышали пьяные вопли шофера Ахрамеева.

Я всегда поражался умению определенной группы людей наплевать на все и напиться в самый неподходящий момент. Где он добыл водку – вез ли с собой в своей маленькой сумочке или купил у какого-то запасливого эмигранта, было загадкой. Но определенно он был хорошо пьян и теперь куролесил на перроне.

"Мужик, подари киску! Не хочешь! Ну зачем она тебе с отбитым хвостом? Можно взять? Спасибо друг! Век помнить буду!"

Ахрамеев бесцельно бродил по перрону время от времени подходя к очередной группе эмигрантов, пытаясь заговорить. Его гнали отовсюду.

"Это кто – гой?" – спросила Леночкина бабушка, четко поделившая все население планеты на евреев и гоев.

Совершив еще несколько зигзагов от одной группы к дру-

гой, Ахрамеев очутился возле нас. По его опухшему лицу текли слезы. Видно было, что ему ужасно было жалко самого себя.

"Вот!" – сквозь слезы сообщил он – "Все едут. Все с семьями. Все с багажом. Все чемоданы из окон выкидывают. А у меня ничего! Только вот эта сумочка!"

Потом он на секунду задумался и сообщил.

"А я что хуже? Пойду вот тоже сумку из окна выкину."

Потом он направился к стоящему поезду. Вошел в вагон, очутился в первом попавшемся купе возле открытого окна. Залез на столик и выбросил из окна сумку. Потом он сунул голову в окно и начал неуклюже выбираться. Он свесился наполовину из окна, потом руки его вдруг соскользнули и он грохнулся на пыльную платформу.

Я думал, что Ахрамеев свернет себе шею. Но в очередной раз он подтвердил известное поверье, что пьяному, действительно море по колено. В огне не горит и в воде не тонет.

Он, кряхтя, поднялся, отряхнулся, потер расцарапанное лицо, подобрал сумку и вновь отправился к нам.

"Ух!" – Сообщил он почти трезвым голосом – "Полегчало."

Точно по морде получил!"

Неожиданно на горизонте возникли облачка пыли. По мере приближения облачка превращались в большие комфортабельные туристические автобусы. Вот они уже подъехали совсем близко и выстраиваясь гуськом причалили к железнодорожному перрону. Народ зашевелился и уже медленно, не спеша потянулся к автобусам.

"Слышишь" – я задал Ахрамееву почему-то мучивший меня вопрос – "А ты кто по национальности? Еврей?"

"Это я то!" – грозно начал Ахрамеев, вероятно приняв вопрос за оскорбление. Потом он осекся, сообразив где находится и привычно ответил вопросом на вопрос – "А тут что все еврей?"

"Все!" – ответил я, решив не вдаваться в детали.

"Страсти то какие!" – охнул Ахрамеев.

Потом он на секунду задумался и грустно сказал – "Ну ладно! Значит я тоже еврей!"

К нам едет ревизор

Все началось с того, что в почтовом ящике я обнаружил какое-то официальное письмо. Я очень не люблю американскую почту. Кидают тебе в почтовый ящик кучу какой-то макулатуры, а ты с ней потом разбирайся. И это на фоне всеобщих увещеваний – "берегите лес – источник кислорода". Ну всякие цветные проспекты напечатанные на толстой бумаге типа картона я сразу выбрасываю в бумажный мусор. Небольшие открытки с просьбой послать 20 долларов или больше на спасение и поддержку всех кого угодно я отправ-

ляю туда же. Цветные журнальчики с рекламой одежды я оставляю жене. Пусть полистает, порадуетя, помечтает, что когда-нибудь будет бродить по магазинам и скупать по сэйлу [распродажа со скидкой] все что тут обозначено. Большие, пухлые конверты с сообщением, что я выиграл миллион долларов я сразу рву на куски. Это от злости. Во-первых, потому что все это вранье, а во-вторых нечего наступать на больную мозоль. Ну остаются всякие счета – там за электричество, газ, квартиру, телефон. Ну это святое. Складываю на тумбочку, чтобы оплатить, когда деньги появятся. Ну а то что остается можно отнести в раздел – разное, необъяснимое, неприятное.

Неприятное – это когда приходит письмо из какого-то департамента, от которого ты зависишь и ничего хорошего ты конечно не ждешь. Потому что все что там написано – это "доказать", "пояснить", "разъяснить", "убедить". Так что-то самое невзрачное письмо с бледными штампико-рисунками и надписью "Important [Важно]" я распечатал с чувством досады. Стилль письма был чиновно-бюрократический из которого я лишь понял, что к такому-то часу надлежит явиться по такому-то адресу. В случае невозможности позвонить-перенести. В случае неявки, ну это, как обычно, лишение всего чего только возможно. Ну а в случае вранья-обмана, как водится, штраф или тюрьма.

Врать-обманывать было вроде некого. Переносить, вроде незачем. Поэтому я просто положил письмо к нужным вещам на тумбочку, что бы не забыть, ну и по возможности проконсультироваться у знающих людей.

Вечером того же дня мы с женой отправились к нашей новой знакомой Зойке. Зойка – это мы так с женой нарекли нашу соседку по апартаментному комплексу, Это из-за её болтливости. Очень как-то созвучно с птичьим именем Зойка-Сойка. На самом же деле звали нашу соседку Зоя. Она даже имела отчество, но никто не помнил какое, потому что в Америке принято обращаться по именам, а отчества потерялись в каких-то древних советских бумагах, визах, разрешениях на выезд из СССР.

С собой мы захватили кулечек русских конфет и кусок домашнего пирога, что бы наш приход был больше похож на чай по соседски, а не на консультацию у лойера. Впрочем, можно было зайти и просто так, и даже позвонить по телефону. Зойка была в курсе всех эмигрантских дел. Знала всё и всех, а давать консультации и советы, было у неё настоящим хобби. Завидев наше письмо, и, по-моему, даже не открыв его Зойка тут же выдала нам полнейшую информацию.

В ту самую "контору", от которой мы получали наши пособия и прочие средства к существованию прибыла комис-

сия-ревизия. Оказывается, что в Америке ревизоры тоже существуют. Цель собственно простая, такая же как в самой развитой стране социализма. Посмотреть на что тратятся народные деньги. Не транжирят и не воруют ли, не дай бог. Ну и оценить результаты по обучению эмигрантов – будущих граждан Америки, английскому языку и прочим навыкам американской жизни. Экзаменуются исключительно главы семей – то бишь мужчины. Женщины от этого удовольствия освобождены, что вполне естественно. Эмигранты – это ж не только высокообразованные выходцы из “империи зла”, но и дети жарких пустынь и холодных арктик, которые даже электрической лампочки у себя дома не видели. Да и прочие культурные наследия и предрассудки с которыми незадачливым ревизорам лучше не связываться.

Так что дело, как нам продолжала разъяснять Зойка вроде плевое, тем не менее ответственное. Пришел, ответил на парочку вопросов по-английски и пошел себе домой или дальше по делам. Тем не менее поясняла Зойка, все надо делать аккуратно. Желательно сдать ихний ревизорский экзамен на твердую тройку. Это потому что если сдать экзамен на двойку или единицу, то тебя как бесперспективного товарища могут снять с пособия и отправить в компании безграмотных вьетнамцев клеить конверты. С другой стороны, сдавать на пятерку тоже не рекомендуется, поскольку ревизоры могут решить, что ты и так все знаешь, учить тебя больше нечему

и посему результат будет такой же плачевный. Тебя опять же снимут с пособия и отправят в дом престарелых расставлять бумажные цветочки по вазочкам. Других работ государство пока не придумало. Так что обе перспективы были весьма неприятны, хотя и маловероятны.

Мы повеселели. Насчет письма мы были уже абсолютно спокойны. Мы попили чай с конфетами, после чего Зойка пригласила нас к себе в спальню продемонстрировать какое-то невиданной красоты одеяло, которое ей досталось абсолютно за бесплатно из какого-то абсолютно секретного места. Взяв с нас слово, что мы не будем трепаться налево и направо о существовании этого места, Зойка поделилась, что недалеко от той самой службы с ревизорами существует какая-то контора по оказанию помощи неимущим всех родов и званий. Туда недавно завезли эти необыкновенной красоты одеяла и теперь раздают всем кому не попадя и даже Ай Ди не спрашивают.

Одеяло действительно было что надо. Цветное, с рисунками. Выброси такое вот одеяло в наш ГУМ, то советские граждане хоть целый день за ним бы отстояли. Я уже не говорю о мордобое, каким подобные события непременно отмечаются.

Зойка также мне посоветовала совместить неприятное с

полезным. Сразу после экзамена. До него не надо, поскольку нечего являться на интервью с таким богатством. Мало ли что подумают. Короче, заглянуть в то самое секретное место, отовариться одеялом и дальше на автобусную остановку – она неподалеку, и домой.

Зойкин план был прекрасен. Так что мы рассыпались в благодарностях и возвратились к себе в апартамент. Теперь уже дня встречи с ревизорами я ждал без опасения и даже, можно сказать с некоторым нетерпением.

Вечерком перед интервью я все-таки повторил неправильные глаголы, на всякий случай, если информация от Зойки окажется неправильной и требования к познанию английского языка окажутся завышенными. Насчет заниженных требований я особенно не опасался, полагая, что сыграть роль дурачка я как-нибудь сумею. Тем более, что у меня был хороший опыт общения с советскими ОВИРа́ми, военкоматами и таможенниками. В назначенный день, за пятнадцать минут до времени указанном в моем письме я прибыл на интервью-собеседование. Интервью проходило в какой-то современного вида церкви на углу Буш и Фэлл. Видимо церковники не побрезговав мирскими делами сдали конференц-зал со всеми прочими делами ревизорской службе. Какой-никакой, а доход. А возможно и немалый. Никаких излишеств в виде кофе и угощений естественно не было. Лишние рас-

ходы. Особенно, учитывая желание новых эмигрантов что-нибудь съесть, выпить на халяву. Был стол с секретаршей, которой я подсунул свое письмо. Секретарша взяла письмо, безразлично поставила галочку в своей ведомости и указала на стулья вытянувшиеся вдоль стены. Ждал я не долго. Гораздо меньше, чем в прочих государственных заведениях, где обычно дают время с большим запасом на возможные опоздания и непредвиденные обстоятельства. Минут через двадцать я услышал голос секретарши безбожно перевирающий мою фамилию. Поправлять ее я не стал. Поднялся со стула, прошел к конференц-зал и толкнул дверь. Навстречу мне, широко улыбаясь уже шла средних лет толстенькая, как здесь говорят "овэрвэйт" женщина. Тут же протянула руку для рукопожатия. Потом, что-то радостно нашептывая провела к вешалке, показала куда повесить куртку и поставить баул, который я предусмотрительно захватил для последующего похода за одеялом. Потом провела меня к стулу. Убедилась что я на него сел и лишь после этого прошла к своему месту. Столь радушный прием показался мне слегка странным, особенно на фоне посещений прочих государственных заведений, где прием тебе оказывают если не совсем сказать хамский, но по крайней мере значительно более холодный. Впрочем, я решил что она действует согласно инструкции, в которой указывалось максимально расположить к себе забитого проблемами эмигранта. Ну и за одним сразу подучить его что в Америке принято сидеть на стуле, а не на полу и

не на корточках. Женщина-ревизор уселась поудобнее в свое кресло. Достала мое "Дело". Убедилась, что я тот самый Грэгори, еще раз ласково улыбнулась и начала экзамен.

"Вот. Из. Ёр. Нэйм?" – четко и ясно, делая большие паузы между словами произнесла экзаменаторша.

"Май нэйм из Грэгори" – быстренько выпалил я.

"ПЭРФЭКТ [прекрасно]" – заключила экзаменаторша. Потом потянулась к какой-то ведомости и вывела там А (пятерку по-русски)

Я слегка насторожился, решив что видимо требования к вновь прибывшим эмигрантам серьезно занижены.

"Хау. Олд. Ар. Ю?" – женщина отчеканила следующий вопрос.

Я решил, что видимо следует поиграть в дурачка. Поэтому я слегка "помэкал", "побэкал", поблеял и наконец выдал из себя ответ, максимально симулируя дикий русский акцент.

"Ай эм тори ван еар олд."

"ЭКСЭЛЛЭНТ [великолепно]" – отозвалась тетка, после чего в ведомости появилась еще одна А.

Теперь я уже серьезно забеспокоился, поняв, что для того чтобы добиться троечки – "си" – надо будет серьезно попотеть.

"Впрочем" – решил я – "ведомость длинная, места еще много, первые вопросы наверняка легкие, как-нибудь выдюжим."

Следующее задание оказалось столь же дебильно легким. Экзаменаторша достала рисунок – схему перекрестка, по углам которого были изображены бизнесы – банк, почта, Мак-Доналдс и химчистка. Потом достала четыре картонных квадратика на которых были изображены 20 долларова купюра, письмо, пышущий жаром аппетитный гамбургер и рубашка на вешалке. Потом поинтересовалась, куда я с этими или за этими вещами собираюсь идти. Притворяться дурачком я еще худо-бедно умел. Притворяться же дебилом и идиотом я еще не научился. Поэтому я со вздохом рассовал картонные квадратик по нужным углам.

"СПЛЭНДИД [изумительно]" – радостно отозвалась тетка. После чего в моей ведомости появились еще четыре А.

По спине у меня пробежала дрожь, а на лбу выступил холодный пот. Я понял, то нужно предпринимать решитель-

ные меры. Следующее задание было из той же серии. Она достала приблизительную схему города исчерченную парками и кварталами. Указала мое начальное местоположение в виде аккуратного домика на берегу океана, конечный пункт назначения – небоскреб в даунтауне[центр города], находящийся где-то в пятидесяти кварталах от моего жилья и поинтересовалась как я собираюсь добираться до нужного мне небоскреба. В качестве альтернативных средств передвижения были представлены – пешеход, автобус, самолет и космический корабль. Я решил что космический корабль будет слишком "круто" и потому выбрал самолет. Внутренне я уже праздновал победу, предвкушая неуд, "эф", "фэйлд" в ведомости. Но не тут то было. Тетка лишь понимающе улыбнулась и начала подталкивать наводящими фразами к нужному ответу. Я делал вид, что не понимаю. Тогда она перешла к наводящим жестам. Выставив вперед ладошку, она покачивала ею у меня перед носом, сопровождая все это завываниями "У-у-у..." После чего недоуменно разводила руки и сообщала – "Но аэропорт, но спэйс, но лэндинг".

Я упорствовал настаивая на самолете. Тетка тоже упорно гудела уже выделывая рукой фигуры высшего пилотажа. В конце концов я сдался. Наверное таки не зря моя жена вечно ругает меня за мягкотелость. Я в последний раз глубоко вздохнул и ткнул пальцем в автобус.

"Гуд" – облегченно сказала тетка и вывела в ведомости В.

Теперь я понял что спасти меня может лишь чудо и потому решил просто плыть по течению. Я правильно назвал монеты достоинством в 5, 10 и 25 центов. Потом пересчитал высыпанную на стол мелочь, чем привел мою экзаменаторшу в неопиcуемый восторг. Затем я зашел в какой-то неопрятный магазинчик, где купил какую-то ерунду типа жвачки. Продавец тут же попытался меня "нагреть" со сдачей. Тем не менее я отверг монеты в 3 и 4 цента. Аналогичным образом я забраковал купюры достоинством в 7 и 8 долларов. Рассчитавшись таким образом с хитрым хозяином лавки я отправился в Мак Доналд. Предстояло теперь сложное задание – пообедать и затем съездить в центр города в иммиграционное агентство. В Мак Доналде я купил гамбургер, отсчитав за него 99 центов. Потом, густо намазав его бесплатным кетчупом отправился на остановку автобуса. Из подъезжающих к остановке автобусов я выбрал автобус с надписью "Downtown" на лбу. Здесь я попытался схитрить и получить неуд за попытку сесть в центральную дверь и проехать без билета. Но зоркая экзаменаторша заметив мои метания возле центральной двери остановила меня окриком "Ноу-ноу-ноу" и отправила на посадку вперед. Считать деньги, держа гамбургер в руке было неудобно. Поэтому я засунул его наполовину в рот и отсчитал положенные 85 центов за проезд. Надежда на то, что тетка экзаменаторша обратит внимание на капающий кетчуп и высадит меня из автобуса не сбылась.

Она отнеслась к этой детали с пониманием и шлепнула мне очередную А. С горя я развалился на местах впереди предназначенных инвалидам. Тетка лишь кивнула и посоветовала следить за входящими инвалидами. Действительно на следующей остановке в автобус въехал мужчина в инвалидной коляске. Я поднялся, уступив ему все три инвалидных места и получив за это очередную пятерку. Поскольку я был уже сыт, то остатки гамбургера просто бросил на пол и прошел в середину салона. Там я обнаружил пустое кресло. С чувством выполненного долга я расположился в нем. Больше свое место я никому не уступал – ни входящим старикам, ни беременным женщинам, ни многодетным матерям. Дальнейшая поездка прошла без приключений. Перед нужной мне остановкой я дернул за веревочку, предупреждая водителя, что мне надо выходить и получив очередную А выбрался на улицу. Пройти предстояло совсем немного – не больше трех кварталов. Но здесь меня ожидали самые большие приключения. Во-первых, я заметил дерущихся школьников. Разнимать их я не стал и сразу позвонил в полицию. В конце второго квартала прямо передо мной, выронив свою палочку свалилась на землю какая-то старушка. Помогать, поднимать ее я тоже не стал, а просто вызвал "Скорую Помощь". Еще через квартал я заметил горящее здание с людьми молящими о помощи. Естественно проявлять чудеса героизма, вытаскивать людей из огня я опять-таки не стал и просто позвонил пожарникам. В результатах своей героической деятельности

я уже не сомневался и потому с удовлетворением, но все же с некоторой грустью принял веер из трёх пятерок. Дальше я свернул в небоскреб с надписью INS и тем самым завершил очередную порцию экзамена.

На закуску предстоял поход в продуктовый магазин "Safeway". В результатах похода я уже не сомневался. Судя по всему моя экзаменаторша тоже не сомневалась. Этому легко обучались даже самые тупые и безграмотные приезжие эмигранты и нелегалы. На всякий случай она мне выдала картинки животных, мясо которых предстояло купить в магазине. Слона, кенгуру и тюленя я сразу отбросил оставив картинки курицы, коровы и рыбы, хотя в реальной жизни рыбу мы не покупали из-за дороговизны. Яблоки, салаты, молочные продукты я сыпал в корзину без меры, помогая тем самым дышащей на ладан американской экономике. Денег на покупку всего этого добра не хватило, но экзаменаторша все равно сунула мне А. Наверное за непосильный труд в деле спасения американского сельского хозяйства.

Я с грустью посмотрел на свое "Дело". Тетка подсчитывала результаты экзамена. Ведомость выглядела замечательно. В левой графе, как по струнке вытянулись значки А и лишь в соседней графе сиротливо отдыхала буква В, полученная за попытку лететь в даунтаун на аэроплане.

Потом тетка тепло попрощалась со мной. Долго трясла руку, рассказывая как она рада тому, что эмигранты так гармонично вливаются в американскую жизнь, постигая по пути плоды свободы и демократии. Я молчал и лишь грустно кивал в ответ, представляя себе неприятные плоды этого блестяще сданного экзамена.

Возле вешалки с одеждой я решил слегка задержаться и посмотреть как же все-таки опытные товарищи сдают эти чертовы экзамены. Чтобы не привлекать к себе внимание, я делал вид, что медленно одеваюсь. Напяливал, а потом снимал перчатки. Одевал, а потом поправлял курточку, все поглядывая на опустевшее за мною место.

Наконец моя экзаменаторша ввела очередного клиента и усадила его на стул.

Клиентом оказался очень черный товарищ с курчавыми волосами, из-за чего я заключил, что он из Африки. Тем не менее тонкие, почти европейские черты лица подсказывали, что этот товарищ вероятно откуда-то из Северной Африки. Скорее всего эфиоп угнетенно-обиженный эритрейцами, или наоборот. Во всяком случае за все прошлые обиды он был награжден въездной визой в США, а также честью оказаться в этом экзаменационном зале.

Я напрягся, наострил ушки и приготовился слушать.

"Вот. Из. Ёр. Нэйм?" – услышал я знакомую фразу.

Ответа не последовало. Эфиоп тихо сидел, улыбался и внимательно следил за экзаменаторшей.

Поняв, что ответ на первый вопрос скорее всего не прозвучит, тетка также громко и отдельно выдавила из себя – "Хау. Олд. Ар. Ю?"

Ее слова вновь канули в долгое эфиопское молчание. Эфиоп все также сидел, улыбался, добродушно поглядывая на тетку начальницу. Наконец сообразив, что ответа ни на какой вопрос она не дождетя, тетка сказала – "Бай, Бай".

Судя по всему он не понял даже этой простой фразы или артистично притворился, что не понял. Тогда тетка поднялась со своего места. Взяла эфиопа под локоток и повела его к выходу. Я выскочил вслед за ними, проскочил у тетки экзаменаторши за спиной и вышел из церкви на время превращенной в экзаменационный центр. Настроение было отвратное. Я уже представлял себя в большом зале – столовой дома престарелых, в окружении обитателей этого дома аккуратно расставляющим бумажные цветочки в вазочки на столах.

Оставалось единственное утешение – поход за одеялом, который хоть как-то должен был скрасить уходящий день. Нашел я это секретное Зойкино место без особых проблем.

Даром что в Америке все пронумеровано, а улицы названные в честь героев тоже идут по алфавиту. Поднялся на второй этаж. На всякий случай постучал и вошел в небольшую комнату. За столом сидела какая-то татуированная девица в наушниках с полузакрытыми глазами и судя по тому как она качалась на стуле, слушала музыку. Завидев меня, она нажала на кнопку, остановив песню и опустила наушники на шею. Я попытался короткими фразами объяснить цель моего визита. Девица, ни о чем не спрашивая удалилась в заднюю комнату и вскоре появилась оттуда с одеялом через плечо. Я тут же отметил, что это самое одеяло явно отличалось от одеяла, что мы видели у Зои. Зойкино одеяло было красивое, добротное, цветное. То что вынесла мне девица напоминало неровно отрезанный кусок дерюги, которым укрываются бездомные. Я начал выяснять что-то насчет других красивых одеял. Девица долго не врубалась, но потом поморщив лоб что-то вспомнила.

"А-а-а, те цветные одеяла" – пробормотала она – "Так их давно уже разобрали."

"ВАШИ!" – подчеркнула она.

На вопрос не ожидается ли очередной завоз приличных одеял, она поморщилась и посмотрела на меня как на идиота.

Брать бездомное одеяло мне не хотелось, хотя возвращаться домой с пустыми руками, особенно после моего провала на экзаменах было совсем кисло. Девица заметив мои колебания тут же предложила второе одеяло. Естественно я не выдержал. Взял второе одеяло и начал упаковывать их в баул. Второе одеяло не помещалось. Тогда я решил вернуть все обратно. Девица наотрез отказалась их забирать, мотивируя тем, что даренные вещи обратно не принимаются. Пришлось уйти с баулом в одной руке и вторым одеялом через плечо. Вероятно я представлял собой достаточно интересную картинку, потому что редкие прохожие оглядывались, а машины замедляли ход. Я шел по грязной улице в сторону автобусной остановки, выискивая по дороге какой-нибудь мусорный ящик, куда бы все мое добро можно было бы выбросить. Неожиданно мне повезло. В проеме какого-то дома я увидел бездомного, устраивающегося на ночлег. Он вил себе уютное гнездышко как раз из тех самых одеял которыми меня одарили в Зойкином секретном месте. Я предложил бездомному мое добро. Он принял одеяла без особой благодарности. Этих одеял у него тоже был явный избыток. Обрадованный тем, что хоть здесь в чем-то повезло я налегке побежал в сторону автобусной остановки.

Собственно на этом и кончился мой неудачный экзаменационный день. Вернулся домой, выслушал лекцию жены о том что всем удается сдать экзамены на нужную оценку и

только у меня ничего не получается. Я в свою очередь пообещал, что в следующий раз она пойдет сдавать экзамены вместо меня. Потом взял учебник английского и ушел в спальню учить грамматику.

Ну а если интересно узнать что же в конце концов случилось, то я вас разочарую. Ничего особенного не случилось. Зойкины разведданные оказались просто слухами. Ни у кого, ничего не отнимали. Никого не отправляли клеить конверты и расставлять бумажные цветы в вазочки. Возможно, что было перепроизводство конвертов и дефицит бумажных цветочков. А скорее всего просто дали возможность спокойно доучиться на курсах и найти более-менее подходящую работу.

Ну и одеяло приличное мы тоже вскоре купили. Не хуже, чем у Зойки. Хотя конечно под бесплатным одеялом всегда теплее.

Странная компания

Очень правильно люди называют эмиграцию вторым рождением. Причем о своем первом рождении и о своих первых шажках человек естественно ничего не помнит. А глядя на старую черно-белую фотографию какого-то карапуза, держащегося за руки мамы, человек с некоей брезгливостью замечает – "Неужели это я?" Ну пусть не с брезгливостью, пусть с недоумением. Но во всяком случае никаких особых умилительных чувств человек к себе не испытывает и уж во всяком случае не пытается рассказать собеседнику о своем первом шаге, о своих переживаниях, страхах первому шагу предшествующим. Хотя бы потому, что человек ничего этого не помнит.

О первых шагах себя, эмигранта человек помнит очень хорошо. Причем чем больше он падал, чем больше шишек набивал, тем более интересными и умилительными становятся его воспоминания и рассказы. Я лично даже с неким сочувствием отношусь к эмигрантам, которым как когда-то казалось, повезло. Которые с ходу попали в какое-то приличное место, где впоследствии и просидели двадцать с лишним лет. Потому как вспомнить им обычно абсолютно нечего. Разве что по мелочи. Ну там компания через дорогу переехала, да кресло протертое от двадцати лет в нем сидения в конце концов поменяли. У меня же этих историй накопилось много. Выше крыши, что говорится. О каждой из них можно написать. А о многих из них какой-нибудь знакомый да скажет – "Так это ж обо мне. Со мной это случилось в таком-то вот году."

История же о которой я хочу рассказать в каком-то смысле уникальная, хотя я до сих пор не понял – смешная она или нет, поучительная или обыденная. Сами решайте.

В ту пору, примерно с полгодика после приезда я все еще постигал азы английского языка, а также азы науки трудоустройства в Америке. Вышел на столбовую дорогу, заглянул на американский свободный рынок. Попытался "продать" себя – в хорошем смысле этого слова, какой-нибудь

акуле капитализма, желающей заплатить поменьше, а получить побольше. Технике самопорадажи я уже был худо-бедно обучен. Покупаешь воскресную газету с объявлениями о работе. Подчеркиваешь все, что хотя бы отдаленно напоминает то что ты умеешь. В сопроводительном письме, написанном одинаково на все случаи жизни, вписываешь фамилию из объявления. Здесь желательно имена не перепутать. Сопроводительную бумажку с резюме в конверт. Марка, адрес компании, и вперед на почту в понедельник с утра. Авось твое письмо придет первым, авось его распечатают и даже прочитают. Тут собственно некогда задумываться над названием компании. Яблоко или слива. Микрософт или макрохард. Какая собственно разница. А уж расшифровывать или читать сокращенные слова – это уж совсем нонсенс. Так что на сокращение "DPI" я абсолютно точно внимания не обратил. Ди Пи Ай так Ди Пи Ай. Зачем думать, время терять. Все просто – конверт, письмо, марка, почтовый ящик. Почти что по Блоку – "Ночь, улица, фонарь, аптека."

Ну а дальше просто сидишь и ждешь. Как рыбак. Авось клюнет. Авось телефон зазвонит. Собственно сетовать не на что. Сам приехал. Такова жизнь. Таков свободный мир. Таковы акулы капитализма.

Тем не менее оказывается что все это, со скрипом да работает. Телефон позванивает, люди с тобой разговаривают,

даже изредка назначают персональные встречи – так называемые интервью. А с тем самым Ди Пи Ай-ем мне вообще повезло. Позвонила секретарша, и сразу сообразив с кем имеет дело, громко, внятно, разжевывая каждое слово объяснила, что со мной хотят встретиться. Потом назначила время интервью и объяснила как найти компанию.

В назначенный день и час, даже хорошо заранее я прибыл на паркинг компании. С полчаса побродил по округе и за пятнадцать минут до начала интервью толкнул входную дверь. Этому меня обучили – мои, всё знающие знакомые эмигранты со стажем. Они поясняли, что прийти ровно за 15 минут до интервью это признак профессионализма. Впрочем, на мой "профессионализм" секретарша никакого внимания не обратила. Она в это время разговаривала по телефону, а мне лишь кивком головы пояснила, что она не слепая. Потом, закончив телефонный разговор, секретарша выяснила кто я такой и указала на десяток стульев расположенных тут же в приемной. Я уселся на один из свободных стульев и вздохнул с облегчением. Если не считать огрехи в переговорах с секретаршей, то первая часть моего похода-интервью окончилась успешно, почти что профессионально. Я рассматривал фойе-приемную этой самой настоящей американской компании, листал какие-то красочные журналы набросанные тут же на маленьком столике. Слегка удивлялся пустоте и тишине царящей вокруг.

Потом неожиданно, как бы сама собой открылась боковая дверь и в приемную въехал человек на инвалидной коляске. Перебросившись парой слов с секретаршей, он слегка развернул коляску и вращая руками колеса направился к выходу. Дверь опять же автоматически открылась и инвалид беспрепятственно выехал на улицу.

"Вот это да!" – мысленно восхитился я – "Вот она настоящая забота о человеке. Какое там к черту может быть сравнение с несчастными инвалидами из Советского Союза, прикованными к своим кроватям и квартиркам, если они такие вообще имеют."

"Какие там еще работы" – продолжал думать я – "А затолкать инвалида в общественный транспорт под хамские вопли пассажиров. Одни лозунги кругом, намалеванные на красных транспарантах."

В очередной раз страна капитала демонстрировала свое гуманное лицо, чему я, все еще зеленый эмигрант продолжал радоваться и удивляться.

Я все также сидел, все также листал журналы, все также продолжал мысленно восхищаться доброй Америкой. Потом я вновь услышал звук автоматически открывающейся боковой двери, откуда вновь появился инвалид в коляске. Инвалидная коляска была явно посерьезней той, что я увидел

с минуту назад. Я заерзал на своем стуле, пытаюсь осмыслить происходящее. Теория вероятности тут явно не работала, или по крайней мере давала серьезный сбой.

Я посмотрел на стену за секретаршей. Там на стене здоровенными золочеными буквами было выведено слово "DPI", а слегка пониже его расшифровка "Disabled Programming Incorporated". Что такое "Programming" – я знал. Что такое "Incorporated" я не знал, но был просвещен знающими людьми, что на это слово обращать внимание не стоит. Что такое "Disabled" я забыл. У меня было такое чувство, что слово это я где-то встречал, причем совсем недавно, но не мог вспомнить где. Впрочем, о его значении я уже начал догадываться. Тем не менее я быстренько открыл свой все еще советский портфель-дипломат и извлек оттуда моего верного друга – потрепанный, зеленый англо-русский словарь 20-ти тысячник. Я спешно перелистывал страницы словаря, выискивая слово "Disabled", все еще в глубине души, надеясь, найти какой-нибудь синоним, альтернативу этому слову. Наконец-то я добрался то буквы "D", нашел слово "Disabled" и с грустью осознал, что альтернатив тут нет. Слово четко значило то, что оно значит. И тут же я вспомнил, что слово это я созерцал практически ежедневно. Конечно же. Пассажирский автобус. Передние места рядом с водителем. Места для инвалидов, безо всяких скидок на беременных женщин и многодетных матерей.

И словно в подтверждение моим мыслям, боковая дверь вновь автоматически открылась и оттуда на электрической инвалидной коляске вылетел инвалид-лихач. Ювелирно управляя своей коляской с помощью ручки джойстика он пронесся в миллиметре возле моей ноги и направил свою коляску в сторону туалета.

Я был не то что раздосадован, но слегка разочарован, поскольку все же ожидал очутиться на своей первой работе в обычной нормальной американской компании. Впрочем, что от меня хотят и как все потом сложится я не знал и особых планов не строил.

"Что будет, то будет" – решил я, спрятал свой зеленый словарь в портфель и принялся терпеливо ждать. Еще минут через десять боковая дверь вновь открылась и оттуда появился невысокий седой старичок лет семидесяти. Доброго человека чисто по внешнему виду можно распознать сразу. Даже одного из тысячи. Этот старичок как раз был таким. Весь его внешний вид, его лицо и даже осанка словно светились добротой. Он сразу же направился ко мне и даже не просто протянул руку для рукопожатия, а обхватил мою ладонь двумя руками и долго тряс ее извиняясь за то что заставил меня так долго ждать.

"А почему вы не налили кофе?" – Поинтересовался ста-

ричок, при этом укоризненно взглянув на секретаршу.

"А я предлагала." – соврала секретарша.

"Конечно, конечно" – согласился старичок – "просто наш уважаемый соискатель еще не знает какой у нас замечательный кофе."

Он провел меня в какой-то закуток, где я плеснул себе в бумажный стаканчик черную жидкость.

"Это настоящий кофе, это не Мак Доналд" – старичок продолжал хвалить кофе.

Что бы не обижать старичка, а вполне возможно моего будущего начальника, я отпил глоток и согласился, что кофе действительно гораздо лучше, чем в Мак Доналде, хотя по правде говоря Мак Доналдский кофе я до того дня не пробовал. Радостный, довольный старичок потом повел меня какими-то коридорами, пока мы в конце концов не добрались до его стеклянного кабинета.

"Аквариум и это очень здорово" – я отметил про себя еще одно преимущество американского образа жизни – "Это тебе не советский кабинет начальника за тяжелой дверью. Все на виду, все демократично. Пусть все видят как начальство работает."

Убедившись, что я удобно устроился в кресле, старичок

сел сам и начал интервью. Для начала он еще раз просмотрел мое резюме. Американского опыта там был ноль, а советский опыт его, судя по всему абсолютно не интересовал. Потом он задал мне парочку простеньких вопросов. Вероятно для порядка и чтобы убедиться, что к тебе не явился какой-нибудь мошенник. После чего он начал описывать работу и компанию. Говорил он ясно, четко и просто. Так что я понимал почти все и радостно кивал в ответ, предвкушая что "если что" то и больших проблем с взаимопониманием с ним не будет. Старичок с гордостью описывал свою компанию. Из его рассказа я узнал, что DPI на самом деле не совсем настоящая компания, хотя чисто внешне она копирует настоящий американский Хай Тек. Существуют они на благотворительные средства таких крупных, известнейших компаний как IBM, Hewlett Packard и подобным. И главная идея тут дать возможность инвалидам почувствовать свою нужность, значимость, чувствовать себя полноценным членом общества ну и по возможности также принести пользу компаниям в виде каких-либо выполненных проектов.

"Тем не менее" – продолжал старичок и как мне уже казалось мой будущий начальник – "компания требуют какого-либо, а возврата своих денег. Проект, который начался должен быть закончен в установленные сроки."

В этом месте я слегка подивился своеобразному понима-

нию американцами слова "благотворительность", но вида попытался не подать. Тем не менее старичок заметил мои сомнения и начал пояснять.

"Вы же наверное заметили какой у нас коллектив. Люди не совсем здоровые ..." – обтекаемо произнес он.

"Бывает, что человек работающий над проектом неожиданно надолго заболевает или еще того хуже ..." – старичок страдальчески закатил глаза.

"Так что приходится нам иногда на работу принимать не совсем больных людей." – опять-таки обтекаемо произнес он – "Хотя конечно при приеме на работу преимущество отдается не совсем здоровым людям. Людям с физическими и прочими недостатками."

В этот момент мне пришла в голову мерзкая шутка по поводу того, что меня тоже можно было бы записать в категорию "Disabled", поскольку я ни говорить ни слышать толком не умею. Но естественно я промолчал и продолжал сочувственно кивать в такт рассказу старичка-начальника. Старичок же наконец добрался до самого главного – как выражаются здесь "Job requirements".

"Самое главное здесь" – сообщил старичок – "что у работников здесь не только чисто физические недостатки, но также болезни влияющие на качество речи. Поэтому умение

понимать и общаться с собеседником также является важным моментом в приеме на работу."

Потом старичок еще немного поговорил о компании в целом и сообщил мне, что он желает что бы интервью продолжили мои будущие работники сослуживцы, так называемые ко-воркеры. Потом он попросил меня немножко подождать и вышел из кабинета. Еще через несколько минут дверь в кабинет открылась и на пороге показался старичок-начальник толкающий перед собой какую-то особую инвалидную коляску на которой восседал инвалид – в перспективе мой сослуживец, ко-воркер.

Зрелище это конечно было не для нервных. По любому это заставило бы содрогнуться даже человека с абсолютно устойчивой психикой и железными нервами. Он был парализован практически полностью. Руки и ноги, если не безжизненно висели, то по крайней мере безжизненно лежали на каких-то подставках. Несмотря на подголовники, голова покосилась набок. Рядом со ртом торчала какая-то трубка, а к шее прикреплены какие-то датчики. Тем не менее, судя по веселым искоркам в глазах, инвалид находился в прекрасном настроении. Старичок-начальник представил нас друг другу и показал жестом, что можно начать. Через секунду непонятно откуда полились какие-то неразборчивые механические звуки. Я вертел головой ничего не понимая и пытаюсь найти

источник шума. Наконец я сообразил, что шум доносится из динамиков кресла, и что это не бессмысленные звуки, а речь моего ко-воркера, а бляхи на шее это не что иное, как датчики усилители превращающие звуки издаваемые инвалидом в как бы человеческую речь. Потом звуки затихли. Потом зазвучали снова и погромче. Видимо мой ко-воркер решил повторить свой вопрос. Естественно я не понимал абсолютно ничего из этого шумового потока. Я лишь бессмысленно переводил глаза с инвалида на старичка-начальника.

Наконец-то старичок решился мне помочь и повторил вопрос. Вопрос, как оказалось, был вполне конкретный и заданный по делу. Я ответил на своем вымученном "second language" английском. Инвалид, судя по всему тоже меня не очень-то понял, но судя по звукам полившимся из динамиков кресла решил продолжить. Интервью продолжалось в том же духе. Шумовую завесу после некой паузы переводил старичок, а я отвечал на своем "как умею" английском. Судя по всему мой инвалид ко-воркер раздражался все больше. Звуки доносящиеся из динамиков стали громкими и отрывистыми, а изо рта у него потекла слюна. Стоящий тут же рядышком старичок начальник заботливо вытирал слюну бумажной салфеткой, одновременно поглаживая по плечу и видимо успокаивая моего ко-воркера. Я уж совсем пришел в ужас от мысли о том, что вытирание слюней станет частью моих рабочих обязанностей и впал в ступор. Тут уже и старичок-начальник сообразил, что интервью зашло слишком

далеко. Потому он поблагодарил нас обоих, хоть я и не понял за что, развернул коляску и повез инвалида ко-воркера назад к его рабочему месту. Вернулся он довольно быстро. Я втайне надеялся, что интервью на этом закончится. Тем не менее мне пришлось задержаться для встречи с другим товарищем.

Вернувшийся старичок сел за свой стол и куда-то позвонил. Это уже давало надежду на встречу со здоровым, или относительно здоровым сотрудником. Действительно, вскоре дверь отворилась и на пороге появился высокий молодой человек, прибывший сюда без посторонней помощи на "своих двоих". На первый взгляд он был абсолютно здоровым молодым парнем. Но как только он начал говорить, по тому как он дергался и нервно подхихикивал я тут же сообразил что здесь он тоже "свой". Разговор с ним, тем не менее, протекал гораздо лучше и приятней, чем с первым инвалидом. Хотя поначалу, все еще в шоке от первого разговора я часто переспрашивал и отвечал невпопад. Потом я потихоньку освоился и разговор превратился уже в нормальную беседу. Молодой человек что-то спрашивал. Я что-то отвечал. После чего он делал какие-то пометки на листике бумаги. Однако понять нравятся ли ему мои ответы или нет, понял или не понял, удовлетворен ответом или не очень – все это по его лицу понять было невозможно из-за постоянно бившего его нервного тика. Впрочем, глядя на удовлетворенное лицо

старичка-начальника можно было сделать вывод, что я реабилитировался и все идет совсем неплохо.

Вдруг в какой-то момент молодой человек попытался что-то записать на листе бумаги. Но шариковая авторучка перестала писать. Он напрягся, попытался расписать авторучку. Ничего не получалось. Ручка лишь царапала бумагу, оставляя на ней бесцветные борозды. Он уже абсолютно забыл о моем существовании, царапал и рвал бумагу раздражаясь все больше и больше. И вдруг он неожиданно изо всех сил трахнул ручкой об стол. Пластиковые осколки разбитой авторучки разлетелись по кабинету, а молодой человек уже совсем сорвавшись вдруг начал кричать на старичка. Я сидел на стуле не зная что предпринять. Бежать, уносить ноги, спастись старичка ... Впрочем, вспышка гнева у молодого человека продолжалась недолго. Через несколько секунд он перестал кричать и просто начал навзрыд плакать. Еще через какое-то время рыдания перешли в тихие всхлипывания. Старичок-начальник вытащил бумажную салфетку, подошел к парню и начал тихонько говорить что-то, успокаивая и поглаживая его по спине. Парень взял из руки старичка салфетку и уже почти успокоившись вытер глаза. Потом он посидел еще немного, беззвучно выслушивая старичка. Потом поднялся и не прощаясь, глядя в пол пошел к двери. Дверь закрылась. Старичок прошел к своему месту. Но прежде чем сесть он беззвучно развел руками, словно обращаясь ко мне

и поясняя без слов – "Сам видишь каково мне, с кем приходится работать."

То ли больше сотрудников для интервью не было. То ли старичок решил, что с меня достаточно. Но больше он никуда не звонил, никого не приглашал.

Мы еще немного поговорили ни о чем. Он поспрашивал меня о жизни в Советском Союзе, но без особого интереса. Судя по всему чисто из вежливости. Потом, говоря мне всевозможные комплименты, выпроводил меня на улицу.

С пол часа я еще бродил по окрестностям, пытаюсь прийти в себя от шока. Вообще-то у меня склад характера оптимистичный. Воспринимаю вещи с юмором. Люблю анекдоты, пусть даже "черные". Но то что сейчас произошло, черный юмор явно перетягивало. Сплошная черная дыра.

Потом я потихоньку пришел в себя. Сел в свой старый, выдавший виды Шевролет. Завел его. Правда не с пол оборота, как обещал жулик автодилер, продавший мне этот автомобиль. А лишь с десятого. Потом тихонько выехал на улицу, доехал до хайвэя и покатил домой.

Собственно на этом и кончилась история с моим первым настоящим интервью в первой настоящей американской

компании. Правда после этого я еще неделю опасался подходить к телефону. До ужаса боялся услышать знакомый голос секретарши из ДРІ – "Конградьюлэйшнс. Вы приняты на работу!"

Мафиози

Мы стояли на обочине дороги уже с пол часа, безрезульт-

татно голосуя проезжающим мимо машинам. Место было достаточно бойким. То и дело здесь пролетали на большой скорости машины. Тем не менее они не останавливались. В лучшем случае слегка притормаживали, но тут же устремлялись дальше. Тогда нам пришла идея пройти с пол километра вперед. Там как раз виднелся поворот, возле которого машины очевидно будут сбрасывать скорость. Кроме того я немного отошел от жены, спрятавшись за растущим возле обочины деревом. Маленькая хитрость тут же дала свои результаты. Любвеобильные итальянцы были не против помочь и подвезти симпатичную девушку. Правда вероятность, что блеснет удача и случайно подвернется машина направляющаяся именно туда, куда нам надо, была не большой. Мы направлялись в курортный городок Санта Маринелла, где нам нужно было сегодня, кровь из носа, найти и снять квартиру для проживания. Хоть не на долго. Хоть на неделю. А там уж разберемся. Санта Маринелла находилась в километрах ста отсюда и вероятность, что нам таки повезет и найдется водитель, направляющийся именно в Санта Маринеллу была очень не велика. Мы уж совсем разочаровались в нашем успехе. А я уж начал злиться на свою жену, которая сподвигла меня на это рискованное предприятие, сославшись на то, что лучше долететь туда за часок и с ветерком, чем тащиться четыре часа на местных электричках. Как вдруг, после недолгих переговоров с водителем остановившегося на обочине Форда, жена начала махать мне руками. Я подбежал к

машине. Водитель, правда еще не торопился пускать нас в машину и продолжал что-то говорить по итальянски. Из его речи я лишь улавливал какие-то отдельные, отдаленно знакомые слова – уно оро, стоп, аспетарре, черветерри. Моя жена лишь спрашивала его уж совсем потухшим, растерянным голосом – "Санта Маринелла?"

На что он тут же откликнулся – "Си, си", что означало "Да", но после этого вновь пускался в какие-то пояснения. В конце концов он сообразил, что мы его все равно не понимаем и просто пригласительно махнул рукой.

Обрадованные, мы мгновенно запрыгнули на заднее сиденье его автомобиля. На всякий случай моя жена последний раз поинтересовалась – "Санта Маринелла?"

"Си, си!" – проговорил в ответ водитель и потряс кулаком с поднятым большим пальцем. Международный жест, означающий, что все в порядке.

Мы расположились на заднем сиденье здоровенной по итальянским меркам американской машины. Все было ново и потому особенно приятно. В американском Форде мы никогда не сидели. Москвич, Волга, да тольятинская Лада – полный джентльменский набор еще совсем недавно советского человека. А здесь, пусть даже хорошо потрепанные, но мягкие кожаные сиденья. Блестящие никелированные руч-

ки. И даже такое невиданное нами доселе чудо как кондиционер. Впрочем, что такое кондиционер мы так и не почувствовали. То ли он не работал, то ли водитель наш предпочитал езду с открытыми окнами. Скорее всего второе. Пепельница до отказа забитая окурками давала понять, что никакой кондиционер с дымом справиться был не в состоянии. Наш новый знакомый, водитель машины оказался крепким, симпатичным мужчиной лет 45. Черные густые волосы, как и у многих итальянцев со слегка пробивающейся сединой. Наш новый знакомый уселся поудобнее и нажал на газ. Машина резко тронулась, рванула вперед, набирая скорость.

"Энрике" – представился он нам и не глядя протянул руку назад для рукопожатия. Мы по очереди пожали руку, назвав свои имена уже слегка на заграничный манер: "Ирина", "Грэгори".

"Но итальяно!?" – то ли спросил, то ли подтвердил наш новый знакомый Энрико.

"Эспаньол, фронсэ?" – предложил затем он, давая выбор языков для общения. "Ноу, ноу" – откликнулась моя жена, Ирина и с надеждой спросила – "Инглиш?"

"Но инглиш. Капл вордс." – весело отозвался Энрико.

Русо очевидно был недостижим и потому оставалась лишь возможность перебрасываться английскими словами. Впрочем, Энрико это не смущало. Он находился в прекрасном настроении, видимо даже рад небольшому приключению, со-беседникам свалившимся неизвестно откуда и небольшому флирту с молодой красавицей русо. Вел машину он быстро и ювелирно. Хотя дорога была узкой и извилистой, скорости абсолютно не чувствовалось. Он превышал скорость раза в полтора. Стрелка спидометра ни разу не опустилась ниже 60, хотя то тут, то там попадались дорожные знаки ограничения скорости до 40. Минут через десять мы выскочили на двухполосную прямую автостраду. Мощная американская машина быстро набирала скорость. 80, 100, 120.

Энрике выбросил очередной окурок в окно и тут же закурил следующую сигарету. Я уже заметил, что курил он не переставая, сбрасывая пепел то в пепельницу, то в открытое окно. В перерывах между затяжками он обращался к нам как бы по-английски, поддерживая то что можно было назвать беседой.

"Ю, фром?"

"Совет Юнион, русо"

"О, русо, Москоу, гуд! Вэрэ гоу?"

"Америка!"

"Америка, гуд, Нью Йорк!"

"Но. Сан Франциско."

"Сан-Франциско, бэлло, гуд ..."

Было еще достаточно раннее утро. Машин на автостраде было еще очень немного. Но изредка попадались автомобили, движущиеся гораздо медленней чем мы и блокирующих полосу движения. Энрике подкрадывался сзади к этим машинам и начинал сигналить. Но совсем не злобно, к чему я привык на наших советских дорогах, а как-то игриво, словно наигрывая какую-то мелодию. Водитель итальянского лилипута тоже отзывался сигналом. Махал обеими руками, но как-то незлобиво, словно говоря – "ну куда же ты летишь, дурачок" – и сдавал в правую линию. Энрике поддавал газ и легко обгоняя машину махал рукой. То ли по привычке, то ли в знак благодарности. Потом вновь затянувшись сигаретой возвращался к нашей беседе.

"Ю профэшн?"

"Компьютер."

"Компьютер, гуд, мильонер."

"And what is your profession?" – спросила моя жена.

"Май профэшн?" – откликнулся Энрике. Потом задумался на секунду и чтобы не вдаваться в подробности картинно развел руками и сообщил – "Эвэресинг".

Потом еще подумав добавил – "Артист".

"Артист!" – аж задохнулась от счастья моя жена.

Я так и читал романтические мысли моей жены. Вот так вот, неожиданно встретиться с настоящим итальянским артистом. Может быть даже заполучить билеты в какой-нибудь итальянский театр.

"Артист – это художник." – шепнул я на ухо Ирине.

"Painter?" – уточнил я обращаясь к Энрико.

"Ес, ес. Пайнтэр" – подтвердил Энрике и провел в воздухе рукой, будто бы изображая кисточку и холст.

"Painter, Artist!" – столь же радостно выдохнула моя жена.

Судя по всему, ей тут же захотелось взглянуть на настоящую итальянскую богему, попасть на выставку, потолкаться среди картин и художников.

"Can we see your paintings, art Exhibition? " – моя жена попыталась взять быка за рога.

"Ес, мэй би " – откликнулся Энрике.

Это становилось интересным. Вот так вот случайно на дороге встретить настоящего художника. Быть может даже будущего Леонардо да Винчи. Точно будет что вспомнить да и рассказать. Пожалуй это будет даже более интересным, чем рассказы наших везунчиков туристов.

Помню, что где-то за пару лет до нашего отъезда, Советский Союз приоткрыл свои ворота и оттуда в туристические поездки в свободный мир устремились наши туристы. Естественно не все кто попадая, а наиболее проверенные и заслуженные советские граждане. Так вот поездив по всяческим не нашим заграницам туристы обычно возвращались полные впечатлений, товаров и фотографий-слайдов. Потом на работе устраивалось некое представление, где в затемненном конференц-зале бывший турист, одетый уже в ту самую заграничную "джинсу" пользуясь кинопроектором демонстрировал слайды с красотами заграницы, сопровождая все это

красочными пояснениями. Изредка речь шла о неких научно-технических немислимых у нас вещах типа факс-машины, персонального компьютера и видеомангитофона. Но чаще, особенно в конце доклада, в разделе вопросы-ответы, народ сбивался на материально-покупательную сторону визита. Я помню, что как-то раз мы сидели в конференц-зале и слушали "отчет" о проделанной поездке нашего профсоюзного лидера. В группе таких же профсоюзных деятелей он совершил поездку в сказочную страну Индию. Наменяли им уж я не помню сколько. То ли сто, то ли тыщу рупий, что в переводе на доллары было около тридцати. И отправили отдыхать на берег моря в какой-то шикарный отель, где ешь от пуза и выданные полотенца не пересчитывают. Посещения местных достопримечательностей, катание на слоне и зонтик на пляже были включены в путевку. Все это было зафиксировано на его фотографиях слайдах. Оставшиеся тридцать долларов можно было свободно тратить на что угодно. Естественно наши профсоюзные деятели обнаружили где-то в окрестностях индийский блошиный рынок и наняв рикш на путь туда-обратно, отправились на рынок за товарами, проигнорировав предупреждения о заразных индийских блохах. Там собственно они очень неплохо отоварились кучей слегка потертых индийски джинс, расшитых рубашек, индийских платьев "сари" и сувениров. Тогда вот наш профсоюзный босс Слава Петров демонстрировал нам продезинфицированные индийские штаны и сувениры. Нам

же, обыкновенным сотрудникам оставалось лишь вздыхать, завидовать и мечтать о чем то подобном. И вот мечты сбывались.

История с художником выглядела намного интересней истории индийских штанов. А шанс оказаться на выставке среди богемы и художников привлекал еще больше. Потому мы с надеждой смотрели на Энрике полагая, что сейчас он нам предложит посетить его выставку. Но Энрике молчал. Ирина еще раз засобиралась "прощупать" почву, но я ей шепнул не напрашиваться и перевести разговор на другую тему. Мы заговорили о солнечной Италии, прекрасной погоде, лазурном море. О том, что все вокруг "бьютифул и бэлло".

Разговор несся дальше. Ни о чем. Бессмысленный и беспечный. Радостный и оптимистичный. И для нас и наверное для Энрике.

Машина неслась дальше. Показались таблички предупреждающие о приближении городка Cerveteri. Машина сбросила скорость и юркнула в съезд с автострады. Еще пару минут потолкавшись по каким-то улочкам она остановилась возле небольшого кафе. Мы выбрались из машины.

"Черветери" – объявил нам Энрике.

"Санта Маринелла" – он махнул рукой куда-то в сторону.

"Уно оро" – продолжил он указав в сторону кафе.

"Аутобус. Санта Маринелла. Квиндичи минути" – добавил он указав в сторону автобусной остановки, расположившейся тут же рядом с кафе. Потом он ткнул себя пальцем в грудь и показал в сторону кафе.

Мы с женой остались возле автобусной остановки совещаться. На сколько мы поняли Энрике предлагал нам два варианта. Продолжить путь в Санта Маринеллу на общественном транспорте – автобусе, который подойдет через пятнадцать минут, или дожидаться его один час и дальше следовать также на его машине. Второй вариант казался более привлекательным, поскольку не нужно было платить за билеты. А при скорости езды Энрике, он наверняка нагонит автобус. Так что мы с Ириной быстро сошлись на втором варианте. Оставалось лишь найти место, где провести этот час и не потерять Энрике.

Мы зашли в кафе. Энрике уже был там и сидел за столиком в глубине зала. Мы встали возле окна. За столик мы естественно садиться не решились, опасаясь что официант тут же заставит нас чего-то купить или выставит из кафе. Наше неуклюжее решение не укрылось от Энрике. Он быстро

встал, подскочил к нам, и взяв за руки словно детей подвел к какому-то пустому столику. Потом подойдя к стойке, что-то шепнул бармену-официанту.

Спустя минуту к нам подошел бармен, неся в руках две микроскопические чашечки кофе эспрессо. Деньги он брать отказался, пробормотав что-то по итальянски и указав в сторону Энрике. Теперь можно было абсолютно расслабиться и наслаждаться неожиданной ролью туриста забредшего в придорожное кафе на чашечку кофе. В кафе было уютно, тихо и прохладно. Немногочисленные посетители пили кофе, читали газеты. Неожиданно в дверь вошел еще один посетитель и сразу же быстрым шагом направился в сторону Энрике. Видимо это был тот самый человек, которого дожидался Энрике. Быстро добравшись до столика, он не здороваясь уселся на стул.

Мы были слишком далеко и не слышали звуков разговора Энрике с этим неизвестно откуда взявшимся человеком. Тем не менее просто взглянув на мимику и движение рук собеседников можно было понять, что разговор не из приятных. Поначалу гость-пришелец поглядывал на нас, что-то выговаривая Энрико. Вероятно он откуда-то следил за кафе и от него не укрылось обстоятельство, что Энрике приехал не один. Энрике безразлично махал рукой, словно утверждая – "ну что ты там распахивался. Подвез случайных попутчиков. Они даже по итальянски не говорят."

Потом пришелец потерял к нам интерес, повернулся уже прямо к Энрико и начал свистящим шепотом выговаривать что-то более серьезное. Вид этого пришельца не вызывал никаких положительных эмоций. Наоборот, внешне выглядел он предельно отвратительно. Низенький, толстенький. Черные крашеные волосы с глубокими залысинами. Мелкие, злобные черты лица и как бы особая гадкая примета – тонюсенькие, явно крашенные черные усики.

Я никогда не видел членов итальянской мафии. Все мои познания о ней ограничивались советской кинокомедией "Приключения итальянцев в России", а также редкими кадрами из "Международной панорамы" – арест членов банды "Коза nostra". Тем не менее мне сразу показалось, что это он и есть. Насколько его характерный вид соответствовал моему советскому воображению. Фотографию этого типчика можно было без всяких сомнений помещать в "Большую советскую энциклопедию", сопроводив пояснительной надписью – "типичный представитель итальянской мафии."

Тем временем беседа-разговор между Энрике и мафиози все больше накалялся. С шепота они перешли уже почти что на крики. Находящиеся в кафе посетители начали с опаской оборачиваться и посматривали на конфликтующих. Время от времени Энрике вскакивал сжимая кулаки. В ответ на это мафиози недвусмысленно запускал руку в карман словно

предупреждая – "остынь, у меня есть чем ответить." После чего Энрике сел и ссора продолжалась дальше. Неожиданно возле кафе остановилась белая машина с надписью Carabinieri. Из нее вышли двое полицейских вооруженных какими-то короткоствольными автоматами и направились в кафе. Энрике что-то шепнул своему собеседнику. Тот вскочил из-за стола и явно отвернув голову так что бы полицейские не могли его увидеть и наверное опознать, скорым шагом направился за стойку бара в туалет. Впрочем, вошедшие полицейские на него внимание не обратили. Они пришли сюда просто немного отдохнуть, выпить по чашечке кофе. Достаточно небрежно бросив оружие на стойку бара они уселись рядом, заказав кофе. Тишина и покой вновь воцарились в зале. Потом еще минут через десять, перебросившись парой слов с барменом и допив свое кофе, полицейские прихватив брошенные автоматы, отправились к своей машине.

Потом еще через несколько минут из туалета вышел скрывающийся там мафиози и направился к Энрико. Они уже больше не ссорились. Все что можно, было уже выговорено, а четверть часа в испуге проведенные в туалете сильно остудили прыть собеседника мафиози. Быстро состоялся обмен. Энрике отдал черный футляр, а из рук мафиози получил небольшой чемоданчик. Потом он встал из-за стола и направился к выходу, по дороге махнув нам рукой – "поехали". Мы вскочили и направились вслед за ним к его американскому Форду. Энрике открыл багажник, небрежно бросил туда че-

модан. Потом сел на водительское сиденье и открыл нам двери. Мы загрузились в машину. Автомобиль опять покрутился по узким улочкам и выскочил на автостраду. Дорога была такой же свободной, как и час назад. Энрике гнал машину, по-моему, еще быстрее, чем на пути в Черветери. Стрелка спидометра ушла далеко за сотню. Он опять попытался возобновить нашу глуповатую бессмысленную беседу, но разговор уже как-то не клеился. Видимо на него уж сильно подействовал конфликт с гадким компаньоном в кафе. Сказка кончилась. Начинались будни. Энрике все так же курил одну сигарету за другой, выбрасывая остатки сигарет в открытое окно. В какой-то момент сигареты у него кончились. Я услужливо протянул пачку болгарского ВТ. Энрике с интересом взял сигарету. Прикурил ее. Я рассчитывал услышать привычную похвалу – "руссо сигаретто гуд". Но болгарская сигарета ему явно не понравилась. Он попытался сделать пару затяжек, но сразу же решил, что это "не то" и пробормотав что-то себе под нос, выбросил почти нетронутую сигарету в окно. Потом он перегнулся в сторону пассажирского сиденья, открыл "бардачок" и начал не глядя шарить там рукой. Среди кучи бумажек и прочего барахла, я заметил там черную вороненую сталь пистолета. Впрочем, я не успел даже испугаться. Энрике брезгливо оттолкнул пистолет в сторону и наконец нашарил то что он искал – пачку красного американского Мальборо. "Да" – подумал я про себя – "конечно же он не художник." А заминка с вопросом о его профессии,

уклончивый ответ "everything", пистолет и весьма подозрительный собеседник в кафе, указывали на его не стандартную профессию.

Мы проскочили оставшиеся пятьдесят километров до Санта Маринеллы минут за двадцать. Уже сбросив скорость километров до сорока, Энрике обратился к нам – "Санта Маринелла. Вэрэ?" – Интересуясь где же нас высадить.

Мы знали что нужное нам квартирное агентство находится где-то вблизи железнодорожного вокзала.

"Станционэ" – сказала Ирина.

"Окэй" – отозвался Энрике, показывая что он понял.

Городок был небольшим, но очень вытянутым вдоль берега моря. Мы проехали еще пару километров. Наконец машина остановилась на обочине и Энрике объявил – "Станционэ", небрежно махнув в сторону какого-то проулка. Рассыпаясь в благодарностях мы стали выбираться из машины. Неожиданно Энрике тоже встал со своего водительского места, быстро подошел к задней пассажирской двери и галантно протянув руку, помог выбраться моей жене. Потом мы еще немного постояли все также повторяя вновь и вновь слова благодарности. Энрике молча стоял грустно поглядывая на нас, но больше на Ирину и вдруг, неожиданно сказал –

"Проблемо кол", сопроводив слова жестом руки словно вращая невидимый диск телефона.

"Врайт нумеро" – продолжил он.

Ирина протянула ему записную книжку и авторучку. Энрике записал свое имя, телефонный номер. Но потом сообразив, что телефонный разговор вряд ли у нас получится, вновь обратился к нам – "Биг проблемо – кам". Потом он немного потопал ногами, поясняя, что нужно просто прийти и добавил в записную книжку свой адрес. Пожалуй нужно было уже окончательно распрощаться. Энрике еще раз грустно взглянул на нас. Потом потряс мою руку. Моя жена тоже протянула руку на прощанье. Неожиданно он слегка наклонившись поцеловал протянутую руку и еще раз грустно взглянув произнес "Ла бэллэ рагацца " и уже не оглядываясь прошел к своей машине. Автомобиль резко тронулся с места, даже не влившись, а просто впрыгнув в поток машин стал быстро удаляться.

Мы без слов переглянулись, подивившись этой странной концовке нашего знакомства. Было еще достаточно рано. Что-то около одиннадцати. Мы оглядывались по сторонам, привыкая к новому пейзажу. Немыслимо, каким-то чудесным образом мы перенеслись сюда. Еще два часа назад, где-то за сотню с лишним километров, мы безнадежно голосова-

ли пролетающим мимо автомобилям. А теперь, словно вступив в какую-то фантастическую машину времени-пространства оказались здесь, в курортном городке, на берегу Тиренского моря.

Сам того не подозревая Энрике оказал нам огромную, словами неопишемую услугу. Мы сумели быстро решить все свои дела. На фоне все пребывающих сюда эмигрантов, наших своеобразных конкурентов это было особенно тяжело. Потом уже налегке, как бы сбросив с души очередной камень забот отправились в наш временный пересылочный лагерь готовиться к очередному переезду.

Проблем, встреч, решенных и не решаемых проблем было потом еще много. И эта случайная встреча тоже вскоре отошла на второй план. Почти забылась, лишь изредка напоминая о себе парой строчек записной книжки, которую я хранил больше как память и талисман. Продолжение этой истории казалось маловероятным и скорее всего невозможным. И тем не менее ...

И снова Италия, Рим

Мы вернулись в Италию лет через пять уже настоящими американскими туристами с синими паспортами. Честно го-

вора, в Италию мы вовсе не собирались. Главная цель нашего первого заграничного путешествия был Париж. Тот самый недосягаемый для советского человека "Пари" с его Эйфелевой башней, художниками и Монмартрой. Париж, который нужно "увидеть и умереть". Потом в Ниццу. Таковую же когда-то недосягаемую, как и планета Марс. Отдохнуть на море, походить по следам русских царственных особ. Ну а там вроде под боком оказалась Италия, да еще и с билетами на самолет дешевле, чем из Парижа. Так что мы убивали сразу двух зайцев. Посетили Италию, да еще вроде сэкономили на билетах.

Так мы оказались в Риме, в толпе туристов, таскающихся под жарким июльским солнцем от Колизея до Ватикана, от Капитолия до базилики святого Петра. Время от времени, уже не чувствуя под собой ног, спасаясь от итальянского солнца мы заглядывали в какие-то мелкие картинные магазинчики, бесплатные галереи. Там с видом ценителей и потенциальных покупателей мы разглядывали картины каких-то неизвестных художников. Жена моя, как обычно, подолгу задерживалась возле каждой картины. Я же быстро проглядывал их, так и не понимая, почему надо так долго "пялиться" в картину на которой весьма грубо и неумело набросан какой-нибудь пейзаж.

Я разгуливал по галерее, достаточно безразлично разгля-

дывая "творения" и просматривая имена их создателей, как меня как бы что-то кольнуло. Имя художника. Ну да, то самое знакомое имя – Энрике Витторио, пять лет назад вписанное им в мою записную книжку. Неужели это он? Так значит он тогда не врал. Действительно художник. Я быстро прошел к жене, оторвал ее от какой-то картины с собором Петра и потащил к моей находке.

"Узнаешь?!"

Естественно моя жена имя нашего тогдашнего спасителя забыла, хотя хорошо помнила и наше приключение, и машину, и даже то в чем он был одет. Мы еще слегка подискутировали вероятность того, что имя может так вот совпасть. После чего мне пришла идея совершить доморощенную экспертизу. Старая, еще советская записная книжка была с собой. Мы без труда нашли запись Энрике. Конечно сравнивать запись из записной книжки с кратенькой подписью "E. Vitto" на картине было невозможно, но симпатичный завиток рядом с буквой "V" развеял все сомнения. Это действительно была одна рука. Рука нашего Энрике.

"Вот это да!" – восхищенно произнесла моя жена – "Такое совпадение. Шанс один на миллион."

"Лучше б этот шанс выпал в Лас-Вегасе" – отшутился я.

И тут моей жене пришла в голову романтическая идея. Вот так вот, ни с того, ни с сего, словно снег на голову, заявиться к Энрико по адресу, который он нам когда-то оставил. Принести какой-нибудь подарок, еще раз поблагодарить, поболтать на непонятно каком языке и раствориться в туристических толпах Рима. Я пытался отговорить мою жену от этой дурной затеи. Но она настаивала.

"А если это знак свыше." – насмешничала она – "А вот если мы придем и он нам подарит свою работу. Какой-нибудь мааа...ленький пейзажик. Я ему, между-прочим тогда оччч...ень понравилась. А потом, представляешь, в Лас-Вегасе эту картину оценят в миллион!"

В конце концов я уступил, подумав что посмотреть какие-тонибудь места, где живут простые итальянцы может оказаться не менее интересным, чем таскание по вылизанным туристическим тропам Рима.

Мы зашли в какой-то магазинчик в центре и купили некий джентльменский подарочный набор. Рубашка, галстук, интересная зажигалка. Потом в ближайшем ликерном магазине добавили бутылку коньяка. Всего долларов на сто. Вроде для хорошего подарка не стыдно, да и для кошелька терпимо. Сориентировались по карте. Выяснили, что ехать к Энрико

не особенно далеко и пошли отыскивать остановку нужного автобуса. Энрике действительно жил не далеко от центра. Во всяком случае мы тряслись на автобусе не более часа. Туристов в автобусе не было. Немногочисленная разношерстная толпа обыкновенных итальянцев. На нужной остановке мы вышли и пошли отыскивать нужный дом. Пятиэтажный дом, где проживал Энрике, очень напоминал типичный советский дом сталинской постройки, состоящий из отдельных квартир для начальства и коммуналок для рабочего класса. Второй этаж дома демонстрировал красивые, тяжелые, ухоженные двери с золочеными табличками, сообщающими, что там скрывается доктор или адвокат. Этажи повыше были уже хорошо загажены и многочисленные кнопки звонков говорили о том, что это и есть настоящая коммуналка. Такой же была и квартира Энрике. Последний пятый этаж. Старая потертая дверь и три звонка с разными фамилиями выписанных неразборчивым почерком. Мы нашли звонок с подписью более всего напоминающем Витторио – фамилию Энрике. Моя жена тоже уже начала сомневаться в целесообразности нашего романтического визита, но все же нажала кнопку. Где-то в глубине квартиры раздалась трель звонка. Никто не отреагировал, дверь не открылась. Мы подождали еще немного. Нажали на звонок дважды – на всякий случай. Все так же без результата и уж совсем собрались уходить, как мы услышали какой-то, то ли шорох, толи шепот за дверью. Тени в глазке двери тоже демонстрировали, что нас рассмат-

ривают, что за дверью кто-то есть. Потом неожиданно дверь распахнулась и мы увидели женщину лет сорока, стоящую возле порога. Худое измученное лицо, старый халатик висящий на плоском теле, словно на вешалке. Тонкие ноги в старых потертых тапках. За спиной у нее стояла маленькая и тоже очень худая старушка. Справа из приоткрытой двери толи с любопытством, толи с испугом выглядывали две симпатичные головки детей. Мальчика и девочки – лет десяти и семи. Казалось, что вся семья в сборе. Не хватало только Энрике.

"Фамилия Витторио?" – спросил я, имея в виду семью Энрике.

"Си, си" – отозвалась женщина, видимо жена Энрике.

"Синьор Энрике хир?" – спросил я уже на смеси английского с итальянским.

"Ноу" – отозвалась женщина.

Я этому даже обрадовался. Встречаться с Энрике, особенно в такой обстановке уже абсолютно не хотелось. Оставалось только сунуть подарок, написать коротенькую записку и валить восвояси.

"Фор мистер Энрике" – сказал я протягивая наш пакет с подарками.

Но женщина не хотела брать наш пакет.

"Фор синьор Энрике" – настаивал я протягивая подарок.

"Ноу, ноу" – все также отвечала женщина, отталкивая мою руку.

Потом она заговорила. Быстро, быстро по итальянски. Не знаю, как ко всему этому относилась моя жена, но я уже был раздражен ее быстрым и бессмысленным для нас монологом.

"Имея такую жену нет ничего удивительного, что Энрике ухлестывает за каждой юбкой." – думал я. Наконец-то она замолчала.

"Фор мистер Энрике" – вновь, ничего не понимая, раздраженно сказал я.

Женщина на секунду задумалась. Глаза ее вдруг наполнились слезами. Потом она четко и раздельно сказала – "Но мистер Энрике".

Затем подняла руку и слегка приподняв голову провела

себе большим пальцем руки поперек шеи.

У меня словно все оборвалось внутри. Такой развязки я никак не ожидал. Наверняка моя жена чувствовала себя также. Словно в унисон произнося "экскьюзи, экскьюзи" мы попятились от двери и быстро, ни на что не обращая внимание, скатились вниз по лестнице. Потом, увидев первый попавшийся автобус, следующий куда-то в центр, вскочили в него. Лишь бы уехать, сбежать отсюда из этого злополучного места.

Мы вышли где-то в центре, возле каких-то фонтанов, сориентировавшись по толпам беспечно слоняющихся туристов. Потом мы присели на какую-то лавочку. Тут наконец я обратил внимание, что пакет с подарками для Энрико я все также, не замечая, держу в руке.

"Избавиться бы от него и поскорее" – лишь подумал я.

Оставить себе все эти вещи казалось так же грешно и страшно как носить вещи покойника. Ехать, искать магазинчик, где все это было куплено – глупо и противно. Моя жена тоже понимала все это. Тогда мы даже ни о чем не переговариваясь поднялись со скамейки и пошли в сторону какой-то площади, в сторону своих беспечных туристов. Пройдя с сотню метров мы остановились, и обернувшись в сторону покинутой скамейки, стали наблюдать что же произойдет.

Через несколько секунд мы увидели как от толпы отделился молодой парнишка. Наверняка мелкий жулик, ищущий чем поживиться. Он как ни в чем не бывало сел на нашу скамейку. Потом быстро переместился поближе к пакету – так будто бы пакет принадлежал ему. Потом быстро, украдкой заглянул в пакет. Судя по всему он остался доволен своей находкой. Потом быстро оглянувшись по сторонам подхватил пакет. Поднялся и пошел в сторону слоняющихся туристов. Еще через секунду он смешался с толпой и исчез. Исчез быстро и незаметно.

Наверное также быстро и незаметно исчез из этого мира Энрике, наш мимолетний знакомый, добрый, отзывчивый человек, художник и неудачливый мафиози.

Пуля – дура, штык – молодец, а граната – полный...

В мудрости крылатой Суворовской фразы "Пуля – дура, штык – молодец!" мы убедились два дня назад, когда наш студент-рядовой Чижик едва не застрелил двоих наших сержантов, перепутав их с мишенями. Что бы сказал генералиссимус Суворов по поводу гранаты РГД-5, можно лишь догадываться, но, надо полагать, тоже что-нибудь гениальное. Впрочем, и без суворовской "науки побеждать" наши полковники знали, что граната штука очень опасная и посему в учебном процессе она отсутствовала. Хотя с другой стороны – план есть план, учеба есть учеба. Следовательно, кидание, швыряние, бросание гранат присутствовали в плане обучения студентов военному искусству. При этом наверня-

ка это вот бросание-швыряние было лишь на бумаге. Я не могу вспомнить, чтобы кто-либо из наших старшекурсников, побывавших в лагерях годами раньше, вспоминал что-то подобное – "Кольцо – рванул, дуру – швырнул".

Однако по всему большому Советскому Союзу шла очередная кампания по борьбе с приписками и очковтирательством, а наш начальник кафедры полковник Зубов почему-то воспринял это серьезно. Поэтому на каком-то их очередном офицерском собрании Зубов постановил прекратить приписки, очковтирательство, и строго следовать постановлениям партии и правительства. В переводе на нормальный зубовский язык это звучало примерно так. Мать-перемать, мать-перемать ... и ты, Крылов, за это отвечаешь. Почему мы попали "под раздачу" я не знаю. То ли из-за неудачного военного парада в котором "отличился" наш взвод, Зубов решил свести с нами счеты. То ли просто выразил высокое доверие полководческим способностям нашего командира полковника Крылова.

Но как бы там ни было, полковник Крылов уже на следующий день начал серьезно готовить нас к нелегкому испытанию. Прежде всего он кликнул добровольцев-волонтеров желающих поиграться с гранатами. На удивление их нашлось достаточно много – едва ли не половина нашего взвода. Лично я, помня наставления генералиссимуса Суворова в добровольцы не вступил. Другие не вступили по иным раз-

нообразным причинам. Но как бы то ни было, нас – "трусов и бездельников", полковник Крылов отправил копать окопы. Этим "приятным" делом он обычно занимал провинившихся. Впрочем, если когда-то давно этот род провождения досуга был наказанием, то теперь это тихонько превратилось в приятное времяпровождение. Учет выкопанных окопов полковник Крылов не вел, и потому вполне можно было "сачкануть" – найти уже готовый окоп и в конце дня доложить, что студент Такой-То работу окончил. Впрочем, чем занималась группа "трусов и бездельников" было несущественным. Значительно более важным было дело подготовки к швырянию боевых гранат. Надо сказать, что здесь полковник Крылов подошел на редкость разумно, помня о существовании таких "фруктов", как студент Чижик. Из группы добровольцев он отобрал троих ребят – повыше и поздоровее, отличников именно что боевой, а не политической подготовки. Остальных добровольцев он оставил в покое, приказав сидеть в окопе и учить материальную часть автомата Калашникова. С троими же, избранными он начал проводить занятия по индивидуальной программе.

День удался. Мы сидели или лежали подле окопчиков, со злорадством наблюдая за мучениями наших "избранных". И было тут чему позлорадствовать над добровольцами нарушившими главную заповедь солдата – "подальше от начальства, поближе к кухне". Нам же оставалось лишь зубо-

скалить и наблюдать, как наши ребятаушки, стоя по стойке смирно, давали отчет полковнику Крылову. Сам же полковник Крылов, водил пальцем по открытой страничке устава, слушая студента добровольца и добиваясь полного соответствия каждому слову. Временами он отрывался от устава, и как нам слышалось издалека, отсылал студента на три буквы, а также на три шага назад, на солнцепек, доучивать назубок все слова, буквы, а также знаки препинания. Потом подзывал следующего добровольца и все начиналось сначала. Наконец теоретические основы кидания гранаты были преодолены и наши ребята, во главе с полковником Крыловым перешли к практическим занятиям с учебными гранатами.

Мы, сидящие в окопах веселились. Практикующимся же ребятам было не до смеха. Наверное уже в сотый раз они брали учебную гранату, с криком "Ура" бежали в сторону неведомого противника и швыряли ее. Потом ходили, искали, собирали укатившиеся гранаты и возвращались с ними на исходный рубеж.

Очередной день сборов подходил к концу. Солнышко, тоже зная об этом, клонилось в сторону заката. Наконец последняя учебная граната была потеряна и полковник Крылов уже всем нам скомандовал "Стройся". Уходили мы из "полей" в отличном настроении. День был проведен исключительно хорошо. За исключением тех самых троих добровольцев, ребята выспались и отдохнули. Взвод бойко шагал в

сторону лагеря. И песню нашу строевую мы затанули с чувством и знанием дела. Впереди были сплошные "приятности". Ужин, сладкий сон, а завтра еще более интересный денек с настоящими боевыми гранатами.

На следующий день уже никто не сачковал, не пытался увильнуть и выспаться с открытыми глазами. Мы выстроились в шеренгу, наблюдая за священнодействиями полковника Крылова. Вполне очевидно было, что для полковника, так же как и для всех нас все было внове. А по тому, как он действовал, чувствовалось, что он еще и трусит. Полковник снял с плеча вещевой мешок, аккуратно поставил его на землю и развязал стягивающую ляжку. Потом нежно и благовейно, достал оттуда гранаты, которые он заранее завернул в вафельные полотенца. Также осторожно развернул их и положил рядышком. Очевидно было, что к военному имуществу полковник Крылов относится даже более бережно, чем к домашнему хрусталу. После чего он вытащил из вещмешка три запала и дрожащими руками ввинтил их в гранаты. После этого он поднялся, утер рукавом выступивший пот и глубоко вздохнул. Первая часть учений прошла успешно.

— Студент Гуревич! Ко мне! — скомандовал полковник Крылов.

Максим Гуревич — как раз и был одним из тех самых избранных добровольцев. Высокий, здоровый, мускулистый и

еще отличник не только боевой, но также нормальной университетской учебы. Фамилия его конечно же была достаточно двусмысленной, хотя он всегда напрочь отрицал какую-либо связь с богоизбранным народом. Происхождение же своей фамилии он пояснял некой семейной легендой. Лет 100 или 200 назад, когда на Руси раздавали паспорта и фамилии, его пра-пра-пра-дедушка сговорился с тогдашним паспортистом начет приличной фамилии Гулевич. Якобы пра-пра любил погулять по девкам и просто так и потому фамилия эта очень хорошо соответствовала его характеру. Сговорились на рупь-целковый. Но случилось так, что тот самый целковый, родоначальник семьи Гулевичей до паспортиста не донес. Зашел по дороге в трактир, где тот самый рупь, в соответствии со своим характером и прогулял. Озленный паспортист в отместку исправил букву "л" на "р", тем самым отомстив гуляке. С тех пор двусмысленная фамилия Гуревич проклятым клеймом висела над потомками неумемного гуляки прародителя. Кстати Максима лет пять спустя так и не приняли в аспирантуру. Некий заместитель ректора по науке, со словами "меня не проведешь" вычеркнул его из списка кандидатов. Впрочем, случилось это потом. А сейчас, тем временем Максим с полковником Крыловым осуществляли последние приготовления к театральной постановке под названием "Метание боевой гранаты".

Полковник Крылов в последний раз проверил знание

устава. На это раз Максим отрапортовал его назубок, нигде не сбившись. После чего Крылов с метателем Гуревичем отошли от нашей шеренги слегка вперед в направлении окопа где расположился наш все тот же невидимый условный противник. Потом Крылов передал Максиму гранату. Максим сунул гранату в подсумок на поясе. Все было готово. И наконец послышалась команда полковника Крылова "Пошел!".

Максим побежал в сторону условного противника, в соответствии с уставом изредка останавливаясь и постреливая в сторону окопа холостыми патронами. Не добегая метров двадцати до окопа он остановился и начал шуровать по карманам, видимо забыв от волнения, куда он гранату положил. Наконец он извлек ее из подсумка. Далее в уставе было сказано – "выдернуть чеку и метнуть ее в сторону противника". Тут и возникли первые разногласия между реалиями жизни и нашим красноармейским уставом. Устав не уточнял каким способом следует выдергивать чеку. В реальности же получалось, что, для того чтобы достать гранату в принципе достаточно одной руки. Но для того, чтобы выдернуть чеку, все-таки необходимо две. Вопрос, куда же при этом девать личное оружие устав не уточнял. Вчера же во время тренировок, этот момент полковник Крылов упустил. Так что оставалось лишь полагаться на русскую смекалку. Смекалистый Максим, не долго подумав, положил автомат на зем-

лю. Потом, вероятно передумал. Поднял его и зажал между ногами. Две руки теперь были свободны и Максим теперь мог сосредоточиться на гранате. Судя по тому как подергивалась левая рука, было понятно, что Максим пытается вырвать застрявшую чеку. Наконец чека была успешно извлечена. После чего, широко размахнувшись он бросил гранату в сторону окопа. Граната приземлилась на сыпучем бруствере недавно выкопанного окопа. Максим же подхватил автомат и в соответствии с уставом и вчерашней учебой закричал "Ура!" и побежал в сторону окопа.

И тут у меня от этого зрелища глаза полезли на лоб. Возле окопа лежала граната, готовая взорваться через несколько секунд. А на нее, выводя громогласное "Ура!" бежал наш Макс. И тут, словно молния, догадка пронзила меня. Ведь собственно что мы все это время изучали. Устав Советской Красной армии, писанный во время Отечественной войны, вещающий как ходить в атаку и бить врага. А как ходили тогда в атаку, вы помните? Да очень просто. В наши окопы нагоняли солдат побольше, дабы иметь пятикратное преимущество в пока еще живой силе. Далее каждому бойцу для храбрости спаивалась двойная наркомовская норма, что в переводе на миллилитры означала стакан водки. Потом, как в песне поется – взлетает красная ракета. Новоиспеченный лейтенант, выскочив из окопа кричит "За Родину! За Сталина!" Дальше выскакивают все остальные бойцы и бегут в

сторону немцев.

Три четверти еще минуту назад "живой силы" немцы укладывали из пулеметов, но где-то четверть солдат таки добежала и врывалась в немецкий окоп. Ну а дальше. Сами подумайте, в махаловке, в рукопашной, один на один, у кого будет преимущество? У немца вооруженного короткоствольным Шмайсером и откушавшего с утра калорийный фрюштик. Или у русского израненного, запыхавшегося солдата, с длинной неповоротливой трехлинейкой, да еще к тому же позавтракавшим стаканом водки? Вот тут то и приходит на помощь граната, которую генералиссимус Суворов назвал бы "распоследней душой". Граната ж, она не разбирает где свой, а где чужой. Равномерно отправляет на тот свет и немцев откушавших фрюштик и русских с наркомовской нормой. Ну а дальше, в окопы очищенные от врага, а точнее полные трупов русских и немцев, уже берутся свежими силами – следующей волной наступающих. Вот собственно и вся наука побеждать.

С расширенными от ужаса глазами я смотрел на нашего товарища Макса, понимая, что на "своих двоих" я вижу его в последний раз. Однако Максим таки опомнился. Наверняка он нам врал и фамилия его, Гуревич – была настоящая. Не добежав метров трех до лежащей на бруствере гранаты, Максим развернулся, отшвырнул в сторону автомат и пре-

кратив уже орать "Ура!" словно спринтер бросился в обратную сторону. А еще через секунду ...

Так и хочется написать – "раздался оглушительный взрыв, осколки засвистели над головой". Но врать я не буду. Подобными героическими строками пусть балуются герои военно начальники, во множестве расплодившиеся повсюду.

Это был даже и не взрыв, как показалось негромкий хлопок. И осколки над головой не засвистели. Граната отработала ровно так, как ей было предписано. Взрыв через 4 секунды с разлетом осколков на 25 метров. До нас же было не меньше сотни метров. Но друг наш Максим. В своих кирзовых сапогах он не сумел побить мировой спринтерский рекорд и находился как раз в 25-ти метровой зоне поражения. Мы лишь увидели как Максим сделав по инерции пару шагов, раскинув руки, свалился на землю. В то же мгновенье мы все бросились в сторону павшего Гуревича. Ребята кругом обступили лежащего Максима. Еще через секунду подошел запыхавшийся полковник Крылов и растолкав стоящих вокруг ребят, склонился над павшим Максимом.

— Жив, ранен?

Максим издал некий звук, напоминающий стон.

— Жив! – радостно произнес Крылов – Ранен? Куда? Покажи!

Максим, слегка изогнувшись, указал рукой в сторону яго-

дицы. Теперь мы уже заметили, что на штанах прикрывающих атлетическую задницу Максима набухло темное красное пятно, а из прорехи на штанах торчал узкий осколок сантиметра три длиной.

— В госпиталь! – рявкнул полковник.

Потом задумался на секунду, после чего повторил ту же фразу, но потише, поставив вопросительный знак вместо восклицательного.

— В госпиталь?

Сомнения полковника Крылова, лично мне, да и другим ребятам поучаствовавшим в последнем ЧП, были очень близки. Неделей раньше у нас произошло очередное происшествие. Тогда нас привезли на стрельбище на очередную сдачу нормативов. Стрельбы проходили вполне удачно. "Удачно" – это я имею в виду, не то что мы поразили десятки и девятки в мишенях, а то что все шло гладко, спокойно, без неприятностей. Очередная порция наших студентов "отстрелялась" (есть такое, вполне уставное военное выражение) и готовилась отойти после проверки оружия на исходный рубеж. Для тех, кто в армии не служил, или служил, но автомат в руках не держал, я сейчас поясню священо действо с проверкой оружия. Закончив стрельбу, по уставу, солдат должен отстегнуть магазин, передернуть затвор, положить автомат на левый бок, направив ствол в сторону мишеней, произвести контрольный спуск (нажать на курок) и поставить авто-

мат на предохранитель. Такой вот порядок. От себя я добавлю, что весьма разумный и действенный по борьбе с суворовскими пулями-дурами. Наш отличник политической, но отнюдь не боевой подготовки, Саша Захлевных только что закончил стрельбу, выпустив веер пуль в сторону истерзанных мишеней. Дальше он приступил к священо действию, совершив при этом незначительную ошибочку. Первоначально передернул затвор, а потом отстегнул магазин. Далее близорукий Саша склонился над автоматом в поисках важной штучки – предохранителя и нажал на курок. Вы, читатель можете ломать голову над техническими деталями той ошибочки, но практически произошло то, что и должно было произойти. Раздался выстрел, гильза вылетела из дырочки не прикрытой "штучкой" – предохранителем, которую пытался отыскать близорукий Саша. Гильза вдребезги разбила линзу Сашиных очков с какими-то особыми диоптриями. Далее, видимо та часть мозгов Саши, отвечающая за связь с потусторонним миром решила – "Все, пора", сказала "Гуд бай" и отключила все прочие части мозгов. Бедный Саша потерял сознание и ткнулся мордой в злосчастный автомат. Кто-то из находящихся рядом "отстрелявшихся" товарищей охнул, кто-то матюгнулся, кто-то закричал "Убили". Но тут же рядом с Сашей Захлевных оказался полковник Крылов и дрожащими руками начал ощупывать Сашу на предмет поиска входного и выходного отверстий. Отверстий, к счастью, полковник Крылов не нашел. А судя по тому, что Саша еще

подергивал конечностями и бормотал что-то невразумительное, он понял, что Саша все еще жив.

— В госпиталь! – уверенно крикнул Крылов – Помогите поднять.

Подоспевшие ребята подхватили полу бездыханное, бормочущее тело Саши и поволокли в сторону поджидающего нас армейского грузовика. Сашу закинули в кабину. Туда же уселся полковник. Кто успел, запрыгнул в кузов грузовика. Но остальных уже не ждали. Грузовик резко тронулся, выскочил на проселочную дорогу и погнал в сторону лагеря.

То место, куда спустя 15 минут причалил грузовик именовалось медицинским пунктом первой помощи. Впрочем, безо всякой натяжки можно было бы добавить "и последней помощи". Располагался он в дощатом вагончике. То, что это учреждение имеет какое-то отношение к медицине обозначалось выцветшим от времени крестом бледно-розового цвета. Матерные выражения от благодарных пациентов покрывали наружные стены этого заведения. Сашу вытащили из кабины и по шаткой гнилой лестнице внесли внутрь. Саша оказался пациентом номер два, поскольку в этот момент шла операция над нашим же товарищем Витей Мордвинкиным.

В этом "медицинском" учреждении царствовали два товарища – представители двух, в то время еще, братских народов с такими же братскими фамилиями – Сидоров и Си-

дорчук. Хорошо было известно, что ни врачей ни медсестер в армию никакими коврижками было не затащить. Посему медицинский персонал формировался черт знает из чего. В частности эти два "удака" проживающие в нашем медицинском вагончике были когда-то студентами мединститута, изгнанные оттуда за неуспеваемость. Тем не менее военное начальство решило, что коли они пьянствовали и развратничали в общежитии медицинского института, то это самое, то что надо. Лучшей кандидатуры не сыскать. С тех под эти два "удака" обосновались в вагончике с бледно-розовым крестом и продолжали вести такую же беспутную жизнь, как и на гражданке в медицинской общаге. Ну а медицинская "помощь", которую они тут оказывали, как раз и соответствовала той матершине, украсившей стены их медицинского учреждения.

Наш товарищ Витя Мордвинкин как раз сидел на кухонном и одновременно операционном столе этого пункта, а два Сидора колдовали над мордвинкинской ногой, а точнее над мозолью взбухшей на пятке. Вчера Витя Мордвинкин натер ногу. Как это случилось – продырявился ли носок или загнулась портянка не имеет значения, но на утреннее построение он вышел в одном сапоге и в одной тапке, демонстрируя невозможность участвовать в полевых занятиях. Отгул-прогул от нашего начальника Крылова он получил. Потом естественно пошел досыпать в палатку. Выспавшись, он отпра-

вился в столовую, где разделил трапезу с дежурными поварами уминающими неучтенные продукты. Потом потихоньку потащился в медпункт, где ему была предписана срочная операция.

Все медицинское оборудование, включая лекарства состояло из трех вещей. Ножницы, вата и банка с нашатырным спиртом. Впрочем, этих трех вещей для искусных Сидоров было достаточно. Сидор номер один надколол ножницами водяную мозоль, выпустил оттуда водянистую жидкость. После этого, нисколько не сомневаясь в правильности своих действий начал ножницами вырезать свисающую кожуцу. Стошнить от этого зрелища никто не успел, и глаза ни у кого не успели вылезти из орбит, потому что в следующий момент у Вити Мордвинкина закатились глаза и он просто грохнулся с "операционного" стола. Стоящий рядышком Сидор номер два, видимо ожидающий подобный исход операции, тут же смочил ватку нашатырем и сунул ее под нос лежащему без сознания Мордвинкину. Запах нашатыря мгновенно вернул Виктора к жизни. Тот сел на задницу, но увидев склонившихся над ним двоих Сидоров, мгновенно перевернулся, встал на четвереньки, издал дикий вопль и пополз к выходу. И тут случилось чудо. Саша Захлевных, сидящий на стуле, казалось бы в потусторонней прострации, вдруг очнулся. Он сполз со стула и с криком "Не надо, я здоров!" тоже встал на четвереньки и пополз за Мордвинкиным к выходу.

Ну что? Теперь вы поняли, читатель, почему полковник Крылов, склонившийся над Максом Гуревичем опять с сомнением повторил все ту же фразу "В госпиталь?????????", выставив на этот раз восемь вопросительных знаков.

— Нет – яростно провозгласил он – Лучше я сам!

После чего склонившись над задницей Максима, ухватил двумя пальцами осколок и рванул его на себя.

— Ой, мама – лишь вырвалось у Максима. Но операция уже была успешно закончена.

Последняя послеоперационная часть спасения была завершена Крыловым все также искусно. Он достал фляжку, отвинтил пробку, после чего, не жалея стал поливать штаны и рану. Неприятный запах водки ударил в нос. Максим застонал. Но крылов уже закончил лечение. Приложив фляжку ко рту, Крылов большими глотками допил содержимое, после чего обратился к Максиму.

— Идти можешь?

— Нет! – признался Максим.

— Ну тогда ползи – заключил Крылов.

— Но только с песней – добавил он.

— И вообще. Ну вас всех нах** и их тоже нах**. Пойду сейчас к Зубову. Грохну эти чертовы гранаты на стол. Пусть сам кидает, если хочется.

Потом он повернулся и пошел в сторону исходного рубежа. Дойдя до полотенца с лежащими на нем гранатами, пол-

ковник нагнулся. Теперь уже легко и безбоязненно, подхватил их, сунул в карманы своего галифе и бодро зашагал по проселочной дороге.

Пошутили

У капитана Михайлова было два несчастья. Первое несчастье, преследовало его со дня рождения и было неисправимым. Дело в том, что капитан Михайлов был малюсенького росточка. Как часто выражаются в народе "метр с кепкой".

По-честному конечно же не метр, а слегка побольше – где-то метр пятьдесят, ну может быть метр шестьдесят, причем от силы. С таким росточком мужику тяжело везде, а в армии и подавно. Обычно рост пропорционален физической силе, хотя конечно бывают исключения. Но наш капитан Михайлов был явно не косая сажень в плечах, не маленький кряж. Был он весьма щупленького телосложения, что безусловно должно было выразиться на отношении к нему в казарме, где как известно царят законы волчьей стаи. Но это еще полбеда. Вторые полбеда заключались в том, что в армии все и всегда распределяется по росту. Первыми всюду поспевают здоровяки, стоящие во главе колонны. Ну а всякие "шибзики", стоящие в арьергарде подходят к любой раздаче последними. Потому и доставался капитану Михайлову всегда лежалый да и частенько порченный товар, начиная от продуктовых пайков, кончая боевыми подругами. Уж только от этого можно было взбеситься. Но это лишь было первое несчастье. Второе несчастье заключалось в том что капитан Михайлов был капитаном.

"Ну и что тут такого?" – скажет любой здравомыслящий человек – "В чем проблема то?"

Проблемы то конечно никакой нет, если тебя окружают

товарищи всех родов и званий. А если ты еще главный капитан среди лейтенантов и "старлеев", то это вообще сплошное удовольствие.

Но к сожалению случилось то, что капитан Михайлов служил на нашей военной кафедре, где он оказался единственным младшим офицером среди майоров и полковников. Так называемого старшего офицерского состава. И вот это вот обстоятельство бесило капитана Михайлова больше всего. По коридорам нашей военной кафедры прохаживались зазнайки офицеры, словно назло Михайлову сверкая своими большими позолоченными звездами на погонах. Капитану же Михайлову досталась нелегкая судьба трясти своей россыпью капитанских звезд и давиться от зависти. И это вот несчастье как-то особенно портило жизнь нашему капитану.

Впрочем, несчастье второе, в отличие от первого было делом устранимым. Наполеоновский комплекс, сидящий где-то в глубине капитана Михайлова толкал его к действию. Ну а какие действия доступны обыкновенному военному? Служи и все тут. Хотя, конечно можно и выслуживаться. По этому второму пути и двинулся капитан Михайлов.

Вскоре после прихода к нам на службу, капитан Михайлов фактически взял на себя несуществующую должность денщика начальника нашей кафедры полковника Зубова. Приносил чай в кабинет, не забывал подать шинель и полковничью папаху. С точки зрения службы к капитану Михайлову тоже не было никаких нареканий. Был он грозой всех нерадивых, а в группе студентов, где он был поставлен начальником, зверствовал всюду. Так что не выдать такому вот служаке очередное воинское звание, было бы делом абсолютно несправедливым, "западло" на уличном диалекте.

Впрочем, никто ничего против очередного звания не имел. За майорские звездочки начальник кафедры платил не из своего кармана, а все нужные бумаги к представлению видимо были аккуратно заготовлены самим капитаном Михайловым. Так что произошло все тихо, спокойно, незаметно, обыденно.

О предстоящем повышении в звании капитана Михайлова, мы студенты догадались по тому как он перестал зверствовать в коридорах военной кафедры и лично водить студентов в парикмахерскую. А накануне знаменательного дня вообще наставил всем студентам своей группы пятерок и отпустил их пораньше. Потом несколько наших студентов даже

видели вечером возле кафедры капитана Михайлова, выгружающего из такси ящик водки.

Следующий день предстоял быть для всех обитателей военной кафедры абсолютно обыденным, кроме конечно капитана Михайлова который должен переступить порог кафедры уже в новом звании.

На следующий день, как обычно, в 7 утра капитан Михайлов прибыл на работу. В зале-прихожей или как он там назывался – месте построений было пусто. Мы студенты являлись где-то в 8 утра, а военные преподаватели, для которых рабочий день начинался в 7, по обыкновению запаздывали. Так что капитан, а теперь уже майор Михайлов оказался там в одиночестве, точнее один на один с висящим там зеркалом. Наверняка майор Михайлов уже предостаточно покрутился перед зеркалом у себя дома, любясь звездами на погонах. Но оказавшись в одиночестве в "приемном зале", не утерпел перед желанием пройтись еще пару раз, поглядеть на свое отражение, полюбоваться своими новыми погонами. Гордо поглядывая в зеркало он прошелся из одного конца зала в другой. Развернулся, прошел еще раз, всё также любясь своими большими звездочками. И тут неожиданно из окна нашей военной раздевалки показалась голова гардероб-

щика дяди Коли. Не задаваясь никакими вопросами, дядя Коля сходу гаркнул на Михайлова.

"Эй капитан, чего тут расхаживаешь? Работы другой что ли нет? Новоявленный майор решил не связываться с хамом, тем более зная, что на нашего гардеробщика управу все равно не сыщешь. Он всего лишь гордо заметил – "Был капитан, да весь вышел. Теперь уже майор!"

"Майор!" – загоготал дядя Коля – "Какой ты нах.. майор. Приказов что ли не читаешь?"

"Каких еще приказов?" – едва прошептал Михайлов, чувствуя как сердце начинает неприятно сжиматься, пытаясь ускользнуть куда-то в пятку.

"А вот таких!" – победно заключил дядя Коля – "Разуй зеньки, да прочти!"

А потом еще больше распаясь добавил – "Сымай погоны! Кому говорю! Вырядился тут! Тоже мне майооор."

Слово майор он произнес растянуто, с издевкой словно вкладывая в него всю свою ненависть ко всяким там самозванцам.

Капитан-майор Михайлов уже мало что соображая, повернулся и на подгибающихся ногах пошел в направлении стенда, на котором вывешивалась всякая ценная и не очень информация. На стенде действительно висел лист белой бумаги начинающимся словом "Приказ" и заканчивающийся размашистой подписью начальника нашей кафедры полковника Зубова.

Ноги капитана уже практически не держали. Но упершись рукой в стену, капитан-майор Михайлов нашел относительно устойчивое положение, задрал голову и начал читать вслух.

"В связи с поступками майора Михайлова не совместимыми с гордым званием майора Советской Армии, выразившимися в надругательстве над переходящим красным знаменем, пьянством и последующей дракой с майором Ивогином, плясок в голем виде на столе начальника кафедры, а

также ..."

Тут уже майор Михайлов пропустил длинный список своих прочих прегрешений и перешел в конец приказа.

"Приказываю понизить майора Михайлова в звании до капитана."

Капитан-майор Михайлов простоял еще несколько секунд беззвучно глядя на листок приказа. Потом прошептал – "Неужели все это я?" Схватился за сердце и рухнул на пол.

В ту же секунду из кабинета начальника кафедры выскочили офицеры и устремились к лежащему на полу капитану Михайлову. Полковник Зубов, как старший и ощущая свою ответственность за случившееся, опустился на колени рядом с павшим товарищем. Он приподнял голову капитана и стал похлопывать Михайлова по щекам стараясь привести его в чувство. Одновременно он давал указания обступившим его офицерам.

"Майор Иволгин. Скорую помощь! Полковник Быков. Мокрое полотенце! Полковник Крылов. Спирту!"

Потом полковник Зубов вновь басил обращаясь к капитану Михайлову – "Вася, дорогой, очнись. Мы тут рядом – твои боевые товарищи."

Еще через минуту он уже принимал доклады подчиненных.

"Вызвал? Едут! Молодец Иволгин. Сиди на телефоне, держи под контролем."

"Что, Быков, полотенце нет на всей кафедре? Найди где хочешь!"

"Крылов. Что ты ему стакан в зубы суешь? Идиот! Я же велел принести нашатырного спирта на ватке."

Потом он вновь обращался к Капитану Михайлову – "Дер-

жись, Вася! Скорая уже рядом."

А собственно произошло вот что. Как вы уже знаете, капитан Михайлов притащил на кафедру ящик водки обмыть его новые майорские звездочки. По давно заведенной традиции, ему налили стакан водки, бросили туда майорскую золоченую звездочку. Стакан этот капитан должен был выпить до дна и достать звездочку зубами. Потом тоже самое повторили со второй звездой. После этого капитан Михайлов вырубился, что совсем не мудрено, учитывая крошечный ростик и петушиный вес новоявленного майора. Соратники офицеры не долго думая вызвали такси, погрузили туда майора Михайлова и отправили домой, вручив таксисту дополнительные три рубля на доставку Михайлова прямо к дверям квартиры. Сами же они естественно остались допивать водку.

А потом кто-то из наиболее находчивых наших военных вспомнил, что сегодня 31 марта, а завтра намечается самый веселый день – 1 апреля и предложил подшутить над капитаном-майором Михайловым. План созрел быстро. Гогочу-

щие офицеры сочиняли приказ по кафедре, дописывая туда все новые и новые подвиги капитана. Потом перепечатали начисто весь этот бред на пишущей машинке. Поддатый начальник кафедры полковник Зубов приказ этот "подмахнул" и пригнул его печатью. Потом бумажку с приказом вывесили на стенд и разошлись, сговорившись приехать пораньше и понаблюдать за тем что произойдет. Благо двери кабинета полковника Зубова выходили прямо в "приемную залу", а щелочка в двери обеспечивала стратегический обзор. Ну а что произошло дальше, вы уже собственно знаете.

Единственная загадка состояла в том – подговорили ли наши шутники офицеры гардеробщика дядю Колю или по-рол он отсебятину. Скорее всего действовал дядя Коля по собственной инициативе. Актер дядя Коля был хреновый, а так натурально выразить свое возмущение самозванцем майором мог лишь простой, непосвященный человек.

Когда наконец в 8 утра начали прибывать на кафедру студенты их взорам представлялась удивительная картина. В кабинете начальника кафедры на кушетке лежал капитан Ми-

хайлов. Рядышком сидел полковник Зубов и успокаивал павшего товарища. Капитан же Михайлов по перемене то хватался за сердце, сопровождая это криками "Ой, умираю!", то ощупывал руками погоны, выговаривая плаксивым голосом – "Погоны отдайте. Квартиру возьмите, деньги возьмите. Только погоны отдайте!"

Рядышком с кабинетом стояли носилки. Бригада скорой помощи находилась тут же. Люди в белых халатах совещались, решая вопрос, куда же везти капитана Михайлова – в военный ли госпиталь, в отделение инфарктников или в психиатрическую больницу.

Студенты сгрудились возле стенда, вычитывая опус-приказ и хохотали над вчерашними проделками капитана Михайлова. В спешке, после всего что произошло злополучный приказ забыли снять.

А из-за двери кабинета начальника кафедры доносился отеческий бас полковника Зубова – "Ну успокойся Василий. Ничего у тебя не отнимают. Мы же просто пошутили!"